ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

№4 (04)
2023

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№4(04)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023 г.
ОСНОВАН в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ПРОМ Н.А. Прагматические типы медиафактов 4

КИСЛЯКОВА Е.Ю. Ино-образ как параметр категории инакости 9

БОБЫРЕВА Е.В., ОМЕЛЬЧЕНКО О.В. Запрет в религиозном дискурсе: жанр или речевой акт? 14

ИВАНКОВА И.В., ТОЛКАЧЕВА Н.А. Процессы инференции в художественном тексте 20

СУНЬ ИХАНЬ, ВОЛКОВА Я.А. Понятийный компонент лингвокультурного концепта «ЧАЙ» в китайском и русском языках 26

ДЕМКИНА Ю.А. Концепт «испорченность» в романе Ф.Э. Бёрнетт «Маленький Лорд» 30

НАГОРНОВ М.И. Семантическое поле эмоционального кластера “fear/miedo” в английском и испанском языках 36

МАКАРОВА О.С. Концепт *мир* в концептосфере немецкого философа Фридриха Ницше 41

МУРЗИНОВА И.А. Языковые средства реализации стратегий онлайн-коммуникации лингвокультурным типажом «видеоблогер» в англоязычном медийном дискурсе 45

ПИСАРСКАЯ Т.Р., ЯКИМЕНКО Н.Е. О языковом статусе *спанглиш* 56

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е.Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

ТЕРКУЛОВ В.И. Общая характеристика астионимов донецкого Донбасса 62

ВЕРХОВЫХ Л.Н. Воронежские пословицы и поговорки через призму семантики диалектного слова..... 69

НИКИТИНА А.В. Пойми меня: детская речь в современном российском контексте 75

АЛЕКСЕНЦЕВА Е.О. Морфологические средства создания диалогичности в лирике А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского 80

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЗАВЬЯЛОВА Е.Е. Эвристический потенциал антропологического пространства: проблематика и поэтика рассказа А.В. Королёва «Лесенка в небо» 87

ХАНИНОВА Р.М. Сомническое пространство в калмыцкой лирике XX – начала XXI в. 91

ШЕЛЕНОК М.А. «Левая грудь Афродиты»: проблематика и поэтика первой пьесы Юрия Полякова..... 99

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

КРЮКОВА И.В. «Ономастика Поволжья – XXI»: проблемы и перспективы исследования имен собственных..... 104

ГУЛИНОВ Д.Ю. Актуальные вопросы романистики в контексте современных вызовов и самоидентификации 107

ЧЕРНИЦЫНА Т.В. О чем говорят улицы (рецензия на книгу: Разумов Р.В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография / Р.В. Разумов; под научной ред. В.И. Супруна. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.)..... 111

Сведения об авторах.....117
Information about authors.....119
Состав редакционной коллегии 121
Состав научно-редакционного совета.....121

Перевод на английский язык А.С. Караваевой.

Подписано в печать
25.12.2023

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 25/12/1

Выход в свет
15.01.2024

Цена свободная

12+

© Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Н.А. ПРОМ
Волгоград

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ МЕДИАФАКТОВ

Рассмотрены понятия медиареальности и медиафакта. Определены типы медиафактов, а именно: отражение объективной реальности, адаптация объективной реальности к ценностям реципиента, искажение объективной реальности. Выявленным типам медиафактов дана лингвопрагматическая характеристика.

Ключевые слова: *медиадискурс, медиафакт, прагматические типы медиафактов, объективная реальность, отражение, адаптация, искажение.*

Картина мира современного человека включает образы реальности, соответствующие действительности либо искаженные в различной степени. Образно-текстовая медиареальность, влияющая на картину мира, декларирует себя правдивым образом действительности. В этой репрезентации обнаруживаются элементы отражения и искажения объективной реальности. Образование медиареальности видится как когнитивное конструирование с помощью фактов объективной реальности и фактов субъективной реальности участников коммуникации. Бóльшая опосредованность восприятия действительности чужим сознанием приводит к меньшему соответствию медиатекста оригиналу – объективной реальности. В генерировании медиареальности может использоваться такая конструктивная единица, как вымысел, реализующий манипулятивность медиатекста.

В филологии разработан ряд типологий медиатекстов. В исследовании, посвященном дискурсивному конструированию действительности с учетом нужд и интересов социальных институтов, Е.В. Федосеева определяет два типа медиафактов:

1) сообщение по поводу общественно значимого события, намеренно отобранного адресантом из потока событий реальной действительности и представленного как резонансное;

2) сообщение о псевдособытии в вымышленном мире, а потому искажающее действительность [7, с. 314].

В соответствии с данными типами медиафактов выявлены языковые маркеры и когнитивные механизмы дискурсивной репрезентации действительности по типам *отражение* и *конструирование*. Следует заметить, что Е.В. Федосеева в своей работе исследовала только новостные тексты политической тематики, результатом чего стало категоричное разграничение медиафактов на правдивые (медиарепрезентация действительности по типу «отражение») и ложные (медиарепрезентация действительности по типу «конструирование»). Если говорить о медиадискурсе вообще, то проблема представляется несколько сложнее.

Рассматривая особенности лингвостилистического рисунка и оформления смысла в медиатекстах, Т.Г. Добросклонская отмечает их особое звучание и тональность, зависящие от многих факторов, и предлагает следующие модели отображения реальных событий в качестве основных типов медиарепрезентаций, а именно: отражение, реконструкция и миф [2, с. 25]. Понимание медиафактов как текстовых фрагмен-

© Пром Н.А., 2023

тов, которые включают вербальный и/или невербальный компоненты, объединенные функционально-смысловой завершенностью [6], и контекст нашего исследования значительно меняют точку обзора медиатекстов.

Медиафакты в текстовом виде распространяются по каналам СМИ и подвергаются сложным трансформациям – детализации, интерпретации, верификации, коррекции и искажениям. В этой связи представляется необходимым определить прагматические типы медиафактов, репрезентирующих состоявшуюся фактуализацию реальности.

Текст медиадискурса выполняет определенные функции. Будучи единицей текста и, следовательно, медиадискурса, факт реализует эти функции и вместе с тем соответствует типу фактуализации, его продуцирующей (см. подробнее: [6, с. 63–67]). Учитывая функциональный аспект фактуализации, мы определили прагматические типы медиафактов, а именно:

1) правдивые, объективные медиафакты, отражающие объективную реальность;

2) медиафакты, адаптирующие объективную реальность к субъективной реальности для успешной перцепции медиареальности адресатом и последующего воздействия на его сознание, – субъективные факты;

3) медиафакты, искажающие объективную реальность, – фактоиды. Остановимся на них подробнее.

Прагматический тип «отражение», представленный в классификациях медиатекстов многих исследователей, для нас также является очевидным. Он представляет собой максимально точное отражение объективной реальности с возможными стилистическими особенностями. Функция данного типа медиафакта состоит в информировании аудитории о событиях этой реальности. Тип «отражение» представлен, прежде всего, новостными сообщениями. Их характерным лингвистическом признаком является «обязательное наличие ссылок на источник информации и отсутствие аналитически-комментирующего и оценочного компонентов» [2, с. 24]. Примеры таких медиафактов мы можем найти в респектабельных изданиях, в узкопрофессиональных и экспертных рубриках и передачах научной, культурной, экономической и пр. тематики, например, «Вместо пломбы вводить в пораженную кариесом зону стволовые клетки предложили американские ученые. В своих экспериментах они показали, что такие клетки можно превратить в специализированные клетки, формирующие зубную эмаль и твердую ткань зуба» [Российская газета, 27.08.2023]. «В Турции обнаружили ранее неизвестный древний индоевропейский язык» [N+1, 22.09.2023]. “Benchmark U.S. lending rate stays at highest level in 22 years” [CBC News, 1.11.2023]. – «Базовая ставка по кредитам в США остается на самом высоком уровне за 22 года» (Здесь и далее перевод наш. – *Н.П.*). Как видим, отражающими являются объективные факты, в которых не выявляются ни ценностные шкалы, ни стратегии или тактики речевого воздействия.

Прагматический тип «адаптация». Адаптированные медиафакты уступают информированию по критерию точности и конкретности репрезентации события, однако выигрывают в разнообразии его интерпретаций. Они обнаруживаются во всех типах медиатекстов, чаще аналитических. Вместе с тем современные исследования в области когнитивной лингвистики характеризуют новостные тексты как насыщенные стратегиями фокусного конструирования и интенсивно разрабатывают модели интерпретации события в новостном дискурсе [1; 3]. Адаптация необходима при генерировании популярного профессионального – медицинского, научного, технического и пр. – типа дискурса для презентации в медиа для обычных людей, определенных возрастных и профессиональных групп. Адаптация крайне важна при создании фейков с целью нивелировать границу между правдой и вымыслом.

Медиафакты данного прагматического типа влияют на сознание аудитории, с одной стороны, и создают благоприятные условия для последующего воздействия, с другой. Их эффект представляет собой имплицитное или скрытое воздействие. В этой

связи можно говорить о том, что функцию адаптации выполняет какой-то элемент целого факта, например, оценочность, соединяющая объективную реальность с медиареальностью.

Первыми сообщениями по поводу крупных событий обычно бывают объективные, на первый взгляд, пропозиции, но выбор лексики уже задает ориентир для интерпретаций, например, «Мексиканский журналист и уфолог Хайме Мауссан показал конгрессу Мексики маленьких мумифицированных существ якобы неземного происхождения» [Известия, 13.09.2023]. Это первичный факт, построенный по информационной модели «кто? – что сделал? – где?». Однако даже эта формулировка содержит признаки определенной адаптации, в том числе имплицитную информацию об отношении адресанта, разделяемом адресатом в силу общей фактуальной информации и ценностной шкалы. Общая шкала оценок выявляется в номинации субъекта: это *журналист и уфолог*. Представляется, что ни профессия журналиста, ни квазинаука уфология не обеспечивают научную и достоверную базу для доверия аудитории выступающему в вопросе существования инопланетян. Поэтому данное сообщение ассоциируется с новостью о каком-то представлении, что подтвердили последующие медиафакты, содержащие театральную метафору: «Мексиканский уфологический театр: что за мумии инопланетян показали на слушаниях в конгрессе? Тела инопланетян с заседания мексиканского конгресса оказались мумиями индейцев» [Интерфакс, 16.09.2023]. Следовательно, приведенная адаптация задает вектор последующих аналитических материалов и подготавливает аудиторию к «правильному» их восприятию.

Манипулирование сознанием адресата становится возможным благодаря адаптации восприятия к определенному ракурсу, фокусу, стилю. Особенностью адаптированного медиафакта является его запрограммированность на реализацию суггестивного эффекта в интересах конкретного субъекта – социально-политического, целью которого является формирование определенных ценностей общества, либо коммерческого, рекламирующего тот или иной продукт. Создатели медиафактов деформируют объективную реальность и достигают манипулятивного эффекта благодаря добавлению эмоциональных, иногда агрессивных комментариев и оценок, замаскированных интерпретациями и переставлением акцентов [9, с. 27–28]. Результатом создания и тиражирования адаптированных медиафактов становятся разного рода мифы – стереотипы, имиджи медийных личностей и пр.

Адаптация видится как компромисс объективной и субъективной реальностей, признаки которых могут выявляться во всех типах текстов. Адаптацию иногда трудно отличить от искажения. Мы считаем необходимым разделять эти понятия и определяем искажение как умышленное введение вымысла в медиатекст с корыстными целями, а адаптацию связываем с интенцией добиться согласия собеседника.

Прагматический тип «искажение». Медиафакт, нетождественно отражающий объективную реальность, содержит элементы вымысла и условный модус реальности (имплицитно либо эксплицитно) [4] и представляет собой искажение. Анализ лингвистических исследований подобных текстов и нашего эмпирического материала установил, что искаженный факт выполняет ряд функций.

- Развлекательная функция медиафакта реализуется в силу переосмысления фактов, в том числе новостных, и выявляется в юмористическом дискурсе. Стоит заметить, что любой тип общения в рамках медиадискурса редко лишен развлекательности.
- Манипулятивная функция является результатом конструирования виртуальной реальности как максимально искаженной объективной реальности или даже подмены последней вымышленными фактами – фактоидами. Медиареальность может наполняться фактоидами и тогда уже не соответствует объективной реальности.

К первой функциональной группе относятся сообщения в социальных сетях, на специальных юмористических/сатирических сайтах, которые сопровождаются инфор-

мацией о том, что все тексты здесь представляют собой гротескные пародии на реальность и не являются настоящими новостями. Статьи подобных развлекательных изданий комментируют актуальные события как реальные, так и вымышленные. Например, «Безопасность армянских военнослужащих, принимающих участие в учениях Eagle Partner 2023 совместно с армией США, должна стать приоритетом номер один для российской миротворческой миссии, заявил премьер-министр Армении Никол Пашинян» [Панорама. Сатирическое издание, 20.09.2023]. Приведенное заявление президента Армении является, разумеется, вымышленным, но содержит намек на тенденцию нарастающей абсурдности последних его заявлений, включающих необоснованные претензии к России.

"Ron DeSantis announces he will live as slave for one year to prove it not bad" [The Onion, 21.09.2023]. – «Рон ДеСантис объявил, что проживет в качестве раба один год, чтобы доказать, что это не так уж и плохо». Данное сообщение в американском издании о начавшейся предвыборной кампании кандидата от республиканской партии Рона ДеСантиса показывает, что участники этой гонки готовы на многое, особенно на провокативные поступки в стиле эпатажного однопартийца, экс-президента США Д. Трампа.

Фактоиды – это искаженные факты, выполняющие манипулятивную функцию. Они имеют место в случае, когда медиапроизводители не находят в объективной реальности фактов, соответствующих задачам лоббирующего социального института [5]. Вместо реальных фактов генерируются сообщения о несостоявшихся событиях или даже фальшивая реальность, но отвечающие потребностям заказчика этой реальности, где его присутствие не будет очевидным [8, с. 150]. Например, «В Москве снова открывают ковидные госпитали из-за резкого роста числа заболевших» [URA.RU, 19.09.2023]. Данное сообщение направлено на повышение градуса тревожности в российском обществе. На фоне правдивого события (открытие ковидного госпиталя в Москве) производится подмена его причины, а именно «стандартная практика – открывать ковидные отделения с наступлением сезона простуд» [Известия, 20.09.2020]. Открытие госпиталя представлено как экстренная ситуация в столице, связанная с вымышленным резким ростом заболеваемости COVID-19. Подобные алармические сообщения на тему здоровья, международной обстановки, мошеннических действий и пр. распространяются чаще всего в социальных сетях и становятся вирусными в силу тревожности в обществе. Например, «Фитнес-браслеты и умные часы вредят здоровью»; «Введение цифровых паспортов приведет к тотальной слежке» и пр.

Таким образом, прагматическими типами медиафактов являются отражение, адаптация и искажение. Медиафакты, ставшие продуктом фактуализации по типу «отражение», обеспечивают связь с объективной реальностью и определенную верификацию медиареальности. Адаптация в виде интерпретированных фактов действительности обеспечивает подготовку аудитории к восприятию последующего речевого воздействия. Искажение становится возможным благодаря вымыслу. Важно отметить, что все прагматические типы медиафактов взаимообусловлены.

Список литературы

1. Беляевская Е.Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 19(758). С. 18–27.

2. Добросклонская Т.Г. Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 18–27.

3. Ильинова Е.Ю., Волкова О.С. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 7(746). С. 87–95.

4. Пром Н.А. Модус реальности медиадискурса: имплицитная условность // Современный ученый. 2020. № 5. С. 203–208.

5. Пром Н.А. Фактоид vs фейк: идентификация и модели анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 142–152.

6. Пром Н.А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения: монография. Волгоград, 2020.

7. Федосеева Е.В. Типы репрезентации действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в британских и американских СМИ) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 310–316.

8. Шестерина А.М. Писихология журналистики. Воронеж, 2011. Ч. 1.

9. Teun A. van Dijk. Ideology: A multidisciplinary approach. Thousand Oaks, 1998.

* * *

1. Belyaevskaya E.G. Diskursivnaya interpretaciya i reinterpretaciya znanij o mire v yazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 19(758). S. 18–27.

2. Dobrosklonskaya T.G. Metodologiya analiza mediatekstov v usloviyah konvergentnyh SMI // Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikacionnye i eticheskie problemy. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (26–27 aprelya 2013 g.). M., 2013. S. 18–27.

3. Il'inova E.Yu., Volkova O.S. Kognitivno-diskursivnyj aspekt mediareprezentacii sobytiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 7(746). S. 87–95.

4. Prom N.A. Modus real'nosti mediadiskursa: implicitnaya uslovnost' // Sovremennyj uchenyj. 2020. № 5. S. 203–208.

5. Prom N.A. Faktoid vs fejk: identifikaciya i modeli analiza // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2022. T. 21. № 4. C. 142–152.

6. Prom N.A. Faktualizaciya real'nosti v mediadiskurse: harakteristiki, tipy, sposoby vyrazheniya: monografiya. Volgograd, 2020.

7. Fedoseeva E.V. Tipy reprezentacii dejstvitel'nosti v mediadiskurse (na materiale statej o Rossii v britanskih i amerikanskih SMI) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 2. S. 310–316.

8. Shesterina A.M. Pisihologiya zhurnalistiki. Voronezh, 2011. Ch. 1.

The pragmatic types of media facts

The article deals with the concept of the media reality and the media fact. The types of the media facts (the reflection of the objective reality, the adaptation of the objective reality to the values of the recipient and the distortion of the objective reality) are defined. There is given the linguopragmatic characteristics to the revealed types of the media facts.

Key words: *media discourse, media fact, pragmatic types of media facts, objective reality, reflection, adaptation, distortion.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2023)

Е.Ю. КИСЛЯКОВА
Волгоград

ИНО-ОБРАЗ КАК ПАРАМЕТР КАТЕГОРИИ ИНАКОСТИ

Рассматривается параметр категории инакости – Ино-образ участников общения, являющийся результатом взаимодействия Я-образов коммуникантов, актуальных здесь-и-сейчас и ситуативно обусловленных в процессе общения. Ино-образ флуктуативен, гибок и варьируем, способствует созданию образа Другого – наиболее обобщенного стереотипизированного представления о коммуниканте, хранящегося в когнитивной памяти человека и формирующегося как результат «пережитых» разноситуативных Ино-образов партнера.

Ключевые слова: *коммуникативная категория, инакость, параметр, Ино-образ, образ Другого, экологичность/неэкологичность общения.*

Одним из определяющих параметров межличностного взаимодействия как во внутри-, так и межкультурной коммуникации является коммуникативная категория инакости. Как было установлено нами ранее, инакость в коммуникации является сложной многомерной категорией, характеризующейся такими признаками, как имплицитность, параметричность, варьируемость, ситуативная обусловленность и пр. [4, с. 105–121].

Коммуникативное взаимодействие партнеров может определяться, обусловливаться и развиваться в зависимости от характера объективации данной категории, являющейся преимущественно латентной. В результате это влияет на выбор определенных языковых средств, дискурсивных маркеров и использование соответствующих коммуникативных стратегий и тактик, что в совокупности задает экологичный/неэкологичный вектор общения (подробнее см.: [5]).

В своем исследовании категории инакости мы предложили развитие отдельной области лингвистического знания, тесно связанного с решением частных задач коммуникативистики, – *лингвоаллологии,* объектом изучения которой является Другой как вариативный, ситуативный участник общения (включая Я-Другой, Другой Я). Одним из ключевых аспектов этого научного направления выступает разработка проблемы возникающих в процессе общения Ино-образов коммуникантов.

Здесь уместно вспомнить пример из англоязычной классики: *“And the moral of that is – ‘Be what you would seem to be’ – or, if you’d like it put more simply – ‘Never imagine yourself not to be otherwise than what it might appear to others that what you were or might have been was not otherwise than what you had been would have appeared to them to be otherwise”* [8, p. 108]. (*Никогда не думай, что ты иная, чем могла бы не быть иначе, чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть*) (Перевод наш. – *Е.К.).*

Действительно, известный нам мир общения балансирует на запутанном переплетении Ино-образов как собственных, так и других, и очевидно, что категория инакости имеет непосредственное отношение к различным аспектам коммуникативистики. Сама коммуникация определяется как процесс социально-культурного конструирования, в котором особым образом акцентируется обязательный компонент коммуникативного взаимодействия – Другой.

Отношение к Другому, взаимодействие с Другим, а также взаимообусловленность Другим выступают в качестве фундамента межличностного общения, в результате которого возникает осознание инакости как имманентного свойства любого взаимодействия Я и Другого. Наше Я создается и претерпевает изменения посредством диалога: одни его стороны раскрываются, закрепляются и утверждаются, другие перестают быть акту-

© Кислякова Е.Ю., 2023

альными и значимыми, переходя в латентный статус. Здесь уместно вспомнить важное замечание М.М. Бахтина о том, что в процессе общения мы взаимодействуем не только с непосредственным партнером, но и всеми другими «скрытыми людьми», которые повлияли на разных этапах нашей жизни на формирование нашего Я [2, с. 329–363].

В приведенной ниже цитате Г.И. Гурджиев образно выразил то, что сегодня является неоспоримым тезисом во многих психологических учениях – это наличие множественности субличностей, «Я» в структуре человеческой личности: «…Каждую минуту, каждый миг человек говорит или думает: “я”. И всякий раз его “я” – иное. Только что оно было мыслью, а теперь стало желанием. Ощущением, другой мыслью и т. д., до бесконечности… Имя человеку легион» [Цит. по: 7, с. 31].

Вместо единого «Я» сосуществует целое множество «Я» (не одна личность, а множество личностей, например, мое второе «Я», истинное «Я», откровенное «Я» и т. п.), каждое из которых является продуктом пережитого опыта во взаимодействии с другими коммуникативными партнерами. При этом важно осознавать, что все «лики» моего «Я» являются собственными, индивидуальными, интериоризованными.

Именно признание многогранности Я и является отправной точкой в нашем исследовании Ино-образов, которые представляют собой результат наложения Я-образов партнеров. Хорошо известно: чем больше помех возникнет при таком наложении, тем объективнее и эксплицитнее инакость, тем ярче проявляется собственное, особое видение мира, свой набор импликатур и референций, свое концептуальное наполнение вербального знака в отличие от данных параметров у коммуникативного партнера.

Согласно теории и практике общения в коммуникации имеет место согласование альтеров коммуникативных партнеров, которое заключается в соотнесении собственного видения себя в конкретной коммуникативной ситуации с видением себя своим собеседником. Любое коммуникативное взаимодействие в этом смысле является одновременно «переговорно-договорным процессом, процессом согласования идентичностей» [6], но в одной ситуации согласование имеет мирный и спокойный характер, в иной – напряженный, токсичный, возможно даже агрессивный.

Современную коммуникативистику по-прежнему интересует «Я», но не как то, что человек «имеет», а как то, что возникает, проявляется, актуализируется в конкретных ситуациях общения, производится и воспроизводится, конструируется во взаимодействиях с коммуникативным партнером, идентифицируется, координируется, презентируется, трансформируется от конситуации к конситуации. Такое понимание сущности «Я» способствует осознанию инакости в ее коммуникативном проявлении как множественности «Я-образов», идентичностей коммуникантов. При этом важно отметить, что все эти «Я-образы» складываются под воздействием Другого как участника общения.

Поэтому долгое время считавшийся нормой в лингвистических исследованиях, в коммуникативных исследованиях конструкт «Я как коммуникативный партнер № 1 – Другой как коммуникативный партнер № 2» и каждый их них со своим набором коммуникативно значимых признаков представляется не совсем полным (см., например, модели коммуникации Г.Д. Лассуэлла, У. Шрамма и Ч. Осгуда). Подобные модельные конструкты пытаются отобразить процесс общения в слишком жестких оппозициях, не отображающих те нюансы взаимодействия сознаний коммуникантов, при которых происходит их качественное изменение и понимание друг друга. При подходе, который мы предлагаем, должно появиться связующее звено между взаимодействием Я-образа одного коммуниканта и Я-образа другого коммуниканта, актуальных «здесь-и-сейчас» и ситуативно обусловленных в процессе общения. Именно это недостающее звено мы предлагаем обозначить термином *Ино-образ*.

Здесь возникает логичный вопрос о разграничении введенного нами понятия Ино-образа и уже долгое время бытовавшего в науке термина *Образ Другого*. Размышляя в логике Фердинанда де Соссюра, разграничивавшего в свое время язык и речь, приходим

к выводу, что *Ино-образ* в его психологическом проявлении *предстоит*, предшествует созданию более-менее устойчивого образа Другого, который лингвистами учитывается как фактор адресата [1, с. 105–121]. Если *Образ Другого* характеризуется устойчивым набором признаков, в большинстве своем отраженных в коллективном восприятии Другого, а также системной воспроизводимостью, то Ино-образ флуктуативен, ситуативно обусловлен, гибок и варьируем, является компонентом индивидуального сознания коммуниканта.

Проблема Ино-образа как пересечение, наложение, взаимодополнение и даже взаимоотрицание Я-образов коммуникантов так или иначе подводит нас к вопросу нормы и ее границе. По мнению Ж. Делёза, вопрос о сознании Другого стал предметом серьезной дискуссии еще в философии И. Канта. Эта научная мысль получила развитие из тезиса о разнообразии языковых форм описания мира. Поскольку существует более, чем один способ описать объективную действительность, значит, вполне вероятно, я не вижу мир таким, каков он есть, иными словами, моя точка зрения не может претендовать на универсальность, существуют иные точки зрения, отличные от моей. Значит, конституирующая роль Другого – это условие, при котором субъект может, с одной стороны, осознать свою особенность и, с другой стороны, перестать считать себя эталоном нормы [3].

Для коммуникативистики важно, чтобы норма осуществлялась в процессе общения. Если в целом признавать конвенциональную природу нормы, то в коммуникации, с учетом постоянной необходимости формирования Ино-образа коммуникативного партнера для наиболее успешного и эффективного взаимодействия, норма должна складываться как результат ситуативного «договорного» процесса. Иными словами, каждый коммуникативный акт «прописывает» свои нормы общения, которые складываются в результате адаптации говорящих сознаний друг к другу. В качестве примера приведем отрывок из художественного кинофильма «Осенняя соната», в котором молодая женщина по имена Эва рассказывает супругу о своей матери, формируя тем самым в его сознании ее образ с определенным набором признаков:

Уж эта моя несравненная матушка. Видел бы ты ее, когда я сказала, что Хелена живет у нас. Видел бы ты ее улыбку. Ну да, она выдавила улыбку, хотя эта новость ошеломила ее. Когда мы стояли перед дверью Хелены, словно актриса перед выходом на сцену – дрожит, но вида не показывает. Собрана, владеет собой. Спектакль был сыгран на славу. Зачем она приехала? На что надеется после семи лет разлуки? …

Я думала, отчего у нее бессонница? Теперь поняла. Если бы она спала нормально, то своей жизненной энергией сокрушала бы мир. Так что природа лишила ее хорошего сна из чувства самосохранения и человеколюбия…

Она обязательно разоденется к обеду. Ее парижские безупречные туалеты, хоть и ненавязчиво, но будут напоминать, что она одинокая и безутешная вдова (Осенняя соната, 1978).

Одной из возможных причин коммуникативных неудач, приводящих к неэкологичному общению, является, на наш взгляд, так называемое «застревание» в образе Другого, иными словами, неумение или нежелание «прочитывать» Ино-образ собеседника. В этом случае инакость становится осязаемой, конфликтогенной, и неготовность адаптироваться к ней может иметь самые разнообразные негативные последствия, включая открытую агрессию. В выше процитированном кинофильме «Осенняя соната» имеет место конфликт между матерью и дочерью, которые не виделись много лет и у которых осталось много невысказанных претензий друг к другу. В момент встречи они уже разные люди, и их прежние попытки угодить из вежливости, из боязни обидеть друг друга складываются в неадекватные образы друг друга. Поэтому в момент конфликта они узнают о страхах, страданиях друг друга, но эмоционально накаленная ситуация не позволяет им сформировать адекватные Ино-образы друг друга, за которыми может последовать принятие собеседника:

– По вечерам с папой сидела я и успокаивала его. Говорила ему, что ты его все еще любишь и скоро к нему вернешься. Читала ему вслух твои письма, твои длинные, страстные и юморные письма, в которых ты рассказывала о своих интересных путешествиях. Мы сидели рядышком и как идиоты перечитывали твои письма. По два, по три раза. Ты казалась нам самой лучшей женщиной на свете.

– Эва, ты меня ненавидишь.

– Я не знаю! Ты так неожиданно приехала, и я так этому рада. Не знаю, чего я ожидала. Я подумала, что тебе грустно и одиноко.

– Тебе не понять, что те годы были для меня сущим адом… Что за улыбка?! Я пытаюсь быть честной. Я говорю, как есть, и мне все равно, что ты мне не веришь.

– Я пытаюсь тебя понять («Осенняя соната», 1978).

Проблема умения считывания Ино-образа собеседника крайне актуальна для лингводидактики и ее основных направлений. В прикладном аспекте до сих пор сохраняется лакуна по методам и приемам формирования соответствующих компетенций конструирования Ино-образа собеседника, благоприятно влияющих на экологию общения.

Одним из таких приемов, который давно предложен филологами, может быть ретроспективное реконструирование Ино-образов: восстановление пропущенных Ино-образов собеседника в результате рефлексии по поводу имеющегося более или менее устойчивого его образа. Это ответы на вопросы, заданные анализом художественного текста по поводу коммуникативного поведения героев в различных ситуациях. Но как показывает практика общения, одного этого метода недостаточно, особенно при подготовке специалистов узкого профиля.

Подведем итоги. В современном понимании коммуникативных процессов категория инакости является по отношению к категории «Я» значимой и первостепенной, что выносит на повестку дня проблему взаимообусловленности одного и другого. Ино-образ, формирующийся в коммуникативном сознании языковой личности, определяет инакость как один из ее категориальных признаков. Ино-образ стоит в одном ряду с

Ино-образ в модели коммуникации Я и Другого

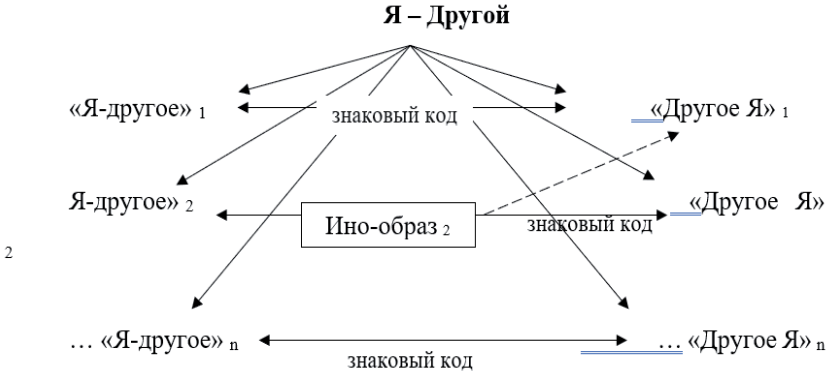

Рис. Схема «Ино-образ в модели коммуникации Я и Другого»

понятиями Я-образа, моего другого «Я», образа Другого и имеет собственное содержание – он является ситуативно обусловленным значимым компонентом коммуникативного акта, т. к. на его основе может происходить формирование единого коммуникативного центра интеракции, а также становление всех возможных «Я» личности, которые складываются во взаимоотношениях с Другими «Я» (см. рис. на с. 12).

Как показывает схема, конструирование говорящим Ино-образа, адекватного самовосприятию Другого, способствует успешной коммуникации (например, во взаимодействии, выраженном схематически на рис. на с. 12 как Я-другое$_2$ – (Ино-образ$_2$) – Другое Я$_2$). Если в общении с собеседником формируется неадекватный Ино-образ (например, соответствующее Другому Я$_1$), то в коммуникации возникают помехи, о чем свидетельствует прерывистая линия на схеме.

Ино-образ как научный конструкт относится к сферам когнитивно-дискурсивной лингвистики и коммуникативистики и выявляется с помощью их методов. Как компонент коммуникативного сознания он является первостепенным по отношению к образу Другого. Образ Другого – это наиболее обобщенное стереотипизированное представление о коммуниканте, хранящееся в когнитивной памяти человека и формирующееся как результат «пережитых» разноситуативных Ино-образов партнера. Но именно с формирования Ино-образа начинается любое коммуникативное взаимодействие.

В перспективе большой интерес представляет собой исследование лингвистических особенностей конструирования Ино-образов коммуникантов (выбор языковых и стилистических средств, коммуникативных стратегий и тактик, эмоционально-смысловое варьирование порождаемых текстов и пр.).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1997. С. 329–363. Т. 5.
3. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.; Екатеринбург, 1998.
4. Кислякова Е.Ю. Инакость как коммуникативная категория [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. 2018. № 1. С. 105–121. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 10.07.2023).
5. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград, 2018.
6. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая; под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб., 2011.
7. Пузырев А.В. Пролегомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики». Ульяновск, 2010.
8. Carroll L. Alice’s Adventures in Wonderland. Branden Books, 2000.

* * *

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M., 1999.
2. Bahtin M.M. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1997. S. 329–363. T. 5.
3. Delez Zh. Logika smysla / per. s fr. Ya.I. Svirskogo. M.; Ekaterinburg, 1998.
4. Kislyakova E.Yu. Inakost' kak kommunikativnaya kategoriya [Elektronnyj resurs] // Mir lingvistiki i kommunikacii. 2018. № 1. S. 105–121. URL: www.tverlingua.ru (data obrashcheniya 10.07.2023).
5. Kislyakova E.Yu. Kommunikativnaya kategoriya inakosti: monografiya. Volgograd, 2018.
6. Mezhlichnostnaya kommunikaciya: teoriya i zhizn' / O.I. Mat'yash, V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zarickaya; pod nauch. red. O.I. Mat'yash. SPb., 2011.
7. Puzyrev A.V. Prolegomeny k estetike yazyka i ocenka soderzhatel'noj osnovy massovyh pesen: uchebnoe posobie k kursam «Social'naya psihologiya», «Teoriya i praktika massovoj informacii», «Psihologiya massovoj kommunikacii», «Psihologiya zhurnalistiki». Ul'yanovsk, 2010.

The other-image as the parameter of the category of the otherness

The article deals with the parameter of the category of the otherness – the Other-image of the participants of the communication, that is the result of the cooperation of the self-images of the communicants, that are topical right here and situationally conditioned in the process of the communication. Other-image is fluctuated, flexible and varying, and supports the creation of the image of the Other – the most generalized stereotyped representations of the communicant, that are kept in the cognitive memory of the man and formed as the result of the suffered different situational Other-images of the partner,

Key words: *communicative category, otherness, parameter, Other-image, the image of the Other, ecological mode of communication, non-ecological mode of communication.*

(Статья поступила в редакцию 24.10.2023)

Е.В. БОБЫРЕВА
О.В. ОМЕЛЬЧЕНКО
Волгоград

ЗАПРЕТ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: ЖАНР ИЛИ РЕЧЕВОЙ АКТ?

Поднимается вопрос о возможности отнесения запрета к жанрам религиозного дискурса или речевым актам, формирующим коммуникативное пространство религиозного общения. Проанализированы характеристики директивных речевых актов, к числу которых относится запрет. Установлена речеактовая специфика религиозного запрета. Выявлены особенности коммуникации в религиозной сфере. Проанализированы подходы к определению жанровой специфики религиозного дискурса и продемонстрированы основания выделения жанров данной институциональной сферы. Показано, что запрет, выступая директивным речевым актом, функционирующим в дискурсивном пространстве религиозной коммуникации, в силу своей специфики может входить составной частью в различные жанры религиозного дискурса.

Ключевые слова: *директивный речевой акт, деонтическое высказывание, жанры религиозного дискурса, религиозный дискурс, религиозная коммуникация, речевой акт, речевой акт запрета.*

Рассматривая религиозный дискурс, нельзя не обратиться к таким его компонентам, как предписание и запрет, занимающим центральное место в данном типе общения. Именно с их помощью адресант может предотвращать или прекращать нежелательные, с его точки зрения, действия или события, таким образом, до определенной степени манипулируя действиями и поведением адресата.

В силу особой интенционной направленности религиозные запреты играют важную роль в религиозном дискурсе, координируя и контролируя все сферы жизнедея-

© Бобырева Е.В., Омельченко О.В., 2023

тельности человека. Несмотря на активное изучение подобных единиц, продолжает оставаться открытым вопрос их речеактовой специфики и речежанровой принадлежности. Существуют мнения относительно возможности рассмотрения данных единиц как в ряду специфических жанров религиозного дискурса, так и отдельных речевых актов, функционирующих в коммуникативном пространстве религиозного дискурса.

Рассмотрим основные подходы к трактовке и типологизации речевых актов, с одной стороны, и жанров, с другой.

М. Халлидей рассматривает речевой акт как «выбор одной из многочисленных переплетающихся между собой альтернатив, образующих «семантический потенциал» языка» [Цит. по: 16, с. 37]. В процессе коммуникации человек выбирает один из множества вариантов, который может наиболее точно передать его интенцию. Таким образом, любой речевой акт связан с планированием речи.

Речевой акт выступает минимальной единицей речи, включающей как вербальную сторону (речь), так и невербальную (жесты, мимику), которая дополняют речь говорящего, делая ее более эмоциональной и усиливая воздействия на партнера по общению. Цель любого речевого акта – информирование адресата и одновременно воздействие на него. Всякий речевой акт выступает цепочкой в коммуникативной цепи, он основывается в структурном и содержательном плане на предшествующие высказывания и одновременно создает основу для порождения следующих.

По мнению Дж. Лайонза, речевой акт – это не только акт речи как таковой, речевой акт не ограничен устной речью: возможны сопровождающие его невербальные действия. Кроме того, по мнению Дж. Лайонза, лингвистический акт – это не только коммуницирование (передача информации), но и «нечто, вовлекающее интеллект и эмоции, что может привести к переоценке ценностной системы говорящих» [14, с. 246].

Характерной чертой речевого акта является то, что он «накладывает на общающихся определенные обязательства» и приводит к «формированию определенных стратегий и выбору соответствующих тактик воплощения», – полагает Д. Вундерлих [24, p. 297].

В функциональном плане «речевой акт может менять как статус говорящего и слушающего, так и отношения между коммуникантами» [22, p. 65]. Таким образом, одной из его основных функций выступает функция изменения состояния. Именно данная функция позволяет моделировать отношения коммуникантов. Директивы, к числу которых мы относим речевой акт запрета, наиболее четко передают «волеизъявление говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата» [23, p. 44].

Центральным моментом любого директивного речевого акта выступает специфическая иллокутивная цель, которая в общем виде может быть сформулирована следующим образом: попытка «со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [18, с. 162]. Директивный речевой акт означает начало речевой интеракции, для успешной реализации которой требуется ответная реакция адресата. А подобная реакция «заключается в выполнении (или не выполнении) каузируемого действия, либо способствует его выполнению» [20, с. 12].

Существуют следующие условия успешности директивных актов: 1) подготовительные условия (адресат способен совершить действие, но он не будет его выполнять, если его не побудить к этому); 2) условие искренности (адресант желает, чтобы адресат совершил действие); 3) условие пропозиционального содержания (адресант предполагает, что действие может быть совершено); 4) существенное условие (адресант предпринимает попытку побудить адресата к совершению действия). Отличительной чертой всякого директивного акта является то, что его выполнения обязательно для адресата в силу того, что адресант, выносящий предписание, занимает более высокую позицию и адресат не может позволить себе не исполнить вынесенное указание.

Запрет относится к разряду деонтических высказываний и тесно связан с речевым актом побуждения. Однако особенностью запрета, отличающей его от побуждения, яв-

ляется то, что он тесно связан с волей адресата. Запрет предполагает, что адресат желает совершить определенное действие, однако правила, действующие в определенной группе (к которой принадлежат адресант и адресат), таковы, что адресату нужна «санкция» адресанта на выполнение действия.

Еще одной особенностью речевого акта запрета является то, что он побуждает адресата не совершать определенного действия. Однако в ряде случаев не происходит непосредственной каузации запрета, вместо этого постулируется деонтическая возможность или невозможность его осуществления.

Эффективность речевого акта запрета, как правило, всегда предопределяется более высоким статусом адресанта, таким образом, запрет до определенной степени становится тождественен приказу.

Многие исследователи рассматривают «запрет как подтип прескриптива, выражающего запрет в отношении чего-либо <…> Речевой акт запрета выступает в качестве речевого акта негативной реакции, который совмещает как побуждение, так и запрет. Вынося запрет, «говорящий не позволяет совершать определенного действия, либо требует прекратить уже начатое (вербальное или невербальное) действие» [17, с. 482].

Е.И. Беляева считает, что запрет представляет собой негативную форму приказа. «Это превентивный речевой акт, базирующийся на пресуппозиции наличия у адресата желания совершить некоторое действие, которое является нежелательным для говорящего» [3, с. 17].

Запрет может быть рассмотрен как вид требования с отрицательным вектором направленности. Особенностью запрета как вида требования выступает то, что строится, как правило, как прямой речевой акт, в отличие от других речевых актов. В соответствии с внутренней природой речевого акта запрета он может порождаться либо: а) в случае, если коммуниканты – близко знакомые люди; б) при условии, что адресант имеет более высокий статус и потому может не только породить запрет, но и уверен, что его запрет исполнят.

Таким образом, нам представляется, что функционирующий в религиозном дискурсе запрет выступает одним из подвидов директивного акта требования и как таковой может реализоваться как в форме превентива, так и в форме прескриптива.

Переходя к разговору о жанрах религиозного дискурса и возможности включения запрета в их число, отметим, что вопрос о жанровой специфике религиозного дискурса в целом представляется довольно сложным.

М.М. Бахтин понимает под речевым жанром типическую форму высказывания, а не само высказывание – жанры, таким образом, представляют собой «абстрактные схемы, отвлеченные от индивидуально-языковой конкретики» [Цит. по: 15, с. 67]. По мнению В.В. Дементьева, «связь учения М.М. Бахтина о речевых жанрах с теорией речевых актов сегодня общепризнана» [8, с. 109].

В лингвистической науке можно выделить несколько подходов к определению самого понятия «жанр». В литературоведении жанр понимается как «конкретная разновидность текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью» [21, с. 103].

Многие исследователи при определении речевого жанра исходят из понятия «текст»: «жанры речи – более крупные единицы, чем речевые акты. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение» [12, с. 46]; «речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы, не высказываний, а текстов» [19, с. 104].

Согласно коммуникативно-деятельностной концепции жанр рассматривается как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [10, с. 8]. Каждый жанр возникает из «собственного места в жизни народа, так что каждый жанр представляет собой формальное выражение религиозных народных верований.

Определение жанров, таким образом, соответствует исследованию той народной почвы, из которой произросли религиозные идеи» [5, с. 68].

С психолингвистической точки зрения речевой жанр как некая ментальная модель представляет собой «специфический вид структурной организации памяти» [7, с. 95]; таким образом, каждый носитель языка владеет определенным набором жанров, которые составляют его жанровую компетенцию.

Мы определяем жанр как «вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей, совокупность текстовых произведений, имеющих сходные композиционные формы, объединенных единой целью и до определенной степени одинаковой или близкой тематикой, реализующиеся в типичной коммуникативной ситуации» [4, с. 170]. «Сложность выделения жанров религиозного дискурса определяется следующими факторами: а) особым характером коммуникации, поскольку осуществляется общение человека с Богом или Бога с человеком, при этом любое высказывание перерастает свои границы и становится событием; б) сложным характером иллокутивного потенциала, совокупности интенций, обнаруживающих довольно сложные конфигурации» [Там же, с. 170–171].

Согласно одному из существующих лингвистических подходов принято разграничение первичных и вторичных жанров. Традиционно первичным считается бытовое, межличностное общение (общение на близкой социальной дистанции), а вторичным – общение официальное, публичное, институциональное [2; 6].

Критерием разграничения первичных и вторичных жанров выступает «простота – сложность»: «…первичные жанры – простые, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения (реплики бытового диалога, частное письмо). Вторичные (сложные) жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического» [2, с. 252].

Если применить данное положение к жанровому пространству религиозного дискурса, то к числу его первичных жанров можно отнести жанры молитвы, псалма, притчи, составляющие основу религиозной деятельности. Вторичные жанры религиозного дискурса, соответственно, носят респонсивный характер и представляют собой комментирование, интерпретацию первичных. К их числу можно отнести проповеди, исповеди, акафисты и т. п.

Анализируя определение жанра, данное Т.Ф. Ефремовой: «род произведений, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными и стилистическими признаками» [11, с. 348], заметим, что под жанром имеется в виду род или класс подобных произведений. Религиозные же предписания и запреты настолько разнородны, что говорить о единой сюжетной или стилистической направленности данных единиц не представляется возможным. Скорее, как нам кажется, можно говорить о вхождении предписаний и запретов в качестве составных частей в другие жанры религиозного дискурса, например, жанр молитвы, проповеди, притчи и т. д.

М.Н. Кожина отмечает, что в современном жанроведении «построение типологии речевых жанров и многие аспекты из изучения ориентированы на теорию речевых актов» [13, с. 52]. Данную позицию поддерживает и В.В. Дементьев, говоря о том, что многие исследователи рассматривают теорию речевых жанров, разрабатываемую в современном отечественном языкознании, в качестве «западного аналога отечественной теории речевых жанров» [9, с. 23], однако далее ученый говорит о «чрезмерном их сближении» [Там же, с. 27]. С другой стороны, с точки зрения В.В. Дементьева, представленной в статье «Теория речевых жанров» [Там же], а также развиваемой им концепции М.М. Бахтина относительно того, что «к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо, и стандартную военную

команду, и развернутый приказ…» [2, с. 250–251], мы действительно можем рассматривать религиозные предписания и запреты как некие жанры.

Однако, несколько отвлекаясь от религиозного дискурса и рассматривая феномен речевого акта и речевого жанра, нам представляется, что одним из критериев их разграничения может стать оппозиция «типизации :: индивидуализации». Речевой акт всегда спонтанен, индивидуален, тогда как относительно речевого жанра скорее представляется возможным говорить о типизации речевых образцов, существовании некой модели построения конкретного жанра.

Таким образом, в пространстве религиозного дискурса запрет не функционирует и не может функционировать как отдельный жанр, он входит составной частью в первичные жанры религиозного дискурса, преимущественно в тексты притч как отдельного жанра, составляющего часть Священного Писания, а также тексты проповеди как вторичного жанра религиозного дискурса.

Перспективой проведенного исследования может стать выявление функциональной специфики запрета как в первичных жанровых образцах (например, в притчах), так и во вторичных (например, в проповедях).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // М.М. Бахтин. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. С. 159–206. Т. 5.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.

4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Волгоград, 2007.

5. Верещагин Е.М. Библеистика для всех. М., 2000.

6. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1997.

7. Дейк ван Т.А. Язык, Познание. Коммуникация. М., 1989.

8. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.

9. Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. 2002. Вып. 3. С. 18–40.

10. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.

11. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2001.

12. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2022.

13. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт // Жанры речи. 1999. Вып. 2. С. 52–61.

14. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.

15. Москвин В.П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи: межвуз. сб. научных трудов. Саратов, 2005. С. 63–76. Вып. 4.

16. Мощева С.В. Декларативы: особенности реализации в дискурсе рекламы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 37–42.

17. Омельченко О.В. Директивные речевые акты предписания (разрешения) и запрета в религиозном дискурсе // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 9(3). С. 479–486.

18. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–170.

19. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–121.

20. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

21. Чернявская В.Е. Тип текста в социокультурной перспективе // Жанры речи: межвуз. сб. научных трудов. Саратов, 2005. С. 102–112. Вып. 4.

22. Hamblin C.L. Mathematical Models of Dialogue. London, 1971.
23. Skinner B.F. Verbal Behavior. N.Y., 1957.
24. Wunderlich D. On problems of speech act theory // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. by Searle J. et al. Dordrecht, 1980. P. 291–312.

* * *

1. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov. Iz arhivnyh zapisej k rabote «Problema rechevyh zhanrov». Problema teksta // M.M. Bahtin. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1996. S. 159–206. T. 5.
2. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986.
3. Belyaeva E.I. Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: anglijskij yazyk. Voronezh, 1992.
4. Bobyreva E.V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, yazykovye harakteristiki. Volgograd, 2007.
5. Vereshchagin E.M. Bibleistika dlya vsekh. M., 2000.
6. Gol'din V.E. Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii: dis. … d-ra filol. nauk. Saratov, 1997.
7. Dejk van T.A. Yazyk, Poznanie. Kommunikaciya. M., 1989.
8. Dement'ev V.V. Izuchenie rechevyh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoj rusistike // Voprosy yazykoznaniya. 1997. № 1. S. 109–121.
9. Dement'ev V.V. Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizacii social'nogo vzaimodejstviya // Zhanry rechi. 2002. Vyp. 3. S. 18–40.
10. Dement'ev V.V., Sedov K.F. Sociopragmaticheskij aspekt teorii rechevyh zhanrov. Saratov, 1998.
11. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M., 2001.
12. Zemskaya E.A. Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. M., 2022.
13. Kozhina M.N. Rechevoj zhanr i rechevoj akt // Zhanry rechi. 1999. Vyp. 2. S. 52–61.
14. Lajonz Dzh. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku. M., 1978.
15. Moskvin V.P. K sootnosheniyu ponyatij «rechevoj zhanr», «tekst» i «rechevoj akt» // Zhanry rechi: mezhvuz. sb. nauchnyh trudov. Saratov, 2005. S. 63–76. Vyp. 4.
16. Moshcheva S.V. Deklarativy: osobennosti realizacii v diskurse reklamy // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2016. T. 26. Vyp. 5. S. 37–42.
17. Omel'chenko O.V. Direktivnye rechevye akty predpisaniya (razresheniya) i zapreta v religioznom diskurse // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2020. № 9(3). S. 479–486.
18. Serl' Dzh. Chto takoe rechevoj akt? // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. 1986. Vyp. 17. S. 151–170.
19. Fedosyuk M.Yu. Nereshennye voprosy rechevyh zhanrov // Voprosy yazykoznaniya. 1997. № 5. S. 102–121.
20. Hrakovskij V.S., Volodin A.P. Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ. L., 1986.
21. Chernyavskaya V.E. Tip teksta v sociokul'turnoj perspektive // Zhanry rechi: mezhvuz. sb. nauchnyh trudov. Saratov, 2005. S. 102–112. Vyp. 4.

Prohibition in religious discourse: genre or speech act?

The article deals with the issue of the potential of referring prohibition to the genres of the religious discourse and the speech acts, forming the communicative space of the religious communication. There are analyzed the characteristics of the directive speech acts, that prohibition belongs to. The speech act specifics of the religious prohibition is established. The peculiarities of the communication in the religious sphere are revealed. The authors analyze the approaches to the definition of the genre specifics of the religious discourse and demonstrate the basis of revealing the genres of this institutional sphere. It is demonstrated that prohibition, as a directive speech act, functioning in the discursive space of the religious communication, by reason of the specific nature can be included in the different genres of the religious discourse.

Key words: *directive speech act, deontic statement, genres of religious discourse, religious discourse, religious communication, speech act, speech act of prohibition.*

(Статья поступила в редакцию 10.09.2023)

И.В. ИВАНКОВА
Н.А. ТОЛКАЧЕВА
Волгоград

ПРОЦЕССЫ ИНФЕРЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются проблемы инференции (выводного знания) на материале художественных текстов. Инференция представляет собой когнитивные операции извлечения смысла высказывания, при этом ключевая роль отводится пресуппозициям. Под пресуппозицией в статье понимается фонд общих знаний, обеспечивающих успешность коммуникации.

Ключевые слова: *имплицитность, имплицитный смысл, значение, инференция, пресуппозиция.*

Проблемы, касающиеся имплицитности, продолжают интересовать и привлекать к себе все большее внимание исследователей. В последнее время появилось много работ, авторы которых изучают проблемы имплицирования и инференции информации, которые неразрывно связаны с понятием пресуппозиции. Значительный интерес лингвистов к данным проблемам неслучаен, т. к. часто большая часть как информационной, так и эмоциональной нагрузки, а нередко и полный смысл сообщения заключаются в высказываниях с имплицитными составляющими.

В целом ученые сходятся во мнении, что имплицитные (скрытые) смыслы не имеют специальных языковых средств выражения, но извлекаются из эксплицитно выраженных элементов и понимаются участниками общения с привлечением их языковой компетенции, знаний о мире и указателях (маркерах), имеющихся в тексте сообщения (см. подробнее: [6, с. 5–6]).

Согласно В.Х. Багдасаряну, мы не можем утверждать, что у эксплицитного есть свое выражение, в то время как имплицитное такого выражения не имеет. Автор уверен, что как эксплицитное, так и имплицитное содержание имеет свое выражение, и это именно языковое выражение, но имеющее разный характер. Так, эксплицитное выражается прямо и непосредственно, в то время как имплицитное находит косвенное и опосредованное выражение [3, с. 5]. А.Т. Кривоносов также подчеркивает важность положения о том, что у мысли должна быть хоть какая-нибудь языковая форма выражения. Он утверждает, что имплицитный смысл, который не выражается явно в физически воспринимаемых звуках (символах, знаках), существует только в том случае, если есть соответствующая форма, хотя и представленная косвенно через другие формы и их взаимодействие [10, с. 77]. П.А. Лекант более ясно и конкретно формулирует мысль о «выраженности» неявных смыслов, утверждая, что невыраженного содержания (смысла) не может быть. Он отмечает, что противопоставление явного (эксплицитного) и неявного (имплицитного) является относительным, в то время как выраженность любого содержательного элемента является абсолютной [12, с. 71].

Из приведенных высказываний следует, что в художественном тексте существует возможность обнаружить и идентифицировать скрытое содержание, которое может иметь размытые или более четкие контуры и быть раскрытым и идентифицированным в разной степени. В некоторых случаях их раскрытие не вызывает затруднений ни у исследователя, ни у читателя, однако в большинстве случаев требуется тщательно проанализировать и учесть все факторы, способствующие экспликации имплицитного содержания и влияющие на понимание текста.

© Иванкова И.В., Толкачева Н.А., 2023

Ученые полагают, что читатели способны из отдельных высказываний текста извлечь и понять гораздо больший объем информации, чем этой информации содержится в нем как в языковом образовании [5, с. 206], поэтому процесс понимания может рассматриваться как процесс «решения задач» [13, с. 141] или «решения уравнений» [4, с. 62], причем при этом требуется определенная «интерпретационная арифметика» [8, с. 174]. Для такого «решения» необходимо заполнить пространство между сказанным и тем, что говорящий имеет в виду, т. е адресату необходимо сделать определенное умозаключение для установления имплицитного значения.

При восприятии содержания подразумеваемого, но неявно выраженного, как показывает В.Х. Багдасарян, адресат, как правило, сочетает эксплицитно выраженную авторскую мысль и свои собственные знания. Это отношение можно передать следующей формулой, где *Э* обозначает эксплицитное, а *И* – имплицитное, *З* – знания получателя сообщения, *Л* – логические правила, знак *« – »* обозначает сочетание, а знак *« → »* выражает следствие: *(Э – З) Л → И*. Необходимо отметить, что имплицитные мысли могут быть выявлены на разных уровнях, что можно выразить следующими формулами: $((Э – З) Л → И_1) Л → И_2$, $(((Э – З_1) Л → И_1) – З_2) Л – И_2$ и т. д. [3, с. 125]. Последние две формулы показывают, что степень имплицитности содержания может быть разной и проявляться на разных уровнях.

Особенности человеческого мышления позволяют установить связь информативного содержания предложения не только с его формально-грамматической структурой, но и с знаниями, привлеченными из предшествующего опыта (пресуппозициями). Использование пресуппозиций позволяет автору не только выразить свои мысли косвенным, опосредованным способом, но и способствует пониманию адресатом того, что хотел сказать говорящий.

Понятие пресуппозиции относится к числу самых важных категорий синтаксиса и семантики [1, с. 84], однако не имеет четкого и однозначного определения. Пресуппозиции не раз становились темой исследования как в логике, так и в лингвистике, что повлекло за собой различные точки зрения на это понятие и обусловило разнообразные подходы к определению того, что можно считать пресуппозицией высказывания. Г. Фреге, немецкий математик, логик и философ, еще в 1892 г. занимается рассмотрением пресуппозиций, соответствующий термин в 1950 г. вводит П.Ф. Стросон, представитель оксфордской школы. Вслед за исследованием П.Ф. Стросона пресуппозиция становится предметом рассмотрения многих лингвистов, конец 1960-х гг. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева называют даже «пресуппозиционным бумом» [2, с. 40].

Логики используют понятие «пресуппозиция» при установлении истинностного значения предложения, что является необходимым условием для того, чтобы данное высказывание не воспринималось как семантически аномальное, а также было уместным в данном контексте.

Пресуппозиция характеризуется несколькими основными свойствами, которые отличают ее от сообщаемого и выделяют ее среди других типов информации. Пресуппозиции свойственны:

1) *неустранимость* (неспособность пресуппозиции к подавлению контекстом);

2) *константность* (пресуппозиция сохраняет свою силу при различных преобразованиях и трансформациях (например, отрицательных, вопросительных и модальных, а также при использовании в придаточных предложениях));

3) *отделимость* (пресуппозиция всегда связана непосредственно с определенной лексической единицей или способом выражения, она не может существовать независимо от них и всегда тесно связана с их присутствием или использованием) [1, с. 84–85; 2, с. 35].

Пресуппозиция может рассматриваться и как разновидность логического следования наряду с импликацией и в данном понимании представляет особый вид логических отношений между предложениями.

Кроме того, под пресуппозицией понимаются определенные прагматические условия, которые имеют важное значение для успешного коммуникативного взаимодействия. Это общее понимание, которое присутствует у коммуникантов в их сознании, фонд общих знаний, Н.Д. Арутюнова называет «условиями удачи». Хотя эти условия не входят в языковое значение высказывания, они являются основой для его использования с целью достижения коммуникативной цели [1, с. 88]. Исследователи указывают на то, что в когнитивном плане пресуппозиция предшествует высказыванию [15, с. 135], а ее «инференционная природа – это только атрибут интерпретации, в ходе которой пресуппозиция становится доступной для анализа» [14, с. 106].

В.А. Звегинцев полагает, что все имеющиеся возможные пресуппозиции в тексте являются основой для формирования пресуппозиционного каркаса дискурса [5, с. 283]. Смысловые и логические связи, создаваемые пресуппозициями, пронизывают текст, обеспечивая его целостность и связность. В содержание пресуппозиционного каркаса могут входить:

1) общие знания (вся социально-культурная пресуппозиция);

2) ситуативный контекст дискурса;

3) информация, содержащаяся в предыдущих частях дискурса.

Необходимо отметить, что общий фонд знаний не является постоянным и изменяется в каждом конкретном акте коммуникации и зависит от него [9, с. 103]. Для эффективной коммуникации важно, чтобы у участников был общий пресуппозиционный фонд [15, с. 136; 9, с. 106–107], без которого их «совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или просто невозможна из-за нарушения принципа интерсубъективности» [15, с. 136].

Для художественного произведения характерно тесное взаимодействие и переплетение как авторских пресуппозиций, так и пресуппозиций, имеющих культурную обусловленность. Именно пресуппозиции определяют понимание текста, т. к. текст, созданный в определенной социально-культурной среде, во-первых, отражает эту среду имплицитно в своем содержании и, во-вторых, соответственно, является ее неотъемлемой частью. Люди, имея некие определенные, причем как отмечает Е.С. Кубрякова, «усредненные» знания об используемом языке и окружающем мире, способны приходить к достаточно разумным умозаключениям и выводам на основе информации, представленной в тексте, в том числе и художественном. Автор уверен, что ни одно исследование художественного текста не может проходить без обращения к инференционным процессам получения выводного знания. В своей работе Е.С. Кубрякова делает вывод, что «текст существует как источник излучения, как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур (от простых фреймов до гораздо более сложных ментальных пространств и возможных миров). Текст в силу этого свойства показателен именно в том, что из него можно **вывести, заключить, извлечь**» [11, с. 81].

В текстах художественной литературы выделяются пресуппозиции двух видов:

1) *пресуппозиции текста, или текстовые пресуппозиции,* с помощью которых выстраивается связь между отдельными частями текста и объединяются его составные части; эти сведения обычно представлены в предшествующем контексте и обусловливают инференционные процессы читателя;

2) *пресуппозиции вне текста, или внетекстовые пресуппозиции,* которые лежат за пределами самого текста; в свою очередь, этот вид пресуппозиций, в соответствии с различными типами знаний, отнесенными в подтекст, может быть разделен соответствен-

но на экзистенциальные, лингвистические, прагматические, коммуникативные, культурологические, логические [6, с. 39].

Кроме того, пресуппозиции могут быть разделены на *неоперациональные* (все, кроме логических) и *операциональные (логические),* при этом обязательным условием понимания и восприятия смысла любого текста адресатом является установление умозаключения, что предусматривает дополнительные мыслительные операции. Эти операции включают в себя восстановление неполноты синтаксической конструкции, извлечение дополнительной информации с использованием контекста, фоновых и прагматических знаний, а также определение потенций высказывания, которые были не реализованы в данном тексте [6, с. 110].

Логическая пресуппозиция, которой в данной статье отводится особая роль как операциональному виду пресуппозиций, является, согласно определению Н.Д. Арутюновой, представлением говорящих о естественных взаимосвязях и отношениях между событиями [1, с. 89]. Этот вид пресуппозиций включает операции логического вывода, цель использования которых заключается в получении выводных знаний. Так, например, читатель, руководствуясь логическим законом достаточного основания, согласно которому всякая мысль может быть признана истинной, если она имеет достаточное основание, при этом «достаточным основанием какой-либо мысли может быть любая другая, уже проверенная и признанная истинной мысль, из которой с необходимостью вытекает истинность данной мысли» [8, с. 127–128], с достаточной степенью вероятности может прийти к выводу отрицательного смысла в следующем высказывании:

«Доверяет ли он своему окружению? В политике никому не доверяют» [17, с. 149].

В приведенном высказывании открывается возможность для вывода отрицательного значения путем непосредственного дедуктивного умозаключения. При этом отрицание общего факта непосредственно подтверждает предполагаемое отрицание конкретного случая.

Отрицательный смысл читатель может вывести и с помощью опосредованного умозаключения. Это может происходить либо в форме энтимемы (под энтимемой понимается силлогизм с опущенными суждениями, причем опущенными в тексте могут быть как одно суждение, так и несколько суждений: «– *Справляете службу? – Церковь закрыта… Так, поговоришь, утешишь»* [17, с. 304]), либо это может быть условно-категорический силлогизм, при котором, как в следующем примере, отсутствие условия, обеспечивающего возможность совершения предполагаемого вопросом действия, подразумевает отрицание и самого этого действия:

« *– Вы читаете, конечно, газеты?*

– Я еще не получаю почты» [17, с. 320].

На основании логического закона достаточного основания выводится не только отрицательный, но и утвердительный имплицитный смысл. Так, например, выраженные в виде утверждения причины действия означают и утверждение самого этого действия:

«– Давайте еще по одной, – сказал он.

– Тебе, Галька, налить? – Назло ей буду пить, чтоб она от жадности лопнула» [16, с. 569].

Достаточным основанием для получения утвердительного смысла высказывания является дополнительная информация о диктуме в ответе на заданный вопрос:

«– Ну, так значит едешь, Юра?

– Вечером поезд, папа, – подошел Юра» [18, с. 8].

Утвердительное содержание обычно присутствует и в ответах на поставленные вопросы, цель которых получить подтверждение или опровержение предполагаемого факта. Содержание предыдущей вопросительной реплики-стимула является предпосылкой для восприятия высказывания как составной части силлогизма:

«– Я знаю, Низамутдин Бахрамович мне говорил, вы будете в своем белье и привезли свою пижаму, только еще не ношеную, правда?

– Из магазина» [18, с. 7].

Утвердительное значение извлекается из ответов на вопросы, направленные на получение подтверждения или опровержения, которые могут иметь отношение к предполагаемому субъекту, объекту, атрибутивным или адвербиальным характеристикам (см. подробнее: [6, с. 115–116]):

«– От папы?

– Просит прислать справочники» [17, с. 50].

Следует заметить, что чаще всего в текстах элиминируются такие элементы синтаксических конструкций, которые являются с точки зрения логики большей посылкой логического силлогизма, т. е. элиминируются, как правило, самоочевидные и само собой разумеющиеся общие суждения, основанные на обширном человеческом опыте и проверенные многократно на практике. Не требуется приводить прямые доказательства для таких утверждений, но они тем не менее ориентируются на рациональные и достаточные основания [10, с. 75–79].

Таким образом, пресуппозиции рассматриваются как связи или отношения, которые присутствуют между лингвистическими и внелингвистическими явлениями в тексте. При этом выбор средств для выражения скрытого содержания определяется целями и конкретной коммуникативной ситуацией, представленной автором произведения. Понимание текста опирается на процессы инференции и зависит от них. При инференции скрытого смысла следует отметить высокую значимость контекста, который является одним из важнейших условий однозначного понимания текста. Проанализированный материал показал, что при декодировании имплицитного смысла высказываний в художественном тексте реципиент соотносит отдельные элементы содержания таким образом, чтобы они стали осмысленными и обрели значимость в рамках текста. Чтобы выявить имплицитные смыслы в тексте, адресату необходимо совершить целый ряд определенных ментальных действий с опорой, прежде всего, на логическую и на одну или более текстовую пресуппозиции, не являющиеся операциональными.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. № 1. С. 84–89. Т. 32.

2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 8–42.

3. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). Ереван, 1983.

4. Долинин К.А. Интерпретация текста. М., 1985.

5. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1986.

6. Иванкова И.В. Реализация категории имплицитности в современном русском художественном тексте (на фоне немецкого языка): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

7. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 1987.

8. Кита М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка // Прямая и непрямая коммуникация. Сб. научных трудов. Саратов, 2003. С. 159–177.

9. Красных В.В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? М., 2003.

10. Кривоносов А.Т. Мышление − без языка? // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 69–81.

11. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. С. 72–81. Т. 1.

12. Лекант П.А. Коннотации высказывания // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тезисы краеведческой научной конференции, 30 сентября – 2 октября 1986 г. Красноярск, 1986. С. 71–72.

13. Лухьенбрурс Д. Дискурсивный анализ и схематическая структура // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 141–155.
14. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
15. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
16. Распутин В.Г. Деньги для Марии // В.Г. Распутин. Живи и помни: Повести. Кемерово, 1986. С. 517–608.
17. Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1988.
18. Солженицын А. Раковый корпус. М., 1991.

* * *

1. Arutyunova N.D. Ponyatie presuppozicii v lingvistike // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1973. № 1. S. 84–89. T. 32.
2. Arutyunova N.D., Paducheva E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. 1985. Vyp. 16. S. 8–42.
3. Bagdasaryan V.H. Problema implicitnogo (logiko-metodologicheskij analiz). Erevan, 1983.
4. Dolinin K.A. Interpretaciya teksta. M., 1985.
5. Zvegincev V.A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi. M., 1986.
6. Ivankova I.V. Realizaciya kategorii implicitnosti v sovremennom russkom hudozhestvennom tekste (na fone nemeckogo yazyka): dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2007.
7. Kirillov V.I., Starchenko A.A. Logika. M., 1987.
8. Kita M. Nevyrazimoe, nevyrazhaemoe i nevyrazhennoe dlya nositelya yazyka // Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya. Sb. nauchnyh trudov. Saratov, 2003. S. 159–177.
9. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «Chuzhih»: mif ili real'nost'? M., 2003.
10. Krivonosov A.T. Myshlenie − bez yazyka? // Voprosy yazykoznaniya. 1992. № 2. S. 69–81.
11. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyah ego opredeleniya // Tekst. Struktura i semantika. M., 2001. S. 72–81. T. 1.
12. Lekant P.A. Konnotacii vyskazyvaniya // Problemy semantiki predlozheniya: vyrazhennyj i nevyrazhennyj smysl: Tezisy kraevedcheskoj nauchnoj konferencii, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 1986 g. Krasnoyarsk, 1986. S. 71–72.
13. Luh'enbrurs D. Diskursivnyj analiz i skhematicheskaya struktura // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 2. S. 141–155.
14. Makarov M.L. Interpretativnyj analiz diskursa v maloj gruppe. Tver', 1998.
15. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M., 2003.
16. Rasputin V.G. Den'gi dlya Marii // V.G. Rasputin. Zhivi i pomni: Povesti. Kemerovo, 1986. S. 517–608.
17. Rybakov A. Deti Arbata. M., 1988.
18. Solzhenicyn A. Rakovyj korpus. M., 1991.

The inference processes in the fictional text

The article deals with the issues of the inference (knowledge inference) at the material of the fictional texts. The inference is considered as the cognitive operations of the extraction of the meaning of the utterance, where the key role belongs to the presuppositions. The presupposition is the fund of the common knowledge, providing the successfulness of the communication.

Key words: *implicitness, implicit meaning, meaning, inference, presupposition.*

(Статья поступила в редакцию 20.10.2023)

СУНЬ ИХАНЬ
Я.А. ВОЛКОВА
Москва

ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ЧАЙ» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается понятийный компонент концепта «ЧАЙ» в китайской и русской лингвокультурах на материале данных толковых словарей. Установлено, что, несмотря на существенные различия в лексикографическом представлении концепта «ЧАЙ» в китайском и русском языках, рассматриваемый концепт имеет общее понятийное ядро и богатую понятийную структуру в обеих лингвокультурах, что свидетельствует о высокой степени осознаваемости данного явления носителями китайского и русского языков.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, понятийный компонент, китайский язык, русский язык.

Концепт представляет собой одно из базовых понятий современной лингвистики. Можно выделить два основных подхода к пониманию концепта: лингвокультурологический и когнитивный.

При лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается в рамках дихотомии «язык – культура». В этой традиции концепт, являясь единицей сознания, признается одновременно и базовой единицей культуры. Такого подхода к трактовке концепта придерживаются в своих работах А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.

Ю.С. Степанов считает, что «концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского conceptus – “понятие”, от глагола *concipere* – “зачинать”, т. е. значит буквально “понятие, зачатие”; понятие от др. – рус. Глагола *понятии* – “схватить, взять в собственность, взять женщину в жены” буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но так они употребляются лишь изредка. В настоящее время они довольно разграничены» [4, с. 41].

В.И. Карасик полагает, что концепт являет собой «сложное психическое образование, включающее образный, понятийный и ценностный компоненты» [2, с. 187]. Понятийный компонент представляет собой некую вербальную форму, присутствующую в сознании индивида, которая используется для определения концепта. В отличие от понятийного компонента, образный компонент является невербальным и может быть только описан с большей или меньшей степенью объективности. Следовательно, по мнению В.И. Карасика, именно ценностный компонент с лингвокультурологической точки зрения приобретает доминирующее значение, поскольку он обладает наибольшей культурной значимостью [Там же, с. 27]. Таким образом, концепт представляет собой единицу сознания, вербализуемую на всех языковых уровнях. С точки зрения отражения наиболее значимых понятийных признаков – понятийного ядра концепта – особый интерес представляет лексический уровень, содержащий в себе номинанты концептов. Именно поэтому изучение концепта обычно начинается с исследования его лексикографической репрезентации.

Задачей настоящей статьи является выявление сходств и различий в понятийном ядре концепта «ЧАЙ» в китайском и русском языках. Для решения этой задачи были проанализированы словарные статьи в толковых словарях китайского и рус-

© Сунь Ихань, Волкова Я.А., 2023

ского языков: толковый словарь В.И. Даля [1], толковый словарь русского языка под ред. Д.В. Дмитриева [5], толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [6], словарь современного китайского языка «Цыхай» （现代汉语辞海） [9], словарь современного китайского языка (现代汉语词典) [8], словарь иероглифов Синьхуа (新华字典）[7]. При сравнении дефиниций лексемы «чай», представленных в словарях русских и китайских языков, выявляются некоторые общие черты. Это объясняется тем фактом, что само слово «чай» было заимствовано в русский язык из китайского языка.

На основе анализа словарных статей в русскоязычных толковых словарях [1; 5; 6] можно выделить три основных и несколько дополнительных значений лексемы «чай». Основные значения: 1) чайное дерево; 2) чайный лист; 3) напиток из чайных листов. Дополнительные значения: согласно данным словарных источников, в русском языке отсутствуют такие значения слова «чай», которые не встречались бы в китайском языке. Исключение составляет дополнительное значение слова «чай» – *давать (брать) вознаграждение за мелкую услугу*. Данное выражение считается исконно русским и имеет давнюю традицию. Подчеркнем, что в русском языке имеются устойчивые сочетания со значением «добавки к чаю»: *ароматизированный чай, витаминный чай, суррогатный чай (морковный)* и др. Такие выражения отсутствуют в китайском языке, т. к. китайцы всегда пьют чистый чай, без всяких ароматических, вкусовых и пищевых добавок.

Также в русском языке имеет место лексический материал, относящийся к процессу чаепития и основам гостеприимства, этикета. Чай используется только для приготовления чайного напитка и служит обозначением самой церемонии чаепития и гостеприимства.

При рассмотрении семантической структуры слова «чай» в словарях китайского языка «Цыхай» [9] и современного китайского языка [8] было установлено, что количество значений слова «чай» существенно превышает то, что дают словари русского языка. Безусловно, это связано с самой историей слова «чай» в Китае, а также с процессами выращивания, изготовления и этикетом употребления чая в Китае, т. е. с более развитой историей самой чайной традиции. В Китае чай популярен с древних времен, о нем написано большое количество трактатов, научных трудов и книг. Целебное действие чая, способы его выращивания, обработки, хранения, упаковки, употребления и применения описаны в работах ведущих философов, историков и культурологов Китая. Это работы: Лу Юй (陆羽 茶经) «Чайный трактат» [11], Шэнь Нун (神农 本草经) «История травяного чая» [10], Чэнь Цзунмао (陈宗懋 中国茶经) «История китайского чая» [12]. Китайский словарь «Цыхай» приводит следующие определения слова «чай»:

Чай – 1. Растение (植物). 2. Специальное действие (用茶叶做成的， 作用). 3. Подарок невесте при помолвке（聘礼). 4. Цвет（茶色). 5. Напиток（某些饮料的名称). 6. Дерево (油茶树). 7. Цветок （山茶). 8. Резьба по дереву (茶椅chayi – стул из чайного дерева). 9. Масло (茶油chayou). 10. Пищевой продукт (茶叶蛋 cha ye dan – яйцо, сваренное в чайных листьях). 11. Чайная (茶座). 12. Рынок чая (茶市). 13. Масло чайного дерева (指油茶树). 14. Продукты, приготовленные методом выпаривания и растирания на основе чая (某些由蒸发或研磨所制的调匀的食用品) [9, с. 622].

Современный большой китайский словарь добавляет к предыдущим значениям еще некоторые определения слова «чай»:

1. Распаривание (蒸青zheng qing). 2. Вакуумная упаковка (真空包装 zhen kong bao zhuang). 3. Процесс ферментации (热发酵re fa jiao – горячая ферментация). 4. Процесс изготовления чая (晒青 – сушка на солнце). 5. Ферментация чая (冷发酵 – холодная ферментация). 6. Пропаренный зеленый чай (蒸青绿茶). 7. Дробленый красный чай(碎形红茶); 8. Переработка чая: срывать （采摘), сушить（晒青), проветрить （凉青), колебать (摇青), просеивать（筛青), жарить （炒青), скручивание（揉捻), высушить（焙干), выбирать стебель（挑梗). 9. Церемония: специальная вода, хороший чай, чайная посуда（茶具), классическое окружение (幽静、古典的环境), чайная чашка（茶碗), самовар （茶壶), чай с пирожным（茶点), кирпичный чай （砖茶， 茶砖), чайное блюдце

(茶碟), чайный столик (茶几), чайная (茶馆), чайный налет (茶锈), званый чай (茶话会) [8, с. 921].

Очевидно, что в китайских словарях представлено существенно большее количество значений слова «чай», чем в русских. Это объясняется наличием в китайском языке лексики, относящейся к процессам посадки, выращивания, обработки, переработки, упаковки и приготовления чая, а также к процессу и традициям чаепития. В русских словарях превалирует лексика, относящаяся к процессу чаепития и приготовления самого чайного напитка или напитков на его основе. Таким образом, многовековая культура чая в Китае обусловила появление у этого слова ряда значений, не имеющих соответствий в русском языке.

В Китае чай популярен с древних времен, в России же чай стал набирать популярность только после ввоза его из Китая в XVII в. Однако нельзя отрицать, что в России успела образоваться характерная культура чаепития, которая нашла отражение в особых словосочетаниях. Так, русские обычно пьют чай вприкуску с чем-либо, иногда приглашение в гости «на чай» означает не только выпить этот напиток, но и полноценный прием пищи.

Количество лексических значений, формирующих понятийное ядро концепта «чай», в китайском языке значительно больше, чем в русском. Это связано с тем, что история чая в Китае занимает несравненно больший промежуток времени, а, соответственно, концепт «ЧАЙ» существенно более значим в китайской языковой картине мира по сравнению с русской.

Так, в русском языке отсутствуют значения, обозначающие процесс выращивания и изготовления чая, к тому же видовое разнообразие чая в России обусловлено лишь поступлением определенных его сортов в качестве ввозимого товара, поэтому чай имеет такие названия, как: черный, зеленый, байховый, цейлонский чай, в то время как в Китае эти названия имеют свои подвиды: пропаренный зеленый чай – 蒸青绿茶, дробленый красный чай – 碎形红茶 и др. Однако в русском языке имеются устойчивые сочетания со значением «добавки к чаю»: ароматизированный чай, витаминный чай. Такие выражения отсутствуют в китайском языке, т. к. китайцы всегда пьют и ценят этот напиток, не смешивая его вкус ни с какими вкусовыми и пищевыми добавками.

Пословицы и поговорки – важная часть национальной культуры, самые активные и выразительные языковые единицы лексического плана, основа национального языка. Традиционно пословицы и поговорки используются для выявления и анализа ценностного компонента лингвокультурного концепта [2], однако в случае концепта «чай» они отражают и уточняют его понятийное наполнение.

Например, в русском языке большое количество пословиц и поговорок о чае имеет отношение к времяпрепровождению, чайному этикету и этикету гостеприимства: *Приходите, самоварчик поставим, а уйдете – чайку попьем; Чай должен быть, как женский поцелуй – крепкий, горячий и сладкий! Чай и кофей не по нутру, была бы водка поутру; Чай крепче, если он с добрым другом разделен; Чай не водка, много не выльешь (не выпьешь); Чай не пить, так на свете не жить; Чай не пьешь, откуда силы берешь? Чай пьешь – до ста лет проживешь; Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб! Приходите к чаю – пирогами угощаю; С самоваром-буяном чай важнее и беседа веселее; Заставили нашего брата чай без сахару пить!* и др. [1; 3].

В китайском языке в большом количестве представлены пословицы и поговорки, которые относятся к процессу выращивания и разведения чая: *Опоздал за три дня собирать чай, этот чай – трава* – 迟采三天是草; технологии его изготовления: *Удобряйте чайный куст во время роста, а зимой добавляйте глины* (茶季施化肥，冬季培生泥); отражают воздействие чая на организм человека: *Если пить чай перед сном, то ночью не сможешь уснуть* – 睡前饮茶，昼夜不眠; *Часто пить горький чай – поможешь глазам и настроению* – 苦茶久饮，明目清心; и сложный ритуал чаепития: хозяин должен

предложить гостю четыре чашки чая как символ благополучия в четырех сезонах года – 主人要敬客人四碗茶,四季平安. *Веселым гостям надо дать вина. Грустным гостям – обычный чай*; *Задушевным друзьям заварить лучший чай и насладиться беседой*（客人开心给酒，客人忧愁给茶，交心的朋友敬好茶） [7; 8].

Таким образом, концепт «чай» является значимым фрагментом как для китайской, так и для русской лингвокультур. Несмотря на то что появление в русском языковом сознании концепта «чай» было связано с заимствованием данного феномена из Китая, концепт «чай» в русской культуре создал особое специфическое языковое пространство, которое отражает особенности национальной культуры и определенные черты менталитета русского народа.

Для Китая чай очень важен. История китайского чая и его развития – это не только процесс формирования культуры питания, но и отражение духовных особенностей нации с 5000-летней историей.

Почти каждый носитель китайского языка уверен, что чай олицетворяет Китай. Китайцы используют разные иероглифы для обозначения слова «чай», для них важно показать, какой именно компонент значения задействован в каждой конкретной ситуации общения.

Таким образом, несмотря на существенные различия в лексикографическом представлении концепта «чай» в китайском и русском языках, рассматриваемый концепт имеет богатую понятийную структуру в обеих лингвокультурах, что свидетельствует о высокой степени осознаваемости данного явления носителями китайского и русского языков.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1980. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/dal (дата обращения: 12.10.2023).
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/dmitriev (дата обращения: 12.10.2023).
6. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 15.10.2023).
7. 新华字典. [Electronic resource]. URL: https://zd.diyifanwen.com (дата обращения: 15.10.2023).
8. 现代汉语词典, 商务印书馆, 2005.
9. 现代汉语辞海, 北京：中国书籍出版社，2011.
10. 神农《神农本草经》全文. [Electronic resource]. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_109.aspx (дата обращения: 15.10.2023).
11. 陆羽《茶经》全文. [Electronic resource]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1680034710175356512&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 15.10.2023).
12. 陈宗懋《中国茶经》全文. [Electronic resource]. URL: https://www.yoduzw.com/book/631/ (дата обращения: 15.10.2023).

* * *

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 1980. [Elektronnyj resurs]. URL: https://gufo.me/dict/dal (data obrashcheniya: 12.10.2023).
2. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.
3. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic. M., 2010.
4. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. M., 1997.
5. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D.V. Dmitrieva. M., 2003. [Elektronnyj resurs]. URL: https://gufo.me/dict/dmitriev (data obrashcheniya: 12.10.2023).
6. Tolkovyj slovar' Ushakova. [Elektronnyj resurs]. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (data obrashcheniya: 15.10.2023).

The conceptual component of the linguocultural concept "TEA" in the Chinese and Russian languages

The article deals with the conceptual component of the concept "TEA" in the Chinese and Russian linguistic cultures at the material of the data of the defining dictionaries. It is found out that in spite of the considerable differences in the lexicographical representation of the concept "TEA" in the Chinese and Russian languages, the considered concept has a general conceptual core and a rich conceptual structure in both linguistic cultures, that testifies the high degree of the consciousness of this phenomenon by the native speakers of the Chinese and Russian languages.

Key words: *linguistic culture, concept, conceptual component, the Chinese language, the Russian language.*

(Статья поступила в редакцию 28.10.2023)

Ю.А. ДЕМКИНА
Волгоград

КОНЦЕПТ «ИСПОРЧЕННОСТЬ» В РОМАНЕ Ф.Э. БЁРНЕТТ «МАЛЕНЬКИЙ ЛОРД»

Рассматривается репрезентация концепта «испорченность» в романе Ф.Э. Бёрнетт «Маленький Лорд». Анализируется репрезентация данного концепта через сопоставление героев. Описываются языковые и стилистические средства объективации исследуемого концепта.

Ключевые слова: *концепт, испорченность, невинность, меркантильность, жадность.*

Одним из основных терминов современной когнитивной лингвистики является термин «концепт». В «Кратком словаре когнитивных терминов» он интерпретируется как идеальная абстрактная единица-смысл, которую индивид использует в процессе мыслительной деятельности и которая является отражением содержания его предшествующих знаний или опыта, а также содержания всех результатов деятельности и процессов познания конкретного индивида в виде определенных единиц, так называемых «квантов знания» [4].

Согласно классификации концептов М.В. Пименовой [6], концепт «испорченность» может быть отнесен к разновидности этических культурных концептов, определяющих аксиологические основы данной культуры. В связи с этим исследование данного концепта имеет большую значимость, т. к. позволяет пролить свет на ключе-

© Демкина Ю.А., 2023

вые ценности лингвокультурного сообщества и выходит за рамки чисто лингвистических изысканий, представляя интерес для социологии, антропологии, политологии и психологии.

Поскольку исследование концептов прошлых веков может быть выполнено почти исключительно на текстовом материале, подобного рода научные изыскания часто проводятся на материале художественных текстов [1; 2, с. 180–184; 3, с. 207–213; 5, с. 100–103]. Особо стоит отметить, что художественные тексты могут иметь неравнозначную ценность для исследователя определенного контекста, т. к. необходимо учитывать цель написания произведения при отборе материала.

Одной из наиболее подходящих разновидностей для исследования аксиологических концептов являются тексты, направленные на детскую аудиторию. Основной целью детских произведений является социализация индивида и привитие ему ценностей, принятых в обществе. Одним из примеров такого произведения является роман «Маленький Лорд» Ф.Э. Бёрнетт.

Сюжет романа повествует о бедном американском мальчике, который неожиданно для себя узнает, что он является единственным наследником старого английского графа и в связи с этим вынужден переехать в Англию для обучения и воспитания.

Основой репрезентации концепта «испорченность» в романе является противопоставление главного героя Седрика, с одной стороны, и старого графа – с другой. К этому противопоставлению автор привлекает внимание читателя в самом начале произведения, позволяя заглянуть в мысли поверенного мистера Хэфишема, который, хорошо зная грубую, жестокую натуру графа, не может не отметить «острого контраста» между ним и юным Седриком: *And there rose in his mind, in sharp contrast, the cheery, handsome little fellow sitting in the big chair and telling his stories of his friends, <…> in his generous, innocent, honest way* (F.H. Burnett. Little Lord Fauntleroy).

Еще собираясь на встречу с Седриком и его матерью, мистер Хэвишем внутренне содрогается при мысли об этой встрече: *He rather shrank from seeing them both* (Там же). Причиной тому является унаследованное от самого графа представление об американцах в целом и матери Седрика в частности как о эгоистичных, грубых и алчных людях: *He had seen a great many selfish, mercenary people in his life, and he had not a good opinion of Americans* (Там же). Мистеру Хэвишему претит необходимость общаться с женщиной, чей образ в его сознании носит исключительно негативные характеристики: вульгарность, алчность, неуважение к стране происхождения ее мужа и его имени: *…to manage a woman who would seem to him a vulgar, money-loving person, with no respect for her dead husband's country and the dignity of his name* (Там же).

Еще более мрачным делает этот образ представление графа о том, что мать Седрика обманным путем заставила его отца жениться на ней только потому, что отец Седрика был сыном графа. Приведем пример: *He insisted that she was only a common American girl who had entrapped his son into marrying her because she knew he was an earl's son* (Там же). Использование глагола *to entrap* (*поймать в ловушку*) отчетливо демонстрирует осуждение женщины и презрение к ней со стороны графа как к хитрой и меркантильной особе.

Однако в процессе прочтения романа можно заметить, что граф, обладающий жестким и даже жестоким испорченным характером, способен видеть в людях только пороки, поскольку сам наделен ими в высшей мере. Он видит мир через призму своей испорченности, исключающей любые добродетели, и остается слеп к возможности бескорыстия в поступках других людей. Седрик, с другой стороны, также смотрит на мир как на продолжение своей собственной чистой натуры и видит в людях исключительно положительные качества. Мальчик в романе представляет идеал чистоты и воплощение всех добродетелей. Даже внешне он – образец детской красоты, что подчеркивается неоднократным упоминанием его очаровательной, милой внешности: *In the first place he was*

always well, and so he never gave anyone trouble; in the second place he had so sweet a temper and ways so charming that he was a pleasure to everyone; and in the third place he was so beautiful to look at that he was quite a picture (Там же).

Как видно из примера, представленного выше, Седрик, обладающий не только замечательным характером, но и идеальным здоровьем, никогда не доставляет никому проблем, а его манеры дают возможность любому завести с мальчиком приятное знакомство: **…***his manners were so good, for a baby, that it was delightful to make his acquaintance* (Там же).

Особую исключительность всех положительных характеристик мальчика автор дополнительно выделяет использованием эмфатической частицы *so* почти перед каждой характеристикой. Такой прием создает впечатление не простого авторского повествования, а восхищенной, эмоциональной речи, будто сам автор не может оставаться беспристрастным и не показывать своего восхищения. Следствием такой исключительной положительности мальчика становится его способность везде заводить друзей, даже с такими наименее расположенными к дружбе людьми, как лавочник, который описывается как «самый злой человек на свете»: … *and the consequence was, that there was not a person in the neighbourhood of the quiet street where he lived – even the grocery-man at the corner, who was considered the crossest creature alive – who was pleased to see him, and to speak to him* (Там же). Неоднократное повторение прилагательного *cross* (злой) для описания лавочника призвано подчеркивать контраст между его отношением ко всем людям и отношением к Седрику. Более того, повторение корня слова (*cross*) как характеристики самого лавочника и его отношения к людям (‘to be cross with somebody’) в совокупности с отрицанием дает возможность понять, что натура Седрика настолько располагает к себе, что даже «самый злой на свете» лавочник не может на него злиться: *His greatest friend was the grocery-man at the corner – the cross grocery-man, who was never cross with him* (Там же).

Полностью противоположными характеристиками обладает граф. Персонаж описывается как эгоистичный, страстный, высокомерный: *…he had been selfish and self-indulgent, and arrogant and passionate*… (Там же). Употребление прошедшего совершенного времени также указывает на то, что именно эти характеристики стали причиной всеобщей нелюбви к графу и даже страха перед ним. Граф не любит никого, кроме себя, и по этой причине не любим никем. Единственной заботой всю его жизнь была только забота о собственном удовольствии: … *not really loved by anyone but himself, because in his long life he had never really loved anyone but himself; ...he had cared so much for the Earl of Dorincourt and his pleasures that there had been no time for him to think of other people*… (Там же). Седрик, в свою очередь, любим всеми, поскольку к каждому человеку он относится как к себе самому и старается каждому дать то количество любви и поддержки, которое хотел бы сам: *His greatest charm was his cheerful, fearless, quaint little way of making friends with people. I think it arose from having a very confiding nature, and a kind little heart that sympathized with everyone, and wished to make everyone as comfortable as he liked to be himself* (Там же).

Единственное, что может предложить обществу граф, – это свое социальное и финансовое положение, которое может заставить принять его приглашение, но не полюбить его в силу его характера: *…but he knew that in secret people who would accept his invitations were afraid of his frowning old face and sarcastic, biting speeches. He had a cruel tongue and a bitter nature, and he took pleasure in sneering at people and making them feel uncomfortable, when he had the power to do so, because they were sensitive or proud or timid* (Там же). Стоит отметить, что для описания характера графа автор пользуется переносом по смежности, называя саркастичным не его самого, а его лицо. Схожий прием также используется для описания его речи, которой приписывается характеристика «кусающая» или «жалящая». Этот прием дает возможность создать образ графа как

не совсем человека, а скорее, зверя среди людей, внушающего страх окружающим. Образ также усиливается через описание его поведения как «жесткого» и «свирепого» – *his hard, fierce ways*.

Как мы отмечали выше, причиной его поведения являются предвзятость, восприятие людей как алчных, хитрых и недостойных, что может быть объяснено его попытками сохранить свой статус и состояние, которые провоцируют некоторую манию преследования. Граф считает, что все окружающие завидуют ему и хотят заполучить его социальный и финансовый статус.

В свою очередь, Седрик вырос в бедности, но в окружении любящих друг друга, и в особенности его самого, родителей. Он настолько пропитался этой любовью, что ничего другого транслировать в мир не может: *He had always heard his mamma called by pretty, loving names, and so he used them himself when he spoke to her; he had always seen that his papa watched over her and took great care of her, and so he learned too to be careful of her* (Там же).

Даже получив в свое распоряжение крупную сумму денег, мальчик не изменяет своим привычкам и находит радость не в потакании своим желаниям как граф, а в помощи своим бедным друзьям. Став лордом, он остается простым, чистым ребенком, чем немало удивляет окружающих: *He was all the more bewildered because Cedric gave it with such ingenuous simplicity and plainly without realizing himself how stupendous it was* (Там же).

Для противопоставления графа и Седрика автор использует пару схожих метафор: «душа» и «сердце», которые по природе своей призваны описывать главную сущность человека. Натура мальчика описывается как полная доброты, невинности и теплых чувств, что создает образ ребенка, близкий к ангельскому: *…and so his childish soul was full of kindness and innocent warm feeling* (Там же). Сущность графа, в свою очередь, находит воплощение в метафоре «сердце», которое описывается как «жесткое», «ожесточенное» и «старое»: *his hard, bitter old heart* (Там же). Таким образом автор демонстрирует две точки жизненного пути человека. Начало жизни полно живого, теплого воплощения, находящего радость в радости других и доверии к миру. Жизнь, приближающаяся к закату, изображается автором как ожесточенная жизненными трудностями, наполненная эгоизмом и поиском скрытых мотивов окружающих.

Выше мы отмечали, что и граф, и Седрик видят мир через призму своего характера. Однако если граф переносит свои пороки на окружающих, то мальчик распространяет на других свои собственные добродетели. Даже в старом и жестоком дедушке он видит добро и благие намерения, что неоднократно поизносит вслух: *…My grandpapa must be a very good man; I think you must be the best person in the world; You are always doing good, aren't you? – and thinking of other people…*; *You make so many people happy…*; *Do you see how glad they are when they see you?* (Там же). Своим подобным поведением Седрик немало озадачивает графа, заставляя его увидеть мир своими глазами и поверить, что даже в самых жестоких и испорченных людях можно найти добро: *To see each of his ugly, selfish motives changed into a good and generous one…* (Там же).

После первого знакомства с мальчиком поверенный мистер Хэвишем обращает внимание на различия графа и Седрика, а также на силу натуры мальчика и отмечает, что это многое изменит: *It will make a great difference*, *– he said to himself. – It will make a great difference* (Там же). Повторение предложения автором заставляет читателя обратить внимание на это утверждение, что логично, т. к. эти слова поверенного становятся пророческими. Мальчику удается не только остаться собой, но и изменить самого графа и его поведение: *…and gradually almost everyone knew that the 'wicked Earl' found something he cared for at last – something which had touched and even warmed his hard, bitter old heart* (Там же). В данном примере автор обозначает графа эпитетом «мерзкий», который вкладывает в уста жителей графства в качестве прозвища, в очередной раз подчер-

кивая степень испорченности характера графа. Эта испорченность оказывается настолько сильна, что становится очевидна окружающим и переходит в разряд прозвища, т. к. выделяет в характере графа его наиболее заметную черту личности.

Таким образом, в романе автор представляет два диаметрально противоположных характера: испорченный и неиспорченный. Для их описания используется большое количество эпитетов, которые находятся в противопоставлении (см. табл. ниже).

Противопоставление эпитетов для описания характеров главных героев

Испорченный граф	**Неиспорченный Седрик**
wicked, spiteful	good
sinful, self-indulgent	innocent
hateful	charming
cold	warm
bitter	lovely
sarcastic	friendly
cross	cheerful
ugly	handsome
stingy, selfish, mercenary, money-loving	generous
bitter	sweet
unpleasant	pleasant
hash	delightful
fearful	fearless
cruel	kind

Особо стоит обратить внимание на количественное соотношение приведенных эпитетов. Для описания Седрика автор использует более ограниченный набор лексем, однако часто повторяет их (в частности, эпитет «невинный» повторяется в тексте романа 26 раз). В свою очередь, для описания графа используется более широкий спектр лексем, часто синонимичных (например, «меркантильный», «прижимистый», «скупой», «любящий деньги»). Данный факт может быть объяснен двумя факторами. Во-первых, в силу более высокого эволюционного значения негативных характеристик явлений, людей и объектов языку свойственно иметь большее количество синонимов с негативной окраской, представляющих градацию признака. Во-вторых, одной из целей автора видится изображение максимально темного образа графа для усиления эффекта от его «исправления» вследствие контакта с чистой, неиспорченной натурой ребенка.

Полярность характеров главных героев романа наводит на мысль о сказочности данного сюжета. Эту же мысль подтверждает наличие некоторых типичных по В.Я. Проппу [3] сказочных героев. Так, например, в определенный момент сюжета появляется «ложный герой» – мальчик, претендующий на статус лорда вместо Седрика. По законам сказочного жанра ложный герой разоблачается, а истинный герой, Седрик, восстанавливает свои права. Такое развитие сюжета по законам сказки подчеркивает аксиологическую направленность произведения. Целью автора становится демонстрация добра и зла, а также силы первого, способной повлиять даже на самое закоренелое зло. Кроме того, счастливый конец романа, где главный положительный герой получает все, не дает усомниться в основной мысли автора: «Добро побеждает зло».

Таким образом, актуализация концепта «испорченность» в романе происходит посредством соотнесения его частных признаков с антонимичными. Контрастивное сопо-

ставление характеристик мальчика и графа маркирует признаки испорченности как доминантные, чтобы юный читатель обратил на них внимание в нужном аксиологическом ключе – это проявление зла, которое побеждается добрым нравом. Языковыми средствами репрезентации концепта «испорченность» в романе выступают многочисленные эпитеты с синонимичным и антонимичным значением, антитеза, метафора и перенос по смежности.

Список литературы

1. Выстропова О.С. Индивидуально-авторская концептосфера Роберта Бёрнса: монография. Казань, 2020.
2. Давыдова А.В. Репрезентация концепта «trust» в романе Андрю Нормана Уилсона The Healing Art // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8(141). С. 180–184.
3. Красавский Н.А. Ключевые эмоциональные концепты в новелле Артура Шницлера «Умирание» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 207–213.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
5. Макарова О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1(01). С. 100–103.
6. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. / Коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Сост., научн. ред, текстологич. ком. И.В. Пешкова. М., 1998.
8. Burnett F.H. Little Lord Fauntleroy. London, 1995.

* * *

1. Vystropova O.S. Individual'no-avtorskaya konceptosfera Roberta Byornsa: monografiya. Kazan', 2020.
2. Davydova A.V. Reprezentaciya koncepta «trust» v romane Andryu Normana Uilsona The Healing Art // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 8(141). S. 180–184.
3. Krasavskij N.A. Klyuchevye emocional'nye koncepty v novelle Artura Shniclera «Umiranie» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2022. № 6. S. 207–213.
4. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshchej red. E.S. Kubryakovoj. M., 1996.
5. Makarova O.S. Koncepty «Macht» i «Glück» v konceptosfere F. Nicshe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1(01). S. 100–103.
6. Pimenova M.V. Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii. Kemerovo, 2004.
7. Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. / Komment. E.M. Meletinskogo, A.V. Rafaevoj. Sost., nauchn. red, tekstologich. kom. I.V. Peshkova. M., 1998.

The concept "depravity" in the novel "Little Lord Fauntleroy" by F.E. Burnett

The article deals with the analysis of the representation of the concept "depravity" in the novel "Little Lord Fauntleroy" by F.E. Burnett. The representation of the concept is considered through the comparison of the characters. The author describes the linguistic and stylistic means of the objectification of the studied concept.

Key words: *concept, depravity, innocence, mercenariness, greed.*

(Статья поступила в редакцию 09.11.2023)

М.И. НАГОРНОВ
Москва

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА “FEAR/MIEDO” В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Проведен отбор и лексикографический анализ единиц лексико-семантических полей “fear/miedo” в английском и испанском языках. В обоих языках данная эмоция имеет пересечения с кластерами эмоций «огорчение», «сомнение», «несчастье». Особенными для национальной концептосферы испанцев являются семы «шок» и «риск», для концептосферы носителей английского языка характерны семы «боль», «трепет», «смятение», «страшило/пугало». Общими компонентами эмоционального кластера “fear/miedo” стали: страх-опасение, страх-страх и страх-ужас.

Ключевые слова: *сема, семантическое поле, эмоциональный концепт, эмоциональная концептосфера, эмоциональный кластер “fear/miedo”.*

При сопоставлении явлений в языках часто используется понятийный аппарат когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика описывает и моделирует концепты, переосмысливает базовые концепты, изучает способы репрезентации концептов (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, Е.С. Кубрякова и др.). Исследование концепта связано с изучением семантических полей, которые позволяют изучить системные связи лексического состава языка. Полевой метод дает возможность анализировать связи между языковыми единицами разных языков. Представления о мире структурируется в виде семантических полей, в которых могут проявиться концептуальные межъязыковые сходства и различия, и, следовательно, могут проясниться трудности и барьеры в межкультурной коммуникации. Результаты исследований в данной области помогут снять барьеры и осуществить качественный обмен информацией.

Лингвистика эмоций изучает эмоциональную языковую картину мира, национально-культурную специфику выражения эмоций (Л.Г. Бабенко, А.А. Водяха, Н.Н. Волкова, М.Д. Городникова, В.В. Жура, А.С. Илинская, С.В. Ионова, Л.А. Калимуллина, М.А. Кормилицына, Т.В. Ларина, В.В. Леонтьев, Н.М. Фирсова, В.И. Шаховский, H. Arndt, J.R. Fontaine, M. Bamberg, C. Izard, Z. Kövecses, R.W. Janney, K.R. Schere, C. Soriano, A. Wierzbicka и др.). Единицами эмоциональной картины мира являются эмоциональные концепты. Они универсальны, но способы их вербализации являются специфическими в разных языках.

Данное исследование посвящено изучению структуры лексико-семантического поля “fear/miedo” на материале английского и испанского языков.

Цель данного исследования заключается в исследовании семантических полей “fear/miedo”, в изучении сходств и различий в концептуализации данных эмоций на материале английского и испанского языков.

В исследовании использован *метод* описания и сравнения эмоций в разных языках на основе *сравнения семантических полей* В.Ю. Апресян, который изложен в статье «Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты» [1]. Также задействованы *описательный метод, метод сплошной выборки, метод оппозиций, метод статистического анализа.*

Исследование выполнено на *материалах* статей англоязычных и испаноязычных толковых словарей с целью построения семантического поля концепта “fear/miedo”.

Исследование имеет следующие *этапы/задачи*:

- анализ теоретических исследований вопроса семантических полей в рамках классической и когнитивной лингвистики;

© Нагорнов М.И., 2023

- отбор и компонентный анализ единиц лексико-семантических полей “fear/miedo” в толковых словарях;
- сравнение лексико-семантических полей “fear/miedo”;
- анализ культурных и социальных различий в изучаемых лексико-семантических полях.

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование, проведенное в рамках когнитивной лингвистики и эмотивной лингвистики, позволяет рассматривать язык как упорядоченную систему хранения информации и путь к пониманию сознания и эмоций человека (С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Шаховский). Так, сравнение языков в данном аспекте позволяет говорить о различии или сходстве картины мира, отраженной в сравниваемых языках, а следовательно, сознании и поведении разных народов.

Объектом исследования является эмоциональный кластер “fear/miedo”. *Предмет* изучения – характеристики единиц, принадлежащих лексико-семантическим полям “fear/miedo”. *Новизна* работы заключается в сопоставительном рассмотрении семантического поля “fear/miedo” на материале английского и испанского языков.

Категория страха изучается разными науками. Так, в философии экзистенциализма (С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) в страхе были выделены такие компоненты, как боязнь, тревога, ужас; философы стали говорить о страхе как внутреннем явлении, которое сопровождает человека и влияет на его существование.

Исследование эмоционального кластера страха проводилось психологами. П. Экман считает, что из всех человеческих эмоций есть семь универсальных эмоций, которые человек чувствует вне зависимости от языка, региональных, культурных и этнических различий. К. Изард выделяет 9 (10) таких эмоций. Страх является универсальной эмоцией; его испытывают все люди. “Fear arises with the threat of harm, either physical, emotional, or psychological, real or imagined. While traditionally considered a “negative” emotion, fear actually serves an important role in keeping us safe as it mobilizes us to cope with potential danger” [9]. «Страх возникает при угрозе причинения вреда физического, эмоционального или психологического, реального или воображаемого. Хотя страх традиционно считается «негативной» эмоцией, на самом деле он играет важную роль в обеспечении нашей безопасности, поскольку он мобилизует нас, чтобы справиться с потенциальной опасностью» (Перевод наш. – *М.Н.*). Многие исследователи в области психологии вслед за П. Экманом включают в страх группу связанных терминов (the family of fearful experiences по П. Экману): “anxiety, trepidation, apprehension, dread, fright, panic, and terror”, которые различаются по критерию интенсивности [15].

Все без исключения исследователи в области эмоций подчеркивают сложность характеристики и распознавания эмоций, их многогранности. Все эмоции работают в комплексе. Например, страх иногда может возникнуть сразу после удивления и часто колеблется с переживанием гнева. Теория дифференциальных эмоций К. Изарда представляет эмоциональные элементы как систему, т. к. они взаимосвязаны и динамическими, и относительно стабильными способами [9, p. 52–71]

В этой связи и в психологии, и в лингвистике возможно говорить о кластерах эмоций (группах эмоций со схожими характеристиками). Говоря о кластере универсальной эмоции страха, мы уже обозначили универсальные составляющие этого кластера, выделенные П. Экманом. Эти элементы находят отражение в языковой репрезентации эмоции «страх».

Построение эмоциональной концептосферы и эмоциональных кластеров невозможно без изучения и дополнения лексико-семантических полей концепта “fear/miedo” на материале словарей [5–8; 12–14; 16; 17]. Также в исследовании мы опираемся на работы других лингвистов в данной области: В.Ю. Апресян [1], И.В. Варуха [2], С.В. Зайкиной [3], Н.А. Михеевой [4] и др. В статье приводятся значимые выводы и примеры.

Анализ проведенных ранее и дополненных нами исследований позволил построить структуру кластера “fear”, где в ядро входят все номинанты концепта с семой «страх», т. к. обычно ядром поля является единица с малым количеством дифференциальных семантических признаков, а в периферию – с этой семой в импликационале. В зону ядра вошли однокоренные слова, существительные-синонимы и глаголы с семой «страх»: *fear, fearful, fearfulness, fearless, fearlessness; nouns: distress, alarm, danger, pain; dread, horror, panic, terror, dismay, fright, consternation, apprehension, trepidation, bugbear, phobia; verbs: be afraid of, dread, be scared of, be frightened of, shudder at, be fearful of, tremble at, be terrified by, have a horror of, take fright at, have a phobia about, live in dread of*. Заметим, что все единицы группы, названной П. Экманом “the family of fearful experiences”, вошли в состав ядерной зоны поля и являются его базой.

Зона периферии широко представлена различными единицами. Это синонимы второго и дальнейших рядов, фразовые глаголы, коллокации и фразеологические сочетания, метафоры и метонимии. Мы бы хотели привести некоторые примеры*: awe, tremors, qualms, timidity, apprehensiveness, nightmare, anxiety, cowardice, concern, worry, doubt, distress, suspicion, disgust, angst, unease, misgiving(s), nervousness, agitation, uneasiness, possibility, likelihood, wonder, respect, worship, reverence, veneration; be apprehensive about, have qualms about, have butterflies in your stomach about (informal), shake in your shoes about, worry, suspect, anticipate, be afraid, expect, foresee, apprehend, revere, respect, reverence, venerate, stand in awe of, be afraid of one's own shadow, be in cold sweat, fear the worst* и др.

Лексико-семантическое поле “miedo” в зоне ядра имеет следующий состав: *miedo, miedoso; angustia, perturbación, recelo, peligro, riesgo; temor, terror, aprensión, pavor, pánico, espanto, horror, susto, sobresalto, cobardía; coger miedo a algo, dar miedo, de miedo, entrar miedo a algn, meter miedo a algn, pasar miedo, perder el miedo a algo, por miedo a o de algo, tener miedo, asustado* и др. В этой зоне, как и в английской зоне ядра, есть единицы, присущие универсальной эмоции страха (П. Экман).

Зона периферии также многокомпонентна и представлена разными языковыми уровнями. Здесь названа лишь часть единиц периферии: *acobardamiento, acojono, alarma, asustar, asustarse, atemorizar, atemorizarse, cagalera, cuidado, desconfianza, encogimiento, impavidez, intimidación, respeto, susto, temblor, temor, terror, valentía, desconfianza, turbación; se fue corazón a talons, los cabellos levantaron con punta, vibrar de miedo, estremecerse de horror, se doblan las piernas de miedo, el corazón dispuesto a saltar fuera del pecho, los ojos saltaron fuera de miedo, no estar en sí mismo de miedo, sobre mí cayó horror, en mí se instaló miedo, piernas dejaron de obedecer, enmudecer de miedo, petrifi carse de miedo, corazón se paró de miedo, sangre se congeló en venas, pica escarcha sobre espalda* и др.

Данные лексикографического исследования позволяют сделать некоторые общие выводы. Страх переживается людьми в самых разных ситуациях, которые имеют одну общую черту. Они воспринимаются человеком как ситуации, в которых под угрозой находятся его спокойствие или безопасность. Страх сужает наше восприятие, заставляя видеть только пугающий объект или, может быть, только путь спасения от него. Переживание страха сопровождается чувствами неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию.

При сравнении способов описания “fear” в английском языке и “miedo” в испанском языке выявляется восприятие страха, которое часто сводится к физиологической реакции – человек либо каменеет, замирает, немеет: *becomes petrified, is paralyzed (frozen) with fear / clavado por el miedo* (оцепеневший от страха), *lleno de miedo* (охваченный страхом); либо трясется, вздрагивает, дрожит: *shakes in his boots, is afraid, shakes from fear / temblar de miedo* (дрожать от страха), а также испытывает неприятный холод, мурашки: *fear makes his blood creeps, a cold shiver ran down his spine / miedo espantoso* (леденящий страх), *helarse de miedo* (похолодеть от ужаса). Более того, страх вли-

яет на работу сердца: *his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat*. Страх также влечет за собой изменения внешности человека: *fear twists his mouth; his face grew white; his face was destroyed*. Следует отметить, что страх способен привести к безумию и даже смерти: *to scare someone to death / morirse de miedo* (умирать, обмереть от страха), *miedo cerval* (смертельный страх). Среди единиц периферии многие представляют из себя концептуальные метонимии.

Также принимая во внимание исследования З. Кёвечеса в этой области, можно выделить основные метафоры, вокруг которых строится описание: «страх – это живое существо; страх – это предмет; страх – это опасность; страх – это безумие», «страх – это холод» [10; 11].

Сравнив семантические поля эмоциональных концептов “fear/miedo” в обоих языках на материале данных словарей, можно выделить следующие схожие типы «страха»: общечеловеческие страхи (болезни близких, война, стихийные бедствия, старость) и страхи, которые связаны с прогрессом (произвол властей, преступность, унижение, репрессии и т. д.). Универсальной классификации страхов не разработано на сегодняшний день. Все же представленные страхи можно разделить по силе, интенсивности, биологической, психологической и социальной значимости.

Каждая рассмотренная концептосфера демонстрирует некоторые отличительные составляющие данной эмоции. Например, в английском языке эмоция “fear” включает такие составляющие, как “pain”, “trepidation”, “dismay”, “bugbear”, которые расположены в зоне ядра лексико-семантического поля, но не представлены в словарях испанского языка. В поле “miedo” в зоне ядра представлены “sobresalto” и “riesgo”, данные единицы в поле “fear” возможно обнаружить только на дальней периферии.

В обоих языках данная эмоция имеет пересечения с кластерами эмоций «огорчение», «сомнение», «несчастье».

Полученные в ходе исследования словарных статей данные раскрывают специфику языковой репрезентации эмоционального концепта “fear/miedo” в испанском и английском языках, определяют содержание эмоционального кластера “fear/miedo”.

Особенными для национальной концептосферы испанцев являются семы «шок» и «риск», для концептосферы носителей английского языка характерны семы «боль», «трепет», «смятение», «страшило/пугало».

Общие компоненты (страх-опасение, страх-страх и страх-ужас) позволяют еще раз говорить об универсальном характере эмоции страха.

Различия между эмоциональными концептами двух языков и между их языковой репрезентацией доказывают этническую специфичность данного эмоционального концепта и уникальность каждого языка и культуры.

Наше исследование имеет продолжение в плане изучения и сопоставления эмоциональных концептов и их лексико-семантических полей, в исследовании смежных эмоциональных кластеров.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.

2. Варуха И.В. Структура внутренней формы наименования (на материале семантического поля «Страх» в английском, русском и французском языках) [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16(307). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-vnutrenney-formy-naimenovaniya-na-materiale-semanticheskogo-polya-strah-v-angliyskom-russkom-i-frantsuzskom-yazykah (дата обращения: 10.08.2023).

3. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

4. Михеева Н.А. Описание внешнего проявления эмоции страха в испанском языке // Филологические науки в МГИМО / Отв. редактор Г.И. Гладков. М., 2009. С. 34–43. Т. 37(52).

5. Fear. Cambridge English Dictionary. [Electronic resource]. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/englishrussian/fear_1 (дата обращения: 08.08.2023).

6. Fear. Collins Dictionary. [Electronic resource]. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fear (дата обращения: 08.08.2023).

7. Fear. McMillan English Dictionary. [Electronic resource]. URL: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/fear_1 (дата обращения: 08.08.2023).

8. Fear. Oxford English Dictionary. [Electronic resource]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/fear (дата обращения: 08.08.023).

9. Izard C.E. Human Emotions (Emotions, Personality, and Psychotherapy series). New York, 1977.

10. Kövecses Z. Emotion concepts in a new light. [Electronic resource]. URL: https://api.semanticscholar.org/CorpusID:225418682 (дата обращения: 08.08.2023).

11. Kövecses Z. Metaphor, language, and culture // DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada. 2009. № 26. P. 739–757.

12. Miedo [Electronic resource] // Educalingo. URL: https://educalingo.com/ru/dic-es/miedo (дата обращения: 08.08.2023).

13. Miedo. Diccionario de la lengua española. [Electronic resource]. URL: https://dle.rae.es/miedo?m=form (дата обращения: 08.08.2023).

14. Miedo. The Free Dictionary. [Electronic resource]. URL: https://es.thefreedictionary.com/miedo (дата обращения: 08.08.2023).

15. PaulEkmanGroup. Universal emotions. Fear. [Electronic resource]. URL: https://www.paulekman.com/universal-emotions/what-is-fear/ (дата обращения: 08.08.2023).

16. Roget's Thesaurus of English words and phrases. [Electronic resource]. URL: http://www.thesaurus.com/ (дата обращения: 08.08.2023).

17. WordReference.com. Online Language Dictionaries. [Electronic resource]. URL: https://www.wordreference.com/es/translation.asp?tranword=be%20scared (дата обращения: 08.08.2023).

* * *

1. Apresyan V.Yu. Opyt klasternogo analiza: russkie i anglijskie emocional'nye koncepty // Voprosy yazykoznaniya. 2011. № 1. S. 19–51.

2. Varuha I.V. Struktura vnutrennej formy naimenovaniya (na materiale semanticheskogo polya «Strah» v anglijskom, russkom i francuzskom yazykah) [Elektronnyj resurs] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 16(307). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-vnutrenney-formy-naimenovaniya-na-materiale-semanticheskogo-polya-strah-v-angliyskom-russkom-i-frantsuzskom-yazykah (data obrashcheniya: 10.08.2023).

3. Zajkina S.V. Emocional'nyj koncept «strah» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah (sopostavitel'nyj aspekt): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.

4. Miheeva N.A. Opisanie vneshnego proyavleniya emocii straha v ispanskom yazyke // Filologicheskie nauki v MGIMO / Otv. redaktor G.I. Gladkov. M., 2009. S. 34–43. T. 37(52).

The semantic field of the emotional cluster "fear/miedo" in the English and Spanish languages

The article deals with the selection and lexicographical analysis of the units of the lexical and semantic fields "fear/miedo" in the English and Spanish languages. In these languages this emotion overlaps with the clusters of the emotions "regret", "doubt" and "misfortune". The specific ones for the national sphere of concepts for the Spanish are the seme "shock" and "risk", the semes "pain", "flutter", "flurry" and "scarecrow/bogie" are typical for the sphere of concepts of the native speakers of the English language. The general components of the emotional cluster "fear/miedo" are fear-anxiety, fear-fear and fear-horror.

Key words: *seme, semantic field, emotional concept, emotional sphere of concepts, emotional cluster "fear/miedo".*

(Статья поступила в редакцию 28.10.2023)

О.С. МАКАРОВА
Волгоград

КОНЦЕПТ *МИР* В КОНЦЕПТОСФЕРЕ НЕМЕЦКОГО ФИЛОСОФА ФРИДРИХА НИЦШЕ

На материале философских текстов Фридриха Ницше исследуются метафорические описания концепта «мир», являющегося одним из ключевых в творчестве немецкого ученого. Установлены с точки зрения частеречной принадлежности доминирующие типы метафор в его идиолекте. К ним относятся в первую очередь адъективные метафорические конструкции, обладающие значительной образностью и экспрессивностью. Большинство из них имеют ярко выраженный индивидуально-авторский характер.

Ключевые слова: *идиолект, концепт, метафора, тип метафоры, классификация метафор, номинация, образ.*

Ю.Н. Караулов, говоря об языковой личности, выделяет наличие двух уровней ее изучения. Первый уровень – личное восприятие мира и выявление иерархии ценностей и понятий в личностной картине мира. Второй уровень анализа языковой личности представляет собой описание мотивов и целей, направляющих ее развитие, управляющих ее созданием текстовых смыслов и определяющих соотношение смыслов и ценностей в ее языковой модели мира [3, с. 37].

Познавательные способности человека, несомненно, включают в себя языковые особенности, которые могут коррелировать с универсальными свойствами интеллекта и выступать в качестве структур познания. Тем самым обнаруживается определенная связь между философией и лингвистикой.

Вторичная номинация, в частности метафора, выполняет важную роль в языке философии, является одним из самых частотных средств в философских текстах. В исследованиях ученых представлены разные концепции об особенностях метафорического знания, его функционирования в философии.

Среди античных авторов необходимо выделить Аристотеля, всесторонне рассмотревшего данный феномен. Метафора определяется им как «перенесение слов с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или в форме пропорции» [1, с. 184]. Кроме того, Аристотель подчеркивал тесную связь метафоры со сравнением, к примеру: «сравнение есть также метафора» [Там же, с. 190], что неоднозначно воспринимается в современной лингвистике.

Несмотря на ряд многочисленных исследований, до сих пор не существует единого мнения в определении объема понятия метафорической единицы. С одной стороны, метафора выражает любое переносное значение, с другой – это «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе сходства» [2, с. 236].

Заметим, что классификация метафоры необходима для ученых, филологов, в особенности концептологов, хотя критерии, упорядочивающие все разновидности метафор, также до сих пор не установлены.

В.П. Москвин предлагает принять во внимание три параметра, с учетом которых могла бы производиться классификация метафоры – семантический, функциональный, структурный (формальный) [5, с. 126–154].

Согласно структурному критерию, выделяют метафоры по наличию/отсутствию опорного слова; кроме того, выделяют метафоры «простые» и «развернутые» («цепочка метафор»), характеризующиеся неодинаковым количеством составляющих единиц, носителей определенного метафорического образа [4, с. 35].

© Макарова О.С., 2023

По наличию/отсутствию опорного слова мы можем различать метафору-сравнение, предполагающую присутствие слова-параметра и семантически ключевого слова, а также метафору-загадку, характеризующуюся отсутствием слова-аргумента; при этом, благодаря существованию контекста, можно достаточно быстро объяснить смысл высказывания. С учетом грамматической оформленности опорного слова представляется целесообразным выделять метафоры генитивные, субстантивные, адъективные и глагольные [4, с. 35–36].

Анализируя философские тексты Ф. Ницше, а именно средства обозначения концепта "die Welt" (рус. *мир*), можно сделать вывод, что метафора-сравнение очень частотна, поскольку идиолект Ф. Ницше изобилует единицами образного характера, создавая неповторимые образы в сознании читателя. К примеру: "die Vernunft der Welt" [8, s. 540] (слово-параметр – die Vernunft, слово-аргумент – die Welt). Благодаря следующей единице автор подчеркивает превосходство и непредсказуемость окружающего мира: "Das Gespött und Widersprechen der umgebenden Welt" [9, s. 180] (слово-параметр – das Gespött, das Widersprechen, слово-аргумент – die Welt). В примере "verkehrte Welt" [10, s. 317] словом-параметром выступает единица verkehrt и характеризует наш мир как нечто непонятное, хаотично существующее.

В трудах В.П. Москвина рассматривается так называемая метафора-загадка, которая упоминается еще в античной философии. Данный вид метафорического знания российский ученый дефинирует как контекстуальный, т. к. смысл и ценность высказывания определяются предложенным контекстом: "Sie wirtschaftet gern aus dem Vollen, wie große Herren, nimmt ein und giebt aus, so lange sie etwas ausgeben hat: aber wenn nun einer die Posten zusammenrechnet und ihr sogleich die Bilanz vorlegt, so betrachtet sie den als einen Störenfried" [8, s. 22]. По мысли Ф. Ницше, мир остается щедрым только до тех пор, пока человек не задумывается о полученных благах и легкомысленно к ним относится. Мир сравнивается со знатными, богатыми людьми, не терпящими вмешательства в свою частную жизнь.

В следующей метафорической загадке мир выступает в виде спелого золотого яблока, доступного каждому из желающих: "als ob ein voller Apfel sich meiner Hand böte, ein reifer Goldapfel, mit kühlsanfter, sammtener Haut" [6, s. 187].

Заметим, что связь между компонентами замкнутой и незамкнутой метафоры может быть свободной или фразеологизированной. В нашем случае наблюдаются лишь свободные метафоры, ярко эксплицирующие неповторимые образы в индивидуальных контекстах немецкого философа. Например: "das Gespött der Welt", "ein reifer Goldapfel", "neben der Wehe der Welt", "die Vernunft der Welt".

Мы не раз уже упоминали, что метафора очень многогранна, в связи с чем вторичная номинация, выраженная метафорическим образом, может различаться в том числе и по количеству единиц-носителей. Речь идет о простых метафорах, в которых образное значение эксплицировано посредством одной лексической единицы, а также о развернутой метафоре (цепочке метафор), в которой образ выражен рядом тематически связанных смыслов.

Анализ языкового материала позволяет заключить, что в произведениях немецкого философа преимущественно обнаруживаются развернутые метафорические цепочки, что объясняется неординарностью мышления самого Ф. Ницше и, как следствие, его идиолекта. Кроме того, связка метафор характеризуется количественной, логической последовательностью компонентов, степенью полноты. В качестве примера приведем следующие текстовые пассажи, доказывающие наш вывод: "Und nur in dieser Hoffnung giebt es einen Strahl von Freude auf dem Antlitze der zerrissenen, in Individuen zertrümmerten Welt: …welche zum ersten Male wieder sich freut, als man ihr sagt, sie könne den Dionysus noch einmal gebären" [6, s. 44]. Данная трехчленная развертка не имеет исходной

метафоры, но для нее характерно наличие нескольких метафорически использованных единиц с негативной коннотацией.

“Aber „jene Welt“ ist gut verborgen vor dem Menschen, jene entmenschte unmenschliche Welt, die ein himmlisches Nichts ist; und der Bauch des Seins redet gar nicht zum Menschen, es sei denn als Mensch” [6, s. 35]. В приведенной выше четырехчленной метафорической развертке автор саркастично описывает окружающий мир, жестокий к человеческой личности и ничего из себя не представляющий. Этот отрывок включает в себя как исходную метафору, где мир – ничто, так и четыре метафорических звена, наиболее полно выражающих негативное отношение Ф. Ницше к анализируемому концепту.

С точки зрения развернутой метафорической структуры обратимся к следующей единице: “als ob ein Baum mir winke, ein breitlästiger, starkwilliger, gekrümmt zur Lehne und noch zum Fussbrett für den Wegmüden: so stand die Welt auf meinem Vorgebirge” [6, s. 187]. Приведенный пример обнаруживает исходную метафору и четырехчленную метафорическую развертку, в которой мир – крепкое дерево с многочисленными ветвями, склоненными к человеку, дающее возможность жить, созидать и дающее опору на его жизненном пути.

Уже упоминалось, что в текстовых смыслах немецкого философа нами выделены простые метафоры, эксплицированные одной лексической единицей. Наша картотека свидетельствует о том, что данные единицы не менее образны, заключают в себе индивидуальное понимание автором картины мира и также неоднозначно могут быть интерпретированы исследователями. Например: “Welt ist von Erz” [8, s. 647], “die Welt glaubt” [10, s. 202], “Welt hat kein Herz” [8, s. 647], “die Welt hielt eine Waage und wog die Welt” [6, s. 187]. Мир, согласно Ф. Ницше, оживает, испытывает разные человеческие эмоции. Мир, как и человека, возможно оклеветать за его добрые поступки: “ein menschliche gutes Ding war mir heut die Welt, der man so Böses nachredet” [6, s. 188].

Выше уже упоминалось, что с учетом частеречной принадлежности вторичные номинации подразделяются на субстантивные, адъективные и глагольные [5, s. 140]. Кроме того, принимая во внимание грамматическую форму слова, возможно выделить подтип субстантивных метафор, а именно генитивные метафоры. При описании ницшеанского концепта “die Welt” (мир) авторская картотека демонстрирует наличие перечисленных типов структурных метафорических единиц, всесторонне оформляющих анализируемый концепт.

Выделенные метафорические примеры в большей степени оформлены посредством адъективного слова-параметра. Ф. Ницше использует целый ряд переносных образных единиц, объективирующих концепт “die Welt”. Болезненность и странность окружающей действительности представлены в примерах: “seltsame und kranke Welt” [7, s. 56]. “Eine entgöttlichte, dumm, blind, verrückt und fragwürdig gewordene Welt” [8, s. 602]. Вышеуказанной метафорической разверткой, состоящей из 6 членов, демонстрируется полная разочарованность автора в окружающей действительности. Отрицательная коннотация отмечена также следующей метафорической цепочкой: “die ganze andere Welt gleichgültig, blass, werthlos erscheint” [8, s. 387]. Посредством перечисленных прилагательных автор не скрывает своего уныния по отношению к своей реальности. Об этом свидетельствуют и следующие метафоры: “in dieser vereinfachten, durch und durch künstlichen, zurecht gedichteten, zurecht gefälschten Welt” [11, s. 33] или “aus der tiefen Verachtung der sinnlich tastbaren verführerischen und bösen Welt heraus” [8, s. 50].

Кратко резюмируя вышесказанное, хотелось бы обратить внимание на использование Ф. Ницше резко отрицательных высказываний вторичной номинации адъективного типа. Нами не выявлено ни одной метафоры, восхваляющей действительность. Можно предположить, что мир Ф. Ницше не доставляет ему радости, полон несбывшихся надежд.

Примечателен также небольшой удельный вес метафорических моделей с глагольным словом-параметром или с субстантивным словом-параметром. Говоря о глагольных метафорических примерах, заметим, что сравнение мира и человеческих качеств превалирует над другими сравнениями в нашем практическом материале. Мир может что-то потерять (“dass jene Welt im Grunde einen gewissen Geruch von Blut und Folter niemals wieder ganz eingebüsst habe?” [11, s. 300]) или во что-то верить (“bis jetzt glaubt aber alle Welt”) [10, s. 202].

Апелляция к субстантивному типу представлена следующими примерами: “dass die Welt ein Machtwerk, die Erscheinung eines bösen Willens zum Leben sei…” [9, s. 49] или “…jene entmenschte unmenschliche Welt, die ein himmlisches Nichts ist…” [6, s. 35].

Таким образом, отмечается превалирование адъективных метафорических конструкций. Вероятно, такие модели наделены определенной степенью символичности и более детально способны репрезентировать выявленный концепт.

Говоря о структурной типологии метафорических единиц немецкого философа Ф. Ницше в системе опредмечивания индивидуального концепта “die Welt”, необходимо отметить, что наиболее частотными здесь являются развернутые метафорические модели. Данные единицы типичны для каждого из философских текстов автора. И именно благодаря неординарности своего мышления, выраженного средствами вторичной номинации, Ф. Ницше по праву может считаться ярко выраженной индивидуальной языковой личностью.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля: (антология текстов): [перевод с древнегреческого и латинского]. СПб., 1996.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997.
5. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов-на-Дону, 2006.
6. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. München, 1976.
7. Nietzsche F. Antichrist. 1986.
8. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. München, 1999.
9. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
10. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches II // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
11. Nietzsche F. Zur Genealogie der Moral // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. München, 1999.

* * *

1. Antichnye teorii yazyka i stilya: (antologiya tekstov): [perevod s drevnegrecheskogo i latinskogo]. SPb., 1996.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M., 1966.
3. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 1987.
4. Moskvin V.P. Russkaya metafora. Semanticheskaya, strukturnaya, funkcional'naya klassifikaciya. Volgograd, 1997.
5. Moskvin V.P. Stilistika russkogo yazyka. Teoreticheskij kurs. Rostov-na-Donu, 2006.

The concept "world" in the sphere of the concepts of the German philosopher Friedrich Nietzsche

On the basis of the philosophic texts by Friedrich Nietzsche there are studied the metaphoric descriptions of the concept "world", that is one of the key components in the creative work of the German scientist. There are established the dominating types of the metaphors in its idiolect from the view of the part-of-speech belonging. They include the adjective metaphorical constructions with the significant figurativeness and expressiveness. Most of them have a prominent author-individual nature.

Key words: *idiolect, concept, metaphor, type of metaphor, classification of metaphors, nomination, image.*

(Статья поступила в редакцию 28.10.2023)

И.А. МУРЗИНОВА
Волгоград

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫМ ТИПАЖОМ «ВИДЕОБЛОГЕР» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено изучению языковой репрезентации лингвокультурного типажа «блогер» в современном англоязычном медийном дискурсе в жанре видеоблога. Лингвокультурный типаж «блогер» рассматривается через призму его онлайн-коммуникации в интернет-сообществе. Выявляются основные коммуникативные стратегии, используемые данным типажом, и языковые средства их реализации в англоязычном медийном дискурсе.

Ключевые слова: *лингвокультурный типаж, медийный дискурс, интернет-коммуникация, видеоблогер, коммуникативные стратегии, языковые средства.*

Актуальность темы статьи определяется интересом современных лингвистов к теории лингвокультурных типажей, важностью изучения особенностей типажей, существующих в коллективном языковом сознании представителей различных лингвокультур, в том числе лингвокультурного типажа «блогер», оказывающего существенное влияние на поведение представителей англоязычных лингвокультур, а также возрастающей ролью медиасферы, в частности, видеоблогинга как обширного сегмента деятельности человека в современном интернет-пространстве.

В статье ставится задача описать коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «блогер» в англоязычном медийном пространстве. Материалом исследования являются видеофрагменты, демонстрирующие лингвокультурный типаж «блогер»,

© Мурзинова И.А., 2023

представленные на англоязычном сегменте видеохостинга YouTube. Контексты для изучения особенностей данного типажа извлекались методом сплошной выборки. В процессе их анализа были использованы следующие лингвистические методы: описательный метод, метод контекстуального анализа, метод интерпретативного анализа, метод дефиниционного анализа.

В начале XXI в. на стыке лингвокультурологии и лингвоконцептологии стала формироваться новая область научного знания – теория лингвокультурных типажей (см., например, [11, с. 5–25]), внимание исследователей в которой сфокусировалось на мысли о человеке, типизируемом коллективным языковым сознанием, как значимом элементе культуры. В.И. Карасик впервые определил концепты типизируемых личностей, лингвокультурные типажи, как «обобщенные образы носителей культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [9, с. 115].

Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании под лингвокультурным типажом вслед за В.И. Карасиком мы понимаем обобщенный тип личности, выделяемый по ряду социально значимых параметров и проявляющий определенные речеповеденческие характеристики, а также узнаваемый носителями определенной культуры по особым характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [10, с. 244].

Моделирование лингвокультурного типажа основывается на специфике структуры лингвокультурного концепта. Алгоритм описания лингвокультурного типажа, предложенный О.А. Дмитриевой, предполагает выделение следующих параметров исследуемого типажа: I. Составление паспорта лингвокультурного типажа: 1. Внешний облик (включая одежду и возраст). 2. Гендерная принадлежность (пол). 3. Происхождение или определяемый типажом социальный статус. 4. Место жительства, характер жилища. 5. Сфера деятельности (она определяет особенности коммуникативного поведения типажа). 6. Досуг и образ жизни типажа. 7. Семейное положение (включая ценностные приоритеты). 8. Окружение (описание близких типажу языковых личностей). 9. Речевые особенности – средство для лингвистического портретирования. Манера речи, стиль общения. II. Социокультурная справка (информация, которая имеет социокультурную значимость и освещает историческую, культурную, социальную и психологическую стороны лингвокультурного типажа). III. Описание понятийного содержания концепта лингвокультурного типажа при помощи анализа словарных определений (энциклопедический, переводный, синонимический, этимологический, ассоциативный, толковый словари). IV. Ценностная характеристика лингвокультурного типажа. Важные события и факты, которые значимы для данного типажа [5, с. 121].

Данный алгоритм был положен нами в основу рассмотрения лингвокультурного типажа «блогер», который мы относим с позиций методологии к группе коммуникативных лингвокультурных типажей. При рассмотрении коммуникативных лингвокультурных типажей акцентируются особенности коммуникативного поведения лингвокультурного типажа как наиболее релевантные именно для данного типажа, и потому представляющие особый интерес для исследователя [15, с. 88–92]. Коммуникативная составляющая лингвокультурного типажа «блогер» является наиболее выпуклой «гранью» его фасеточной структуры. Именно коммуникация с аудиторией как сфера деятельности блогера является важнейшей составляющей перцептивно-образной (паспортной) части лингвокультурного типажа «блогер».

В связи с тем, что наше исследование направлено на изучение особенностей коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «блогер» на основе видеороликов YouTube, уместно дать определение феномену блогинга и непосредственно видеоблогинга.

Исследование блогинга в отечественной и зарубежной лингвистике и смежных областях научного знания является относительно новым направлением. Блогом считаются веб-страница или веб-сайт, регулярно обновляемые человеком или группой лиц, которые дополняют этот ресурс текстовой информацией, оформленной в неофициальном или разговорном стиле [6].

Слово *блогер* имеет английское происхождение. Оно появилось в 1990-х гг. в результате слияния лексемы *web*, являющейся аббревиатурой словосочетания *the world wide web* (www) и используемой для обозначения понятия «интернет», с лексемой *log*, в переводе с английского означающей «журнал».

А.Е. Боровенков рассматривает понятие «видеоблог» в качестве видеоконтента в сети Интернет, характеризующегося периодичностью выхода и ассоциациями с определенным лицом (видеоблогером). Формат видеоблогинга находится на стыке нескольких понятий: массмедиа, искусство и шоу-бизнес, т. к. в нем присутствуют как творческая составляющая, свойственная искусству, так и актуальность, свойственная массмедиа. Видеоблогеры часто образуют группы, что характерно для шоу-бизнеса [3].

В.А. Лущиков и М.В. Терских отмечают, что, в отличие от текстового блога, формат видеоблога позволяет сочетать в себе информацию разного рода (видео, текст, изображение, музыку), что обеспечивает бóльшую увлеченность зрителя. Формат видеоблога имитирует «живое» общение блогера с аудиторией [13, с. 57–75].

Видеоблогер – это человек, ведущий свой онлайн-дневник (видеоблог) и транслирующий своим зрителям информацию посредством видеороликов, позволяющих сочетать в себе как визуальный, так и аудиальный контент. Фокусом видеоблога является фигура самого блогера, демонстрирующего аудитории свои коммуникативные особенности.

Разновидностью видеоблога является летсплéй (от англ. *Let's play* – «давай поиграем») – сопровождаемый текстом видеоролик, в котором игрок или группа игроков демонстрирует и комментирует прохождение какой-либо компьютерной игры. Летсплей отличается от записей прохождения игр или обучающих видеороликов акцентом на субъективных впечатлениях игрока («летсплейщика»), его комментариях и реакциях – юмористических, критических или даже посторонних по отношению к происходящему на экране – и не призван служить для зрителей объективным источником информации о том, как продвигаться по игре [22].

А.А. Попов рассматривает четыре вида коммуникативных стратегий, относящихся, по мнению исследователя, к одной из самых распространенных классификаций коммуникативных стратегий: 1) информационная; 2) регулятивно-воздействующая; 3) эмотивная; 4) интерпретирующая [17].

Анализ индивидуальных коммуникативно-речевых портретов видеоблогеров позволил нам, вычленив общие черты из совокупности стратегических и тактических особенностей речевого поведения каждого из субъектов блог-коммуникации, создать обобщенный коммуникативно-речевой портрет лингвокультурного типажа «видеоблогер».

В данном исследовании мы рассмотрели вербальные характеристики коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «блогер» на примере пяти современных прототипов лингвокультурного типажа «американский блогер»: 1) Акейша Керси (двадцатитрехлетняя актриса, блогер, домохозяйка и мать троих детей из города Бостон, штат Массачусетс, США); 2) Феликс Чельберг (шведский англоязычный видеоблогер, летсплейщик, деятель шоу-бизнеса, актер и музыкант, также известен как Пьюдипáй, создатель одноименного YouTube-канала «PewDiePie», с 14 августа 2013 г. по 15 апреля 2019 г. имел наибольшее количество подписчиков на видеохостинге YouTube); 3) Зои Элизабет Сагг (британская интернет-персона, блогер, также известна как Zoella, имеет более 7,6 млн подписчиков); 4) Шон Уильям МакЛоглин (ирландский видеоблогер, продюсер и комментатор игр, также известен как Джексептикай, имеет более 20 000 000

подписчиков на своем YouTube-канале, приобрел популярность в 2013, когда выиграл конкурс у PewDiePie); 5) Бетани Ноель Мота (американский видеоблогер, прославилась благодаря своим видео о покупках, в которых она показывает модные и стильные приобретения, купленные в интернет-магазинах, снимает видео с идеями нарядов, уроки макияжа и причесок, рецепты и идеи «сделай сам»).

В результате анализа фрагментов видеоблогов мы выделили следующие стратегии в коммуникативном поведении лингвокультурного типажа «видеоблогер»: 1) коммуникативная стратегия самопрезентации; 2) информационная коммуникативная стратегия; 3) коммуникативная стратегия сближения с адресатом; 4) регулятивно-воздействующая коммуникативная стратегия; 5) коммуникативная стратегия демонстрации компетентности; 6) эмотивная коммуникативная стратегия; 7) коммуникативная стратегия привлечения и удержания внимания.

На страницах данной статьи мы остановимся на первых трех из указанных стратегий.

Рассмотрим вербальные способы реализации вышеназванных стратегий в видеоблогах.

Коммуникативная стратегия самопрезентации. Согласно О.О. Иссерс, одной из тактик, которой характеризуется стратегия самопрезентации, является тактика моделирования структуры имиджа [7]. Проанализировав видеофрагменты, мы обнаружили, что при реализации лингвокультурным типажом «блогер» стратегии самопрезентации достаточно часто обнаруживается тактика моделирования структуры имиджа, которая реализуется за счет использования видеоблогерами своих «фирменных» приветствий и прощаний: 1. *Good morning, it is Wednesday,* ***it is Wednesday the thirtieth of <...> August*** (Зоуи Сагг). 2. ***Stay rad, stay weird, stay beautiful.*** *Bye guys!* (Акейша Керси). 3. *It's time for me to bestow my infinite!* (Феликс Чельберг). 4. *Good morning. It is cold in Tokio. Luckily we're going somewhere way hotter* (Феликс Чельберг).

Как видно из первого примера, видеоблогеры могут использовать для самопрезентации формат своеобразного онлайн-дневника, называя время (дату, день недели) записи видеоролика (it is Wednesday the thirtieth of <...> August). При прощании нередко используется индивидуальный лозунг блогера (Stay rad, stay weird, stay beautiful), что демонстрируется во втором примере. Использование актуальной сленговой лексемы *rad* ("ræd [slang] adjective Rad means very good, cool, or exciting" [21]) позволяет Акейше презентовать себя как современного блогера (как известно, сленг быстро устаревает) за счет употребления лексемы *weird*, определяемой кэмбриджским словарем как "very strange and unusual, unexpected, or not natural" [20]. Акейша акцентирует свою индивидуальность, имплицитно призывая аудиторию следовать ее примеру, т. е. быть необычными, непредсказуемыми, не такими, как все. Компонентный анализ третьей лексемы из лозунга, используемого Акейшей при прощании, *beautiful*, показывает, что данная лексема содержит эмоционально-оценочную сему "giving a feeling of satisfaction or enjoyment", что обычно не характерно для формул прощаний. Таким образом, с помощью самого последнего слова своего видеоролика Акейша оказывает позитивное эмоциональное воздействие на адресата, моделируя свой имидж как позитивного видеоблогера. Отметим, что стратегия самопрезентации в данном случае дополняется эмотивной стратегией, стратегией воздействия на эмоции и чувства объекта коммуникации. В третьем и четвертом примерах приветствия Феликса Чельберга (PewDiePie) не являются его постоянными лозунгами, однако особенность его самопрезентации заключается в коммуникативной тактике использования высказываний (иногда в форме восклицательных предложений), логически связанных с темой конкретного видеоролика и являющихся своеобразной презентацией этой темы. Таким образом, у Феликса коммуникативная стратегия самопрезентации дополняется стратегией привлечения и удержания внимания.

Стратегия самопрезентации в англоязычном интернет-дискурсе коммуникации блогеров проявляется и в лингвокреативности – видеоблогеры нередко называют себя странными, необычными именами.

Top of the morning to you ladies! My name is ***Jacksepticeye****!* (Шон МакЛоглин). Псевдоним *Jacksepticeye* входит в разряд антропонимов, являясь единицей с ограниченной сферой употребления, выполняющей индивидуальные функции и представляющей собой результат самоименования автора. История происхождения псевдонима *Jacksepticeye* описана в Википедии. В Ирландии имя *Джек* является общим прозвищем для имени *Шон*, поэтому мать и друзья Шона и называли его Джеком. Вторая часть прозвища (*Septiceye*) получилась в результате инцидента в школе: во время игры в футбол кто-то попал Шону мячом в висок, после чего его поврежденный глаз выглядел устрашающе. По словам Джека, рана кровоточила в течение некоторого времени, а потом в нее попала инфекция. После чего друзья Шона продолжали называть его, как и раньше, Джеком, а кто-то – Septiceye (септик – это медицинский термин, относящийся к системной инфекции), либо сразу обоими прозвищами. Комбинация двух прозвищ – *Jacksepticeye* – и дала новое название каналу [23]. Слияние двух разных имен как способ словообразования для создания своего псевдонима *Зоэлла* использовала и британский блогер Зои Элизабет Сагг (англ. Zoe Elizabeth Sugg). Как отмечается на англоязычном сайте о происхождении и популярности имен, Zoella – «современное комбинированное имя, созданное из Зои + Эллы – или, в случае влиятельного британского ютубера Зоэллы, из Зои + Элизабет» (см. https://nameberry.com/babyname/zoella).

Информационная коммуникативная стратегия. А.А. Попов отмечает, что в «основе информационной коммуникативной стратегии блогинга лежит представление фактов и трансляция знаний автора блога и его читателей» [17]. Анализ видеофрагментов современных англоязычных видеоблогеров показал, что, предоставляя своей аудитории фактуальную информацию, блогеры используют преимущественно нейтральную и разговорную лексику. Рассмотрим типичные примеры реализации видеоблогером информационной коммуникативной стратегии посредством употребления нейтральной и неформальной лексики.

1. *Today we're talking about, as you can tell by the title, self– care, the types of self-care, and how to be a better person basically* (Акейша Керси). 2. *...And I mean I'd be lying if I said I've never stressed about views I definitely have I think every content creator ever has worried about views at some point because we want attention* (Бетани Мота). 3. *I don't know if you can see that, but it's quite streaky* (Зоуи Сагг). 4. *I think I* ***got*** *it on Amazon, <...> it's called the Luna...* (Зоуи Сагг). 5. *I actually got a lot of questions about kids for some reason... Here's the thing: I still feel like I am* ***way too*** *young to have a kid* (Бетани Мота).

Как видно из первых трех примеров, видеоблогеры передают фактологическую информацию в основном с помощью нейтральной лексики. В четвертом примере Зоуи Сагг делится информацией о месте приобретения зеркала. При этом в процессе реализации информационной коммуникативной стратегии Зоуи использует просторечную лексему *got*. В пятом примере видеоблогер Бетани Мота употребляет разговорное выражение *way too* для усиления значения слова *young* и подчеркивает таким образом, что на данном этапе своей жизни не планирует заводить ребенка по причине своего слишком юного возраста. Используя разговорную лексику, видеоблогеры реализуют дополнительную коммуникативную стратегию сближения с аудиторией, что позволяет им создать атмосферу неформального общения в неофициальной обстановке.

Отметим, что при реализации информационной коммуникативной стратегии видеоблогеры используют фразовые глаголы. Многие исследователи едины во мнении, что фразовые глаголы являются неотъемлемым атрибутом современной разговорной английской речи – «фразовые глаголы, вне всякого сомнения, относятся к наиболее употребляемым глаголам современной разговорной речи» [18, с. 142], «фразовые гла-

голы придают экспрессию и эмоциональную окраску тексту, заменяя стилистически-нейтральные глаголы» [12, с. 42]. Впрочем, современные лингвисты отмечают проникновение фразовых глаголов из разговорной речи в язык СМИ, язык различных профессиональных сообществ, например, указывается на их использование в языке юристов и медиков [1]. Рассмотрим примеры реализации видеоблогерами информационной коммуникативной стратегии с помощью фразовых глаголов: 1. *I hope that I'm, you know,* ***getting*** *my point* ***across*** *here because with my ADHD my brain is working really fast (Акейша Керси).* 2. *I have* ***put up*** *my mirror which, I have to say, I am already very impressed with* (Зоуи Сагг). 3. *Favoutite alchoholic beverage? It depends on what I am feeling. You know, if I am trying to lay low* (очевидно, имеется в виду *to lie low*) (Прим. наше. – И.М.), *just* ***chill out****, maybe get a little sleepy, then like red wine is really nice* (Бетани Мота).

В первом примере Акейша Керси использует фразовый глагол *to get across*, объясняя своей аудитории, что страдает недугом – синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Во втором примере Зоуи Сагг сообщает зрителям фактуальную информацию бытового характера (она повесила у себя дома зеркало, которое ей очень нравится). Изучив способы реализации информационной коммуникативной стратегии, используемой журналистами в блогах, А.А. Попов приходит к выводу, что «в чистом виде информационная коммуникативная стратегия в журналистских блогах встречается редко, как правило, ее записи дополняются другими стратегиями» [17, с. 163]. Мы солидарны с А.А. Поповым. Как мы видим из второго примера, Зоуи совмещает информационную стратегию с эмотивной. В третьем примере Бетани Мота использует эмоционально-экспрессивный фразовый глагол *to chill out*, когда делится информацией личного характера (о предпочтениях в алкогольных напитках).

Коммуникативная стратегия сближения с адресатом. Как показал анализ, проведенный Т.П. Понятиной, «стратегия сближения находит свое воплощение прежде всего в адресованности текста» [16, с. 235]. У. Баоянь использует для наименования данной стратегии термин «Мы-стратегия», отмечая, что «Мы-стратегия» используется для расширения круга коммуникантов, создания и поддержания дружелюбного сообщества [2]. Д.А. Шляховой, наряду с данным термином, использует альтернативный термин «стратегия интеграции». Он отмечает, что средством реализации стратегии интеграции можно считать обращенность текстов пользователя ко всему сообществу своей социальной группы [19].

В проанализированных нами фрагментах видеоблогов можно выделить коммуникативную стратегию сближения, вербализуемую блогерами, в частности, с помощью лексем-обращений. Рассмотрим примеры. 1. *How's it going* ***bros****, my name is Pewdiepie* (Феликс Чельберг). 2. *I've never talked about that, I mean I also haven't really talked to you,* ***guys****...* (Бетани Мота). 3. *Am I right,* ***gamers?*** (Феликс Чельберг).

Мы видим, что Феликс Чельберг при обращении к своей аудитории использует лексему *bros* (форма множественного числа лексемы *bro*). Лексема *bro* восходит к особому подъязыку афроамериканцев – так называемому эбониксу – и является искаженным словом *brother;* ср.: «Bro (brotha) – сокращение от brother (брат). Эбоникс. Очень популярное обращение негров мужского пола друг к другу» [14, с. 159]. В афроамериканском дискурсе лексема *bro* (*brotha, brother*) традиционно имеет высшую положительную оценочность (наряду с лексемой *sister*, предназначенной в афроамериканской коммуникации для обращения к лицам женского пола) и служит основным языковым средством обозначения «своих», входящих в общее поле «Мы»; см. об этом подробнее ([4; 8, с. 411–414]). Мы видим из второго примера, что Бетани Мота обращается к своим зрителям со словом *guys*. В третьем примере Феликс Чельберг использует предложение с обращением *gamers*, т. к. часть его аудитории – любители компьютерных игр и стиля видеоблогинга «летсплей». Другим прототипам коммуникативного лингвокультурного типажа «блогер» также свойственно использование особых обращений к аудитории.

Например, Шон МакЛоглин использует обращения *buddy*, *dude*. Практически все блогеры применяют и прямое обращение к зрителям – *you*.

Тактика использования современными прототипами лингвокультурного типажа «видеоблогер» сленговых слов может также способствовать сближению «хозяина блога» с его аудиторией. Рассмотрим примеры использования видеоблогерами сленга при реализации стратегии сближения. Приведем примеры. 1. *The first thing I* ***'m gonna*** *do is tie my hair back* (Зоуи Сагг). 2. *Who* ***are*** *we* ***gonna*** *guess first?* (Феликс Чельберг). 3. *Don't look at my* ***butt****»* (Акейша Керси). 4. *That's* ***really cool*** (Акейша Керси). 5. *I'm seriously* ***gosh dammit*** *idiot…* (Феликс Чельберг). 6. *Sometimes having burrito bowls really freaks me out because evrything kind of looks like bugs or something really* ***sus*** *sometimes...* (Бетани).

Мы видим, что использование сокращений от глагольной формы *going to* в приведенных выше первых двух примерах позволяет видеоблогерам обозначить свою принадлежность к социальной группе молодежи. Отметим также, что сленговые сокращения *gonna* и *wanna* позволяют ускорить темп речи видеоблогера и придать ей беглость. Это важно для сокращения хронометража видеоролика и оптимизации отведенного времени. В третьем примере сленговое существительное *butt* используется для подчеркивания обращенности текстов Акейши ко всему сообществу своей, очевидно, преимущественно молодежной социальной группы, интеграции видеоблогера со своей коммуникативно-раскрепощенной аудиторией, для которой использование подобных сленговых существительных – норма. Сленговые междометия в четвертом и пятом примерах выполняют экспрессивную и эмотивную функции, позволяя блогерам наиболее ярко передать свое отношение к ситуации зрителю «сквозь объектив». Коммуникативная цель использования данных междометий также состоит в сближении с аудиторией, создании эффекта участия в реальном диалоге со своими подписчиками и другими зрителями. В шестом примере при описании еды (буррито) Бетани использует сленговое прилагательное *sus*, которое в современном британском варианте английского языка имеет значение "suspicious" (sus – slang, adjective Also: suss – suspicious [21]). Бетани реализует здесь сразу две коммуникативные стратегии – коммуникативную стратегию сближения с адресатом и информационную коммуникативную стратегию.

Таким образом, использование сленга позволяет блогеру быть «на одной волне» со своей аудиторией, если большую ее часть составляет молодежь. Вербализация с помощью сленга стратегии сближения с аудиторией позволяет зрителям расслабиться, а видеоблогеру разрядить обстановку и расположить аудиторию к себе.

Коммуникативная стратегия сближения с адресатом может реализовываться и с помощью коммуникативной тактики вопроса к самому себе и ответа на него: 1. *Did I get it on Amazon? I must have done* (Зоуи Сагг). 2. *Oh no! I don't have an idea for video, what do I do? I do whatever youtuber do when they don't have an idea for a video* (Феликс Чельберг). Как видно из примера, Зоуи использует данный прием для того, чтобы показать, что она – обычный человек, такой же, как и ее зрители, человек, который может что-то забыть. Данная тактика помогает Зоуи оставаться на одном уровне со своей аудиторией, общаться с аудиторией «на ее языке». Другие блогеры также используют данный прием при реализации коммуникативной тактики сближения (см. второй пример), поэтому мы можем говорить, что тактика вопроса к самому себе является общим признаком лингвокультурного типажа «видеоблогер».

Анализ заявленного видеоматериала исследования показал, что блогеры часто реализуют стратегию сближения с адресатом с помощью коммуникативной тактики юмора. Рассмотрим примеры: 1. *…and we ended up with Cali, which was technically none of the top four contenders.* ***(I've said contenders a lot, sounds like I'm just thinking about chicken tenders now.)*** *To let you guys in on a little secret, Cali's name…* (Акейша Керси). 2. *First thing we're decorating the fireplace. Right now it's pretty plain* ***AKA*** *there is absolutely nothing on it* (Бетани Мота). 3. *It just smells like everything's going right in life* (Бетани Мота).

4. *Everyone knows introverts can't talk, they cannot communicate* (Феликс Чельберг). 5. *I've got a spot right on the end of my nose... **That's nice*** (Зоуи Сагг).

Мы видим из первого примера, что Акейша с юмористической интенцией использует вставную конструкцию, в которой комментирует слишком частое употребление ею слова *contender*, отмечая сходство по звуковой форме слов *contender* (участник соревнования) и *chicken tender* (куриные наггетсы), что переключает аудиторию с серьезной на юмористическую тональность общения, создавая комический эффект. Во втором примере комический эффект достигается за счет использования в устной речи буквенного сокращения AKA (*also known as*), обычно более характерного для письменной речи или печатного текста. В речи видеоблогеров достаточно часто фигурируют термины, характерные для интернет-сообщества, например, буквенные сокращения *LOL (laugh out loud), JK* (*just kidding*) и др. Аббревиатуры используются в шуточных и ироничных высказываниях для реализации коммуникативной стратегии сближения с аудиторией и эмотивной коммуникативной стратегии. В четвертом примере видеоблогер прибегает к комическому абсурду, утверждая, что интроверты не умеют разговаривать и общаться. В пятом примере Зоуи Сагг, используя прием самоиронии, сообщает аудитории, что ее радует факт появления прыщика на носу.

Помимо упомянутых выше языковых средств реализации стратегии сближения, блогеры активно используют в своей речи лексемы-филлеры, позволяющие заполнить паузы в речи. Еще одним средством сближения с аудиторией является многочисленное использование междометий: 1. *We're at a slightly different angle today because I've **kind of** cleared here a little bit* (Зоуи Сагг). 2. ***Um**, it's always fun to toss around the ideas. I love chatting with my pregnant friends who are thinking ideas, **um**, and I have this list that I usually sent friends who are on the hunt for good names…* (Акейша Керси).

Использование лексем-филлеров и междометий создает у зрителя впечатление непосредственного диалога с блогером.

Проанализировав фрагменты видеоблогов нескольких представителей различных направлений видеоблогинга, мы выявили основные коммуникативные стратегии данного лингвокультурного типажа и языковые средства, используемые для реализации этих стратегий в англоязычном видеоблогинге как виде медиадискурса, и пришли к следующим выводам.

1. С позиций методологии лингвокультурный типаж «блогер» может быть отнесен к группе коммуникативных лингвокультурных типажей, при рассмотрении которых акцентируются особенности коммуникативного поведения лингвокультурного типажа как наиболее значимые именно для данного типажа.

2. Речь блогеров в процессе общения с аудиторией в целом имеет разговорный характер и характеризуется использованием нейтральной и разговорной лексики, а также терминов, характерных для коммуникации в интернет-сообществе.

3. Основная коммуникативная задача лингвокультурного типажа «видеоблогер» – максимально воссоздать эффект реальной коммуникации. Это достигается за счет использования лингвокультурным типажом «видеоблогер» следующих стратегий онлайн-коммуникации: 1) коммуникативная стратегия самопрезентации; 2) информационная коммуникативная стратегия; 3) коммуникативная стратегия сближения с адресатом. Коммуникативная стратегия самопрезентации может реализовываться лингвокультурным типажом «видеоблогер» за счет использования определенного «коронного» приветствия и/или прощания с аудиторией в каждом видеоролике, а также с помощью лингвокреативности (создания видеоблогерами необычных псевдонимов). Информационная коммуникативная стратегия может быть реализована лингвокультурным типажом «видеоблогер» с помощью нейтральной и разговорной лексики, включающей фразовые глаголы, сленг и сленговые сокращения, реже – с помощью формальной лексики, используемой видеоблогерами одновременно и для демонстрации своей компетентности.

Коммуникативная стратегия сближения видеоблогера с адресатом характеризуется прямой направленностью на зрителя, созданием эффекта живого диалога с ним и может актуализироваться в речи видеоблогера с помощью лексем-обращений, сленговых языковых единиц, коммуникативной тактики вопроса к самому себе и ответа на него, коммуникативной тактики юмора (за счет использования иронии и самоиронии), а также с помощью лексем-филлеров и междометий.

Список литературы

1. Банатова Н.В. Особенности функционирования фразовых глаголов в англоязычных экономических текстах [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2018. № 18-1(54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-frazovyh-glagolov-v-angloyazychnyh-ekonomicheskih-tekstah (дата обращения: 05.11.2023).

2. Баоянь У. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии: на материале Интернет-дневников: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

3. Боровенков А.Е. Видеоблогинг: сетевые коммуникации и коммуникативные позиции [Электронный ресурс] // Человек. Культура. Образование. 2016. № 1(19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/videobloging-setevye-kommunikatsii-i-kommunikativnye-pozitsii (дата обращения: 04.11.2023).

4. Буланов П. Г. Аксиологическая парадигма лингвокультурных типажей в оппозиции «свои/чужие» в афроамериканском дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2011.

5. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. Волгоград, 2007.

6. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М., 2008.

7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.

8. Калинина Л.В. Семантика и функционирование лексемы *бро* в интернет-коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 411–414.

9. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 62. № 8. С. 109–115.

10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

11. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. научных трудов. Волгоград, 2005. С. 5–25.

12. Качанова А.А. Особенности употребления фразовых глаголов в художественной литературе [Электронный ресурс] // Вестник науки. 2022. № 1(46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upotrebleniya-frazovyh-glagolov-v-hudozhestvennoy-literature (дата обращения: 05.11.2023).

13. Лущиков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 14. С. 57–75.

14. Московцев Н., Шевченко С. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. СПб., 2008.

15. Мурзинова И.А. О соотношении понятий «лингвокультурный типаж и «коммуникативный типаж» // Российская наука в современном мире: сб. статей XXX международной научно-практической конференции, Ч. II. М., 2020. С. 88–92.

16. Понятина Т.П. Коммуникативная стратегия сближения с адресатом художественного текста // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 1(2). С. 235–237.

17. Попов А.А. Характеристика коммуникативных стратегий, реализуемых в блогах журналистов [Электронный ресурс] // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания.

2013. № 6(149). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-kommunikativnyh-strategiy-realizuemyh-v-blogah-zhurnalistov (дата обращения: 05.11.2023).

18. Рокунова Н.И. Особенности фразовых глаголов современного английского языка и их использование в языке профессионального общения [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2(74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazovyh-glagolov-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-i-ih-ispolzovanie-v-yazyke-professionalnogo-obscheniya (дата обращения: 05.11.2023).

19. Шляховой Д.А. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы) [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-sposoby-vyrazheniya-yazykovoy-lichnosti-blogera-na-materiale-nemetskoy-voennoy-blogosfery (дата обращения: 04.11.2023).

20. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus [Electronic resource] // Cambridge Dictionaries Online. URL: http://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 03.11.2023).

21. Collins English Dictionary Online. [Electronic resource]. URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (дата обращения: 03.11.2023).

22. Finniss David. What is a “Let's Play?” [Electronic resource] // Yahoo Voices. Yahoo News Network. URL: https://web.archive.org/web/20140729024203/http://voices.yahoo.com/what-lets-play-4901264.html (дата обращения: 04.11.2023).

23. Jacksepticeye. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Jacksepticeye (дата обращения: 01.11.2023).

24. Zoella. [Electronic resource]. URL: https://nameberry.com/babyname/zoella (дата обращения: 03.11.2023).

* * *

1. Banatova N.V. Osobennosti funkcionirovaniya frazovyh glagolov v angloyazychnyh ekonomicheskih tekstah [Elektronnyj resurs] // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2018. № 18-1(54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-frazovyh-glagolov-v-angloyazychnyh-ekonomicheskih-tekstah (data obrashcheniya: 05.11.2023).

2. Baoyan' U. Kommunikativnye strategii i taktiki i yazykovye sredstva ih realizacii v russkoyazychnoj neformal'noj mezhlichnostnoj diskussii: na materiale Internet-dnevnikov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.

3. Borovenkov A.E. Videobloging: setevye kommunikacii i kommunikativnye pozicii [Elektronnyj resurs] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2016. № 1(19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/videobloging-setevye-kommunikatsii-i-kommunikativnye-pozitsii (data obrashcheniya: 04.11.2023).

4. Bulanov P. G. Aksiologicheskaya paradigma lingvokul'turnyh tipazhej v oppozicii «svoi/chuzhie» v afroamerikanskom diskurse: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Samara, 2011.

5. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX v. Volgograd, 2007.

6. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetanij. M., 2008.

7. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M., 2006.

8. Kalinina L.V. Semantika i funkcionirovanie leksemy bro v internet-kommunikacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2(2). S. 411–414.

9. Karasik V.I. Yazykovaya lichnost' kak predmet izucheniya antropologicheskoj lingvistiki // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. T. 62. № 8. S. 109–115.

10. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.

11. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: Sb. nauchnyh trudov. Volgograd, 2005. S. 5–25.

12. Kachanova A.A. Osobennosti upotrebleniya frazovyh glagolov v hudozhestvennoj literature [Elektronnyj resurs] // Vestnik nauki. 2022. № 1(46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upotrebleniya-frazovyh-glagolov-v-hudozhestvennoy-literature (data obrashcheniya: 05.11.2023).

13. Lushchikov V.A., Terskih M.V. Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2018. T. 4. № 14. S. 57–75.

14. Moskovcev N., Shevchenko S. Vashu mat', ser! Illyustrirovannyj putevoditel' po amerikanskomu slengu. SPb., 2008.

15. Murzinova I.A. O sootnoshenii ponyatij «lingvokul'turnyj tipazh i «kommunikativnyj tipazh» // Rossijskaya nauka v sovremennom mire: sb. statej XXX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ch. II. M., 2020. S. 88–92.

16. Ponyatina T.P. Kommunikativnaya strategiya sblizheniya s adresatom hudozhestvennogo teksta // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 2013. № 1(2). S. 235–237.

17. Popov A.A. Harakteristika kommunikativnyh strategij, realizuemyh v blogah zhurnalistov [Elektronnyj resurs] // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2013. № 6(149). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-kommunikativnyh-strategiy-realizuemyh-v-blogah-zhurnalistov (data obrashcheniya: 05.11.2023).

18. Rokunova N.I. Osobennosti frazovyh glagolov sovremennogo anglijskogo yazyka i ih ispol'zovanie v yazyke professional'nogo obshcheniya [Elektronnyj resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 8-2(74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazovyh-glagolov-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-i-ih-ispolzovanie-v-yazyke-professionalnogo-obscheniya (data obrashcheniya: 05.11.2023).

19. Shlyahovoj D.A. Kommunikativnye strategii i sposoby vyrazheniya yazykovoj lichnosti blogera (na materiale nemeckoj voennoj blogosfery) [Elektronnyj resurs] // Filologiya i chelovek. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-sposoby-vyrazheniya-yazykovoy-lichnosti-blogera-na-materiale-nemetskoy-voennoy-blogosfery (data obrashcheniya: 04.11.2023).

The linguistic means of the implementation of the strategies of the online-communication by the linguocultural character type “vlogger” in the English media discourse

The article deals with the study of the linguistic representation of the linguocultural character type “vlogger” in the modern English language media discourse in the genre of the video blog. The linguocultural character type “vlogger” is considered through the lens of its online communication in the Internet community. There are revealed the fundamental communicative strategies, used by this character type, and the linguistic means of their implementation in the English media discourse.

Key words: *linguocultural character type, media discourse, Internet communication, vlogger, communicative strategies, linguistic means.*

(Статья поступила в редакцию 06.11.2023)

Т.Р. ПИСАРСКАЯ
Н.Е. ЯКИМЕНКО
Санкт-Петербург

О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ *СПАНГЛИШ*

Анализируется понятие «спанглиш». Смешанные языки – это явление нашего времени, когда в результате переселения больших групп людей быстро формируются промежуточные языковые структуры, которые обладают чертами двух смежных систем, например, спанглиш обладает чертами английского и испанского языков. Такие «смешанные языки» представляют трудности прежде всего для переводчиков. Задача лингвистов-филологов состоит в том, чтобы описать характеристики этих систем и спрогнозировать особенности их развития. В поле зрения лингвистов в качестве основных черт спанглиш попадают такие явления, как лексические неологизмы, семантическое расширение лексического значения, вытеснение и ассимиляция фонетических систем.

Ключевые слова: *спанглиш, семантическое расширение, переназначение, перевод, неологизм, упрощение.*

Сегодня достаточно часто стали употреблять такие слова, как *spanglish, portuñol, franglais, taglish, hinglish, русинглиш* и т. п. В нашей статье мы ставим задачу выяснить статус спанглиш. Можно ли назвать его языком? Диалект ли это?

В конце 19 – начале 20 в. спанглиш (*spanglish*) становится массовым явлением. В настоящее время он употребителен как на улицах, так и на уроках в школе и на занятиях в вузах; как в речи журналистов в СМИ, так и в других областях общественной жизни. Спанглиш используют политики, его можно услышать в интернете, на телевидении и на радио… Сегодня приток английских слов, выражений, синтаксических конструкций в различные языки мира можно назвать настоящей проблемой. Англицизмы мы постоянно слышим и видим (на вывесках и афишах). Они как бы навязываются нам. Поэтому неудивительно, что появляются вышеуказанные смешанные языки, а спанглиш занимает особое место из-за его растущей популярности.

«Спанглиш (spanglish, espanglish, espaninglish, el Spanish broken, ingléspañol, ingleñol, espan'glés, espanolo, также "jerga fronteriza" приграничный жаргон) – это собирательное название для смешанных языков, которые объединяют в себе черты английского и испанского языков в самых разнообразных комбинациях в зависимости от местности, индивидуальных особенностей говорящих и т. п.» [3].

Вероятно, спанглиш как явление не случайно появляется и начинает успешно развиваться в испанистике. Сегодня в Соединенных Штатах мы можем наблюдать огромный приток беженцев и мигрантов из различных стран Латинской Америки. Многие из них совсем не знают английского языка. Они часто учат английский не на курсах, а на улице, среди таких же выходцев из Латинской Америки, чьи познания английского оставляют желать лучшего. В результате они говорят на некой смеси двух языков. Феномен спанглиш важен для более глубокого понимания языковой ситуации на территории Соединенных Штатов, потому что он характеризует речь всех испанских диаспор.

Сам термин *spanglish* (спанглиш) был предложен Сальвадором Тио (1911–1989 гг.), филологом из Пуэрто-Рико, президентом Пуэрториканской Академии испанского языка, которого беспокоило то обстоятельство, что данный феномен может привести к ухудшению статуса испанского языка и превратить его во что-то похожее на креольский диалект на Ямайке.

© Писарская Т.Р., Якименко Н.Е., 2023

В настоящее время нет единого мнения по определению данного феномена: подъязык, диалект или смесь испанских и английских слов? Известный мексиканский академик, проживающий в настоящее время в Соединенных Штатах Америки, доктор испанской филологии, который основал кафедру по изучению спанглиш, Илан Стеванс считает, что спанглиш – это метаязык, то, что мы называем языком-посредником. Согласно мнению Илана Стеванса, он служит цели установления взаимопонимания среди тех, кто на нем говорит [8].

Спанглиш входит в употребление в 19–20 вв., когда происходит, как уже было сказано, процесс массового переселения жителей Латинской Америки в приграничные штаты, такие как Нью-Мексико, Калифорния, Техас. Это наводит нас на мысль, что корни спанглиш надо искать среди креолов и метисов, которые стали использовать испанский язык. Именно они быстро становятся двуязычными, именно эти латиноамериканцы начинают говорить на английском языке, впитывая также и культуру США. В современном мире главными носителями спанглиш становятся американцы латиноамериканского происхождения, т. е. мигранты, поселившиеся и осевшие в Соединенных Штатах Америки. Их язык, который так и не стал английским, смешался с их родным языком, в результате получилось то, что мы называем *Spanglish*. И если первоначально спанглиш был языком только улицы, то теперь он находит отражение не только в разговорном языке, но и в таких общественных сферах, как пресса, кинематограф и т. п.

Вот лишь один из примеров спанглиш: “In un plácete de la Mancha of which nombre no quiero remembrearme, vivía, not so long, uno de esos gentlemen who always tienen una lanza in the rack, una buckler antigua, a skinny caballo y un grayhound para el chase...” [7]. – «На одном из плоскогорий Ла Манчи, название которого я не хотел бы вспоминать, жил-был, не так долго, один из тех джентльменов, у которого всегда было копье на боку, старый щит, кляча доходяга и борзая для охоты…». (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*). Это пример того, как Илан Стеванс попытался передать содержание отрывка из романа «Дон Кихот» М. Сервантеса на спанглиш с испанского языка.

Довольно часто в испанском языке Америки можно встретить калькирование английских фраз и выражений. Например: “***llamar para atrás***” <англ. *call back* – досл. «позвонить назад» (*перезвонить*)> вместо правильного испанского **devolver la llamada** – букв. «вернуть звонок»; “***te veo***” <англ. *see you (soon)* – досл. «увижу тебя» (*до свидания*)> вместо правильного испанского **hasta pronto** или **hasta la vista –** досл. «до скорого»; “***no hace sentido***” <англ. *it does not make sense* – досл. «это не делает смысла» (*глупость*)> вместо правильного испанского **no tiene sentido** «не имеет смысла» [1, с. 246].

Как мы видим, эти два языка (испанский и английский) так сильно смешались в Соединенных Штатах, что в результате родился новый, гибридный язык, который все больше и больше входит в употребление как в устной, так и в письменной речи.

Спанглиш употребляется во многих районах США, особенно часто в крупных американских городах. Укажем, что названия самих этих городов имеют испанские корни: *Los Angeles, San Francisco, Las Vegas, San Antonio* и др.

У спанглиш есть одна важная черта – динамика развития. Спанглиш постоянно меняется. У каждого поколения и у каждой местности есть «свой» спанглиш. Так, например, сегодня мы можем увидеть сразу несколько вариаций спанглиш: кубинская, доминиканская, пуэрториканская, чикагская вариации. Н.С. Безуевская справедливо замечает, что «спанглиш является неофициальным языком и не имеет документированной структуры и правил» [1, с. 246].

Укажем далее еще на важный момент: до настоящего времени в Соединенных Штатах отсутствовала качественная система образования на испанском языке для выходцев из Латинской Америки. По этой причине среди них возникали проблемы сохранения своего родного языка (испанского) в англоязычном мире.

У спанглиш, согласно Н.С. Безуевской, есть несколько вариантов:

1) Попеременное одновременное употребление компонентов как английского, так и испанского языков в одном и том же предложении.

Приведем пример: “I’m sorry I cannot attend next week’s meeting porque tengo una obligación de negociosen Boston, pero espero que I’ll be back for the meeting the week after”. В английской версии это предложение звучит следующим образом: “I’m sorry I cannot attend next week’s meeting because I have a business obligation in Boston, but I hope to be back for the meeting the week after”. – «Извините, я не могу присутствовать на собрании на следующей неделе, потому что у меня есть деловое обязательство в Бостоне, но я надеюсь вернуться на собрание через неделю» [1, с. 249].

2) Калькированный перевод фраз и выражений английского языка.

Например: *hacer click* (досл. *to click – щелкать*); *mandar un e-mail* (досл. to send an e-mail – отправлять электронные письма); *faxear* (досл. *to fax* – посылать по факсу); *textear* (досл. *to text message* – написать/отправить смс) [Там же].

3) Изобретение неологизмов.

Это слова, которые невозможно встретить как ни в одном словаре английского языка, так и ни в одном испанском словаре. Приведем примеры: *Wachale!* вместо *Watch out!* (англ. *Осторожно!*) или *rufo* вместо *roof* (англ. *крыша*). В основе новоизобретенной лексики лежат английские слова, произносимые «а ля испаньол» (на «испанский манер, т. е. отбрасываются финальные согласные, заменяются некоторые сонанты (например, M, N, V на B) или добавляются окончания существительных мужского (-o) и женского родов (-a). Например, *Aseguranza* (англ. *insurance* – страховка); *biles* (англ. *bills* – счета)» [Там же].

4) Семантическое расширение или переназначение.

«Семантическое расширение или переназначение – это явление, когда говорящий употребляет слово языка A (в данном случае – это испанский) со смыслом слова в родственном языке B (обычно – это английский). Например, англ. *exit* > спангл. *éxito* “выход” вместо исп. “успех”; англ. grocery > спангл. grosería «бакалея» вместо исп. “грубость”» [Там же].

По сравнению с другими языками выходцев из Латинской Америки спанглиш не пропадает, наоборот, он все ярче эволюционирует, адаптируясь к постоянно меняющимся конкретным обстоятельствам, приобретая тем самым широкую популярность. При этом непонятно, для какого языка больше (испанского или английского) он представляет серьезную опасность. В испанской газете «El País» от 22.09.2005 г. было написано: «*Spanglish* представляет собой угрозу не столько для испанского языка, а сколько для английского» (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

В спанглиш много того, что заслуживает внимания лингвистов. Является ли он диалектом? Будет ли полновесным и обладающим большой степенью независимости языком с собственным синтаксисом? На эти вопросы у специалистов пока нет однозначных ответов [10].

Усилия современных ученых направлены сегодня на наблюдение и описание происходящих в спанглиш процессов. Мы согласны с выводами директора Института им. Сервантеса в Чикаго Франсиско Морено Фернандеса, полагающего, что «вместо жарких споров о “спанглише”, его следует серьезно изучать» [7] (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*). Ученый полагает, что «в условиях, когда внедрение испанского языка в общественную жизнь США усиливается, а его престиж повышается, взаимообмен и взаимодействие испанского и английского языков неизбежны: Spanglish будет существовать столько, сколько будет продолжаться совместное существование этих двух языков. Однако это не означает, что испанский превратится в другой язык (через тысячу лет может произойти все что угодно) и что английский исчезнет с территории США» [Там же] (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

Спанглиш изучается в настоящее время теоретиками. Профессор Калифорнийского университета Кармен Сильва-Корвалан отмечает ряд особенностей спанглиш (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*):

1. Гипергенерализация (сверхобобщение языковых форм), что проявляется в забвении исключений из основного правила. Пример: все существительные, оканчивающиеся на -а, приобретают женский род: ***la problema, la sistema, la idioma***; меняются и некоторые глагольные формы: ***tene*** вместо *tiene*, ***move*** вместо *mueve*, ***pudió*** вместо *pudo*.

2. Трансференция (перенос значения), когда употребляются слова общей этимологии в испанском языке в нужном значении. Т. е. во фразе *servicio de registración de autos* (служба регистрации автомобилей) используется слово *registración*, употребляемое вместо *matriculación*, по аналогии с английским словом *registration*. В другой же фразе *asiguranzas $29 almes* (страховка $29 в месяц) слово *asiguranzas* используется вместо *seguros* по аналогии с английским *assurances.*

3. Симплификация (упрощение), т. е. отступление от правил согласования времен испанского языка. Например, в предложении *Estamos como fifteen years aquí* (вместо *Hemos estado como quince años aquí.* – Мы здесь уже около пятнадцати лет.) Presente de Indicativo употребляется вместо Pretérito Perfecto Compuesto de Indicativo, а в предложении *Se comunicó con el police department a ver si tenían uno que estaba interesado en ser teacher* (вместо *Se comunicó con la comisaría de policía a ver si tenían uno que estuviera interesado en ser maestro.* – Он связался с отделением полиции, чтобы узнать, нет ли у них кого-нибудь, кто бы заинтересовался тем, чтобы быть учителем.) Pretérito Imperfecto de Indicativo употребляется вместо Pretérito Imperfecto de Subjuntivo.

4. Смена кода, когда смешиваются языки, а также изменяется порядок слов в испанском языке. Например: *You got a mancha on your camisa* (вместо *Tienes una mancha en tu camisa.* – У тебя пятно на рубашке.). А: *income tax service abierto todo el año* вместо *servicio del impuesto sobre la renta abierto todo el año* (Служба подоходного налога открыта весь год), *número uno market* вместо *mercado número uno* (рынок номер один) [9] (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

Спанглиш существенно меняется в зависимости от штата и города, потому что сам испанский разговорный язык в Латинской Америке имеет значительные отличия. В связи с этим мигранты, приезжающие в США, привносят эти особенности в спанглиш. Например, в Сан-Антонио используется слово ***washatería*** (от *to wash*), а в Нью-Йорке обращаются к испанской транскрипции слова ***londri*** (от *laundry*) вместо испанского *lavandería* (прачечная) [6].

На протяжении последних лет испанский язык в Соединенных Штатах начинает исполнять роль второго языка. В США уже стало престижным отлично владеть не только английским языком, но и испанским. Спанглиш уже выходит на арену в качестве третьего языка после английского и испанского. К чему приведут подобные процессы, сказать пока очень трудно. Так, Королевская академия испанского языка (Real academia española) постоянно ведет борьбу за чистоту испанского языка от иностранных заимствований, но даже Академии трудно противодействовать непрерывно нарастающему проникновению англицизмов. Несомненно, что большую роль здесь играют средства массовой информации, интернет и, конечно же, мобильная связь. Особенно интенсивное воздействие английского языка встречается в Мексике из-за ее территориальной близости к Соединенным Штатам.

Известный отечественный ученый В.С. Виноградов пишет, что вторжение англицизмов в испанскую речь «остается актуальной лингвистической проблемой, которая в последнее время приобретает политический характер» [2, с. 12]. Примером может послужить главная страница газеты “USA today” от 9 мая 2001 г. под заголовком “If you don’t speak Spanish, you might be left behind” («Если вы не говорите по-испански, вы можете остаться позади») [5]. (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

Молодежь в испаноязычных странах в наше время уже не может представить себя без «аудиовизуальной культуры» – это интернет, телевидение, кинематограф, которые как раз и являются источником современных англицизмов. Мы делаем вывод, что спанглиш все глубже и интенсивнее проникает в испанский язык.

В современной разговорной речи латиноамериканцев нередко слышатся нижеуказанные восклицания, заимствованные из английского. Это, например, *Oops!* (выражение удивления или испуга) вместо испанского междометия *¡Uy!*. Хосе Кастро Роиг, испанский переводчик, остроумно замечает, что «скоро петухи в испаноговорящих странах начнут кричать *Cock-adoodledo!* вместо испанского *¡Quiquiriquí!*, а собаки лаять *Woof!* вместо *¡Guau!*» [5] (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

Сегодня в области американского шоу-бизнеса ощущается значительная потребность в популярных мотивах латиноамериканских стран, благодаря чему возрастает не только общеизвестность испанского языка, но также и известность спанглиш.

За последние годы в Соединенных Штатах вышли в свет такие популярные словари, как Spanglish-English и Spanglish-Español. Происходящее, конечно же, совсем не радует Академию испанского языка США. Обилие таких словарей и разнообразных курсов по спанглиш в интернете диссонирует с основной целью Академии защищать язык.

Если говорить о современном этапе развития, то, вероятно, сейчас невозможно предсказать будущее спанглиш. То, что мы сейчас наблюдаем, говорит нам только о том, что количество носителей спанглиш стремительно растет.

Уместно процитировать оптимистичное заявление Илана Стеванса о спанглиш: “En 200 o 300 años la gente probablemente se comunicará en un idioma que no será ni el español ni el ingleses de la actualidad, sino una mezcla de los dos” [8]. – «Через 200 или 300 лет люди будут общаться между собой ни на английском, ни на испанском языках, а на смеси этих двух языков» (Перевод наш. – *Т.П., Н.Я.*).

Список литературы

1. Безуевская Н.С. Влияние испанского языка на современный английский язык в США // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. XXVII Международная научно-практическая конференция. 23–24 июня 2017 года: сб. научных статей / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб., 2017. С. 246–252.

2. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М., 1994.

3. Спанглиш. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Спанглиш (дата обращения: 09.11.2018).

4. Betanzos Palacios O. El español en Estados Unidos: problemas y logros. II Congreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.cervantes.es/congresosdelalengua.es/default.htm (дата обращения: 11.12.2019).

5. Castro Roig X. El ciberespanglish, el español comercial y el español neutro en la Red. Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. Nueva York, 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.spansig-apuntes.org (дата обращения: 12.12.2019).

6. Grijelmo A. Defensa apasionada del idioma español. Madrid, 2001.

7. Moreno Fernández F. Espanglish: la casa de cien puertas. CVC, Madrid, 2004. [Electronic resource]. URL http://www.cervantes.es/v_cile/ (дата обращения: 09.11.2018).

8. Silva-Corvalán C. Aspectos lingüísticos del español en Los Angeles. II Cogreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.cervantes.es/congresosdelalengua.es/default.htm (дата обращения: 01.10.2021).

9. Stavans Ilan. Spanglish: The Making of a New American Language. New York, 2003.

10. Valenzuela J. El vigor del «spanglish». El País, Madrid, 2003.

* * *

1. Bezuevskaya N.S. Vliyanie ispanskogo yazyka na sovremennyj anglijskij yazyk v SShA // Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannyh i russkogo yazykov. XXVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 23–24 iyunya 2017 goda: sb. nauchnyh statej / pod obshch. red. M.V. Pimenovoj. SPb., 2017. S. 246–252.

2. Vinogradov V.S. Leksikologiya ispanskogo yazyka. M., 1994.

3. Spanglish. [Elektronnyj resurs]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Spanglish (data obrashcheniya: 09.11.2018).

Considering the issue of the language status "spanglish"

The article deals with the analysis of the concept "spanglish". The mixed languages are the phenomenon of our times, when in the result of the migration of the large groups of people the intermediate language structures are quickly formed that have the traits of two related systems, for example, spanglish has the traits of the English and Spanish languages. These "mixed languages" offer the difficulties first of all for the translators. The task of the linguists-philologists is to describe the characteristics of these systems and to predict the peculiarities of their development. The following phenomena, as the basic features of spanglish, come in the view of the linguists: lexical neologisms, semantic extension of lexical meaning, displacement and assimilation of phonetic systems.

Key words: *spanglish, semantic extension, renomination, translation, neologism, simplification.*

(Статья поступила в редакцию 05.10.2023)

В.И. ТЕРКУЛОВ
Донецк

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АСТИОНИМОВ ДОНЕЦКОГО ДОНБАССА

Дается характеристика астионимного пространства донецкого Донбасса, включающая описание истории его создания, определение моделей формирования городов, установление происхождения названий и способов их образования, распределение астионимов по этиологическим тематическим группам, описание особенностей переименований населенных пунктов.

Ключевые слова: *астионим, Донбасс, этиологические тематические группы, способы образования астионимов.*

Объектом рассмотрения в предлагаемой статье являются астионимы той части Донбасса, которая находится в Донецкой Народной Республике. Следует опровергнуть два распространенных заблуждения. Во-первых, Донбасс – это территория не только нынешних Донецкой и Луганской Народных Республик, но и части Днепропетровской области Украины и Ростовской области России. Это территория бассейна реки Донец, на которой обнаружены залежи каменного угля (рис. на с. 63). Во-вторых, к Донбассу относится не вся Донецкая Народная Республика, но только ее центральная часть. Юг ДНР – в целом сельскохозяйственное Приазовье с центром в г. Мариуполе. Север, включающий Артемовск, Дружковку, Славянск, Красный Лиман и др., хоть и примыкает к Донбассу и также является промышленным регионом, но все-таки не имеет той регионообразующей особенности, которая отмечается у донбасских городов: на севере ДНР не производится добыча каменного угля. Исходя из этого, мы анализируем здесь названия только 27 городов ДНР, в которых осуществляется разработка угольных месторождений (далее – донецкий Донбасс).

Наше исследование подтвердило, по крайней мере по отношению к донецкому Донбассу, справедливость утверждения А.С. Щербак о том, что «региональный оним закрепляет и отражает территориальные отличия в ономастической системе (фонологические, словообразовательные, лексические)» [6, с. 14]. Благодаря этому «в региональной топонимике формируются особые связи, определяющие употребление данных онимов» [1, с. 258]. Эти связи отражают способность региональных топонимов «вступать в парадигматические отношения, одним из проявлений которых являются тематические группы» [2, с. 9].

Анализ названий городов донецкой части Донбасса показал, что в региональном астионимиконе может реализоваться принцип перемежающихся групп: астионимы донецкого Донбасса относятся не к одной тематической группе, а к нескольким, но эти группы взаимопроникают и взаимодополняют друг друга, формируя при этом цельное топонимное пространство. Это возможно, по крайней мере, в случае, когда создание городов осуществляется по сходным моделям в одну эпоху. Таковы астионимы донецкого Донбасса, в которых реализуются не только сходные этиологические модели, но и сходные модели образования наименований и переименований. Для обозначения та-

© Теркулов В.И., 2023

Рис. Донецкий угольный бассейн (Донбасс)

кой астионимной цельности региона мы используем рабочий термин «астионимное пространство». С целью показа доминантных черт астионимного пространства донецкого Донбасса в ряде случаев его описание осуществляется в сравнении с астионимным пространством Верхнего Поволжья, описанным нами в [5].

В отличие от Верхнего Поволжья, где процессы как создания населенных пунктов, так и получения ими статуса города растянулись на долгие века (с IX – *Ростов* – по XX – *Новочебоксарск* и *Волгореченск*), причем в ряде случаев создание и «урбанизация» совпали во времени (таковы, например, *Ростов* и *Углич*, сразу же определенные как города), населенные пункты Донбасса

а) создавались в течение всего лишь 4 веков таким образом: XVII – 1 (*Макеевка*), XVIII – 4 (*Авдеевка*, *Торез*, *Снежное*, Селидово), XIX – 8, XX – 14 (сравните Верхнее Поволжье, где только в одном XVI в. было создано 23 населенных пункта); как видим, наиболее активно населенные пункты формировались в период промышленного освоения Донбасса – в XIX и XX вв.;

б) получили статус города только в XX в.: первые – в 1917 г. (*Донецк-Юзовка* и *Макеевка*), последний – в 1968 г. (*Угледар*);

в) никогда не создавались сразу как города.

Все это принципиально отличает Донбасс не только от Верхнего Поволжья и других российских регионов, но и от севера Донетчины, где расположен ряд старых поселений, известных еще с XVI (Артемовск-Бахмут, основанный в 1571, город – с 1783), XVII (Славянск-Соляной Тор, основанный в 1676, город – с 1794) и др. веков, и от малоурбанизированного Приазовья, где представлено только три города: старинный по донецким меркам Мариуполь (основан в XVI в., город – с 1778) и относительно новые Волноваха (основан в XIX в., город – с 1938) и Новоазовск (основан в XIX в., город – с 1966). Принципиальное отличие проявляется и в истории формирования городов, и в деривационной структуре и этиологии названий, и во многом в истории переименований.

Очень важны модели формирования городов, поскольку выбор астионима часто связан именно с особенностями процесса преобразования населенного пункта негородского типа в город. Нами отмечаются две разновидности таких моделей: трансформационные, когда населенные пункты негородского типа расширяясь трансформируются в города, и компрессионнные, когда города возникают в результате объединения ряда близлежащих населенных пунктов. Нами отмечаются следующие модели трансформации и компрессии.

Трансформационные модели

Модель 1. **Поселок/село/хутор → промышленный объект → расширение поселка → город**. В этом случае исходный населенный пункт существовал еще до создания промышленного объекта. После возведения шахты, завода, станции поселение стало расти в связи с притоком мигрантов, что в конечном счете привело к трансформации населенного пункта в город. Например, село *Авдеевка* было основано в середине XVIII в. переселенцами из Курской, Воронежской и Полтавской губерний (название, предположительно, от имени первого поселенца – *Авдея*). В середине 1880-х гг. через Авдеевку прошла Екатерининская железная дорога, и здесь построили железнодорожную станцию. Благодаря этому население села стало расти: если в 1859 г. здесь проживало 2299 человек, то в 1908 жителей было уже 5479. Статус города Авдеевка получила, правда, только в 1956 г., когда в ней проживало уже около 20 000 человек. Обычно города, создававшиеся по данной модели, сохраняли свои исконные названия: *Селидово* (с трансформацией, правда, *Селидовка – Селидово*), *Белицкое*, *Харцызск*.

Разновидностью указанной модели является модель «**Поселок/село/хутор → станция → промышленный объект → расширение поселка → город**». Такова история поселка *Хацапетовка*/*Кацапетовка*, основанного в 1861 (поселок *хацапов – кацапов* – русских, в котором изначально проживало около 100 человек). В 1879 г. возле поселка была построена станция «Хацапетовка». Но значительного увеличения народонаселения здесь не произошло: в 1920 г. в поселке насчитывалось 137 домов с 709 жителями. В 1949 г. в районе поселка были открыты 2 шахты, что и привело к значительному прибавлению жителей и к получению тогда уже поселком городского типа в 1958 г. статуса города (≈ 7000 человек). Главенствующая роль шахт в этом случае и стала причиной замены «неблагозвучного» названия *Хацапетовка* «промышленным именем» *Углегорск*.

Модель 2. **Промышленный объект → поселок при промышленном объекте → расширение поселка → город**. В этом случае населенный пункт возникает вокруг промышленного объекта как поселок при этом объекте, который затем разрастается в город. Например, при строительстве шахты «Украина» в 1952 г. вокруг стройки возник поселок *Лесовка*, который в 1963 г. получил статус города с населением около 10 000 человек и по названию шахты был переименован в *Украинск* (этиология: не город на Украине, а город при шахте «Украина»).

Компрессионные модели

Модель 1. **Поселок/село/хутор → промышленный объект → расширение поселения → близлежащие (шахтные) поселки → объединение поселков → город**. Например, в 1840 г. был основан хутор *Параскеевка* (44 жителя), принадлежавший помещику Албанскому. В 70–80-х гг. XIX столетия в этой местности был обнаружен уголь, и в конце XIX столетия помещиком Ениным была заложена первая шахта. В 1913 г. здесь создается *Эрастовский рудник*, а на правом берегу расположенной рядом с Параскеевкой реки Бык – *Святогоровский рудник*. К 1920 г. в Параскеевке проживает 70 жителей, а в поселке Святогоровского рудника еще 150 жителей. В 1931 г. здесь вводится в эксплуатацию новая шахта «Гигант» имени Максима Горького, и во многом благодаря этому возникает еще два поселка – *Техноколонна* и *Временная Колония*. В 1935 поселки *Параскеевка*, поселок *Святогоровского рудника*, *Техноколонна* и *Временная Колония* объ-

единяются в село *Доброполье*, которое в 1953 г. получает статус города с почти 30-тысячным населением.

Модель 2. **Промышленный объект → поселок при промышленном объекте → близлежащие (шахтные) поселки → объединение поселков → город**. В этом случае градообразующий населенный пункт возникает как поселок при промышленном объекте. Например, в 1900 г. вблизи слободы Ольховская начала работу шахта купца А.И. Катыка, около которой к 1905 г. сформировался поселок Катык. 20 августа 1953 г. шахтные поселки Катыковского района Сталинской области – пгт Катык, поселки Постниково, Северное, Шевченково, поселки шахт № 12, 13, 14, 15, 16, 30, 31 – были объединены в город Шахтерск.

Главной особенностью донецкого Донбасса, в отличие, например, от Верхнего Поволжья, является преобладание компрессионных моделей образования городов. Даже столица Донбасса – г. *Донецк,* – в сущности, возникла в результате процесса данного типа, объединившего поселки *Смолянку*, *Новый Свет*, *Александровку*, *Семеновку* и т. д. в местечко *Юзовка* [4]. В компрессионных моделях преобладают астионимные переименования, что вполне объяснимо: объединение поселков/сел/хуторов и т. д. в город требует либо выбора для него названия одного из этих населенных пунктов, либо отстранения от старых названий и создания нового. Последний путь в нашем случае наиболее приемлем, и подкреплялся он тем, что Донбасс в составе сначала Российской империи, а затем Советского Союза воспринимался как новые, промышленные территории, и поэтому для его городов нужны были новые, «трудовые», «промышленные», а затем и советские названия. Так, например, присоединение к поселку Соцгородок поселков Комсомольский, Октябрьский, Первомайский, Победа и Промплощадка привело к формированию города, получившего «промышленное» название *Горняк*.

С точки зрения происхождения различаются исконные, условно заимствованные и заимствованные наименования.

Исконные астионимы, т. е. астионимы, образованные от слов русского языка, составляют подавляющее большинство названий городов донецкого Донбасса – 22 из 27, например *Шахтерск, Белицкое, Углегорск* и др. Сюда мы относим, помимо исконно русских единиц типа *снег* (г. *Снежное*), *доброе поле* (г. *Доброполье*) и пр., иностранные по происхождению слова, ставшие частью актуально или исторически активного фонда лексикона русского языка, такие как *коммунар* (г. *Юнокоммунарск*), *армия* (г. *Красноармейск*), имя собственное Авдей (имя русского первопоселенца – г. *Авдеевка*) и т. п.

Условно заимствованными мы называем искусственные меморативные астионимы, в основе которых лежат иностранные фамилии: *Димитров* (в честь болгарского коммуниста Георгия Димитрова), *Торез* (в честь французского коммуниста Мориса Тореза) и *Дзержинск* (в честь поляка по происхождению Ф.Э. Дзержинского).

Заимствованными предположительно являются только два названия: *Харцызск*, образованное, вероятно, от тюркск. *харцыз* «разбойник» (по преданию, так татары называли селившихся у южных границ Российской империи беглых крестьян и запорожских казаков), и *Селидовка* (*Селидово*), связанное, вероятно, с тюркским имением *Селид, Саид, Сеид*. Впрочем, эти этимологии не представляются беспрекословно верными. В частности, легенда связывает название *Селидовка* (возможно, из *Солидовка/Солидавка* с последующим народноэтимологическим воздействием слова *село*) с солью, вернее, с расположенной здесь рекой *Соленой*. Тем более что первопоселенцами в Селидовке были не тюрки, а молдаване и валахи, взятые в плен нашими войсками в пределах Турции и высланные оттуда на жительство в Новороссию, к которым затем присоединились казаки малорусского полка [7, с. 355]. В связи с последним появилась и другая легенда, согласно которой *Селидом* звали основавшего село запорожского казака (в Селидово есть даже памятник казаку Селиду), что маловероятно, поскольку Селидовка была основана до прихода казаков: около 1782 г. пленных молдаван и валахов разме-

стили на постоянное жительство на реке Соленой при овраге Палиевском распоряжением Бахмутской провинциальной Канцелярии, которым было предположено **населить и образовать** государственную воинскую слободу *Селидовку*.

Подавляющее большинство названий городов донецкого Донбасса представляют собой аффиксальные дериваты, что, вероятно, обусловлено желанием номинаторов отделить астионимы от производящих для них единиц*. Это отличает донецкие названия городов, например, от названий городов Верхнего Поволжья, для которых наиболее распространенными номинационными процессами являлись трансонимизация и онимизация (см., например, трансонимизации: отгидронимные *Ветлуга, Кинешма, Кострома, Нерехта*, отхоронимные *Пошехонье*, *Заволжье*, отантропонимные *Фурманов, Тутаев* и т. д., и онимизации *Перевоз*, *Наволоки*, *Плес*, *Кресты* и т. д.). В донецком Донбассе отмечается только два случая отантропонимной трансонимизации (*Торез* и *Димитров*) и один случай онимизации (*Горняк*), причем все указанные наименования являются результатом поздней искусственной номинации (*Торез* – с 1964, *Димитров* – с 1965, *Горняк* – с 1958). Есть сомнения по поводу названия *Доброполье*, которое могло быть связано с неким хоронимом **Доброе Поле* или **Доброполье*, но подтверждения этому у нас нет.

Названия городов донецкого Донбасса в большинстве своем одноосновны (20). 7 астионимов являются композитами. Астионимов-словосочетаний здесь не отмечается. Вообще в ДНР есть только два населенных пункта с дескриптивными наименованиями: Красный Лиман и Часов Яр.

Одноосновные единицы (17)

1.**Аффиксальные дериваты** (15)

Отонимные:

а) *-ск*(*ое*)/*-цк*(*ое*):
-ское: *Киров – Киров-ское*, *Родин – Родин-ское;*
наложение: *Белицкий – Белицк-ое, Дзержинский – Дзержинск*;
б) *-ка*:
-ка: *Горлов – Горлов-к-а*, *Жданов – Жданов-к-а;*
-ев-ка: *Авдей – Авде-ев-к-а*, *Макей – Маке-ев-к-а;*
в) *-ово*/*-ево*:
-ово: *Артем – Артем-ово*, *Селид – Селид-ово;*
наложение: *Енакиев – Енакиев-о*;
г) *-ино*:
наложение: *Моспин – Моспин-о.*

Отапеллятивные

-ск: *Украинск*, *Харцызск*, *Шахтерск.*

2. **Редериват** (1):
Донецкая область (*Донецкий угольный бассейн*) – *Донецк.*

3. **Универбат** (1):
Снежное (место) – *Снежное*.

Композиты (7):

4. **Аффиксальные дериваты** (4):
а) ск(*ое*)/*-цк*(*ое*):
-ск-: *Белое озеро – Бел-о-зер-ск-ое, Красная Армия – Красноармейск;*
-овск: *Юный Коммунар – Юнокоммунаровск;*
б) је:

*Это желание, кстати, мотивирует в Донбассе реализацию и других средств отличения онима от апеллятива, например, перемещение ударения. Название поселка Пески произносится здесь как Пе́ски, а города Снежное – как Снежно́е.

Доброе поле – Добр-о-пол'-j-е (возможно, **трансонимизация**: хороним – астионим);

5. **Аффиксоидные дериваты** (2):

а) *-горск*: *Угл-е-горск;*

б) *-дар*: *Угл-е-дар;*

6. **Универбаты** (1):

Новая Гродовка – Нов-о-гродовка.

Как видим, наиболее популярны в донецком Донбассе астионимы, образованные при помощи разнообразных модификаций форманта *-ск*(*ое*)/*-цк*(*ое*). Их всего 12 из 27 (если учитывать редериватное наименование *Донецк* и аффиксоидное *Углегорск*). На втором месте формант *-к-* – 5 астионимов (если учитывать универбат *Новогродовка*). В трех астионимах представлен формант *-ово*. Остальные модели реализованы по одному разу (4 астионима).

В астионимном пространстве донецкого Донбасса представлены следующие **этиологические тематические группы**.

1.**Промышленные наименования** (10), т. е. названия, прямо или опосредованно связанные с доминирующей в городе на момент его создания отраслью промышленности, чаще всего горной. Выделяются следующие тематические подгруппы в пределах данной группы:

а) **отантропонимные мемориативы**, образованные от фамилий промышленников, организовывавших шахтное и металлургическое производство в названных в их честь городах: *Енакиево*, *Горловка*, *Моспино*;

б) **названия в честь профессии шахтера**: *Горняк, Шахтерск*;

в) **названия с корнем -уголь-**: *Угледар, Углегорск*;

г) **названия, образованные от названий шахт, вокруг которых возникли города**: *Юнокоммунаровск* (шахта «Юный Коммунар»), *Украинск* (шахта «Украина»);

д) **отхоронимное название**: астионим *Донецк* по одной из самых распространенных версий образован редеривационно опосредованно через хороним *Донецкая область* от хоронима *Донецкий угольный бассейн* [3, с. 38].

2. **Советизмы** (7) – названия, отражающие реалии советской жизни.

а) **отантропонимные мемориативы**, образованные от фамилий общественных деятелей советской эпохи: *Артемово, Димитров, Ждановка, Кировское, Торез, Дзержинск*;

б) **по объединению людей**: *Красноармейск*.

3. **Исторические наименования** (10), отражающие ранние этапы освоения донецкого Донбасса:

а) **в честь первого поселенца или основателя**: *Авдеевка, Макеевка, Новогродовка, Родинское, Белицкое,* возможно, *Селидово*;

б) **отражающие особенности местности**: *Белозерское, Снежное, Доброполье*;

в) **по характеристике жителей**: *Харцызск*.

Как уже было сказано выше, промышленное освоение Донбасса мотивировало волну переименований, имевших, в сущности, одну цель: воплотить в астионимном пространстве региона идею его промышленного статуса как в Российской империи (например, переименование села *Попово* в *Моспино*), так и в стране Советов (например, переименование поселка *Южный* в *Угледар*). Исконные названия сохранили только четыре города: *Селидово, Белицкое, Харцызск, Авдеевка*. Нами отмечается:

- одношаговое переименование: пос. *Соцгородок – Горняк, Васильевка – Снежное*;
- двушаговое переименование: *Кутейниково – Попов – Моспино*;
- трехшаговое переименование: *Енакиево – Рыково – Орджоникидзе –Енакиево*;
- четырехшаговое переименование: *Юзово – Юзовка – Сталин – Сталино – Донецк*.

Следует отметить, что в отличие от Верхнего Поволжья, где регулярны корректировочные переименования, обусловленные необходимостью «подогнать» название

сельского населенного пункта (комонима) под «астионимный канон» (например, переименование села *Мышкино* в г. *Мышкин*, села *Даниловское* в г. *Данилов*, слободы *Макарьевской* в г. *Макарьев* и т. д.), в донецком Донбассе такое отмечается, пожалуй, только единожды: с. *Селидовка* переименовывается в г. *Селидово*, хотя как названия на *-ово*, так и названия на *-ка*, как это показано выше, «вполне спокойно уживались» на этой территории (ср. *Енакиево*, *Артемово*, с одной стороны, и *Горловка*, *Ждановка* и т. п. – с другой). В истории Донбасса есть еще две ситуации корректировочного переименования, и все они связаны с ранними названиями Донецка: сначала *Юзово* стало *Юзовкой* благодаря просторечной трактовке названия города, позволившей отличить его от названия станции *Юзово*, а затем в 1932 г. *Сталин* стал *Сталино*, что обусловлено, вероятно, желанием избежать нежелательной омонимии «псевдоним вождя народов – название города» (см. об этом [4]).

В основном переименования в донецком Донбассе радикальны и не взаимосвязаны: Юзово/Юзовка переименовывается в Сталин/Сталино, а затем в Донецк, Хацапетовка – в Углегорск, Катык – в Шахтерск, Чистяково – в Торез и т. д.

Итак, донецкий Донбасс представляет собой цельное астионимное пространство, что обеспечивается поздним и практически единовременным заселением края и получением образовавшимися поселениями статуса города только в XX в. Города Донбасса формировались по трансформационной, предполагающей простое расширение исходных населенных пунктов до размеров города, или компрессионной, реализующей процесс объединения ряда близко расположенных населенных пунктов в один город, моделям. В донецком астионимном пространстве отмечаются (за небольшим исключением) исконные названия городов. Подавляющее большинство названий городов донецкого Донбасса – аффиксальные дериваты, что определяется желанием номинаторов отделить астионимы от производящих для них единиц. В астионимном пространстве донецкого Донбасса представлены три этиологические тематические группы: промышленные, советские и исторические наименования. Промышленное освоение Донбасса мотивировало волну переименований, которые воплотили в астионимном пространстве региона его промышленный статус. Предложенная статья является претекстом для создаваемого сейчас словаря названий городов Донбасса.

Список литературы

1. Ильин Д.Ю. Структура функционально-семантического поля топонимов в языке региона // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 255–259.

2. Ильин Д.Ю., Рыженко А.Ю. Функциональные особенности семантики ойконимических наименований региональных топонимикона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2. С. 8–14.

3. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк, 2014.

4. Теркулов В.И. История донецких астионимов // Вестник Донецкого национального университета. 2023. № 2. С. 28–46.

5. Теркулов В.И. Основания типологии астионимов (на примере астионимов Поволжья) // Ономастика Поволжья: материалы XXI международной конференции. Рязань. 3–5 октября 2023 г. / сост. и ред. И.Н. Хрусталев, В.И. Супрун. Рязань, 2023. С. 145–150.

6. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2008.

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. XXIX.

* * *

1. Il'in D.Yu. Struktura funkcional'no-semanticheskogo polya toponimov v yazyke regiona // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2010. № 12. S. 255–259.

2. Il'in D.Yu., Ryzhenko A.Yu. Funkcional'nye osobennosti semantiki ojkonimicheskih naimenovanij regional'nyh toponimikona // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2013. № 2. S. 8–14.

3. Otin E.S. Proiskhozhdenie geograficheskih nazvanij Donbassa. Doneck, 2014.

4. Terkulov V.I. Istoriya doneckih astionimov // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. 2023. № 2. S. 28–46.

5. Terkulov V.I. Osnovaniya tipologii astionimov (na primere astionimov Povolzh'ya) // Onomastika Povolzh'ya: materialy XXI mezhdunarodnoj konferencii. Ryazan'. 3–5 oktyabrya 2023 g. / sost. i red. I.N. Hrustalev, V.I. Suprun. Ryazan', 2023. S. 145–150.

6. Shcherbak A.S. Kognitivnye osnovy regional'noj onomastiki: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Tambov, 2008.

7. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1900. T. XXIX.

The general characteristic of the astyonyms of the Donetsk Donbas

The article deals with the characteristics of the astyonym space of the Donetsk Donbas, including the description of the history of its creation, the identification of the models of the towns' development, the revealing of the origin of the names and ways of their formation, the categorization of the astyonyms into the etiological thematic groups and the description of the specific features of the renaming of the settlements.

Key words: *astyonym, Donbas, etiological thematic groups, ways of formation of astyonyms.*

(Статья поступила в редакцию 30.10.2023)

Л.Н. ВЕРХОВЫХ
Борисоглебск

ВОРОНЕЖСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИКИ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Посвящена изучению воронежских пословиц и поговорок с точки зрения семантики диалектных слов, входящих в состав народных изречений. Рассматривается значение следующих языковых единиц: бирю́к, прикали́ток, пого́да, ку́т, луто́шка, пусторнак, ю́шка, гости́нка, тращ́ать. Автор приходит к выводу о том, что изучение семантики диалектных слов, включенных в структуру пословиц и поговорок, позволяет более точно понимать значения фольклорных единиц.

Ключевые слова: *воронежские говоры, семантика диалектного слова, пословицы, поговорки, Воронежская область.*

В 1861 г. в «Воронежской беседе» были опубликованы русские пословицы и поговорки, собранные и записанные Алексеем Васильевичем Кольцовым, выдающимся русским поэтом. В предисловии, написанном, как полагаем, издателями и редакторами «Воронежской беседы» (издание осуществлялось М. Де-Пуле и П. Глотовым), содер-

© Верховых Л.Н., 2023

жатся пояснения к публикации, среди которых отмечено, что сбор фольклорных единиц, видимо, осуществлялся поэтом в период с 1836 по 1838–1839 гг. [3, с. 4].

Первое название сборника, данное автором, – «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым» [3, с. 1]. Всего А.В. Кольцовым было собрано и записано 438 фольклорных единиц (некоторые из них повторяются, также присутствуют и варианты народных изречений, например: *не по летáм (годам), а по ребрáм*).

Пословицы и поговорки, записанные А.В. Кольцовым, включают воронежские диалектные слова и отражают фонетические процессы, характерные для южнорусского наречия, об этом пишет А.М. Путинцев: «Можно сказать без всякого пристрастия, что труд Кольцова по собиранию пословиц сохраняет до настоящего времени научное значение, тем более что в нем заключен ценный материал по диалектологии» [5, с. 164]; изречения народной мудрости относятся, «несомненно, в своей подавляющей части к Воронежской губернии, ибо по своей жизни вообще и в частности в период 1836–1838 он (А.В. Кольцов. – *Л.В.*) сталкивался почти исключительно с жителями Воронежской губернии» [5, с. 164].

Анализ воронежских пословиц и поговорок, собранных А.В. Кольцовым, не может осуществляться без исследования семантики диалектных слов, передающих мельчайшие оттенки народного мировосприятия и создающих уникальность произведений малых жанров устного народного творчества. Изучение семантики диалектного слова – важный компонент анализа пословиц и поговорок любого региона.

Цель данной работы – рассмотреть воронежские пословицы и поговорки, записанные А.В. Кольцовым, с точки зрения семантики диалектных слов, входящих в состав народных изречений.

В ходе исследования нами использовались следующие методы: описательный метод, лексикографический анализ, элементы сравнительно-исторического метода, контекстуальный анализ слов.

Было изучено девять фольклорных единиц, которые содержат следующие диалектные слова: *бирю́к, прикали́ток, пого́да, ку́т, луто́шка, пусторнак, ю́шка, гости́нка, тращáть*.

В пословице *в лесу бирюка не блюдут* встречается воронежская диалектная лексема *бирюк*. Бирю́к – «волк; перен. страшилище, которым пугают детей; перен. нелюдимый, угрюмый, одинокий человек» [7, с. 106]; омоним слова *бирюк* (и один из омонимов лексемы *бирючок*) имеет значение «рыба Acerina cernua Linne сем. окуневых; донской ерш, ерш-носарь» [7, с. 107]. Бирюк – «волк» [12, т. 1, с. 85].

В прошлом лексема *бирюк* в Воронежской области была, видимо, широко распространенным в употреблении словом: многочисленны фамилии, восходящие к прозвищу Бирюк. Телефонный справочник Борисоглебска Воронежской области включает 27 фамилий Бирюков [9]; в ревизских сказках XIX в. по Новохоперскому уезду (село Красное) зафиксирована фамилия Берюкав [6, л. 750]. В XIX в. в Воронежской губернии существовал Бирюченский уезд (см.: [4, с. 101]).

Поскольку пословица *в лесу бирюка не блюдут* содержит указание на место – *в лесу,* то воронежское *бирюк* в контексте имеет значение «волк» либо «нелюдимый, угрюмый, одинокий человек».

Глагол *блюдут* по семантике соотносится с воронежским прилагательным *блюденой* – «оберегаемый, охраняемый» [12, т. 1, с. 97] и глаголами *блюсти* и *блюсть* – «охранять, беречь, держать под наблюдением» [12, т. 1, с. 98], ср.: арх. *блюденье* – «тщательный уход, храненье» [8, т. 3, с. 32].

Семантика рассматриваемой пословицы будет зависеть от лексического значения слова. В зависимости от этого, полагаем, могут быть и различные варианты понимания изречения. Поскольку в настоящее время в воронежских говорах наиболее извест-

но слово *бирюк* в значении «нелюдимый, угрюмый, одинокий человек», то, возможно, и пословица связана именно с переносным значением диалектной лексемы, ср.: *глядеть бирюком* – «прост., неодобр. Обнаруживать суровость, нерасположение, необщительность» [10, с. 137].

В пословице *борода с ворота, а ум с прикалиток* воронежская диалектная лексема *прикали́ток* имеет значение «то же, что прикали́тка (в 1 знач.)» [8, т. 31, с. 237]. Прикали́тка – «1. Небольшая дверь в воротах, калитка. Пенз, ряз., яросл.» [8, т. 31, с. 237]. Народная мудрость выражается образно с помощью диалектного слова, которое позволяет передать двойное сравнение: *борода – ворота, ум – прикалиток; борода – ум, ворота – прикалиток.* Гиперболическое сравнение выступает в функции предикатива, выделяя пару *ворота – прикалиток*, при этом концовка пословицы и, соответственно, смысл, мораль актуализируются с помощью диалектного слова.

В пословице *видишь в поле погоду – не езди* употреблена диалектная лексема *погода: «*на юге, западе погода нередко значит ведро, хорошее, ясное, сухое время; в прочей же Руси погода знч. непогода, ненастье; дождь, снег, метель, буря» [2, т. 3, с. 158]. Лексема *погода* в воронежских говорах может употребляться в следующих значениях: «плохая погода, непогода, ненастье» [8, т. 27, с. 297]; «снег, снегопад»; «поземка» [8, т. 27, с. 298]. В соседних тамбовских и донских говорах диалектное «погода» также употребляется в значениях «вьюга, метель» [8, т. 27, с. 298], в донских говорах также – и в значении «ненастная ветреная погода с осадками» [8, 27, с. 298]. Отметим, что слово «погода» в противоположном значении «хорошая, ясная, солнечная погода» употребляется также в воронежских и тамбовских говорах [8, т. 27, с. 298]. Словосочетанием *погóдливая погóда* в Воронежском крае называют погоду с дождем [8, т. 27, с. 300].

Итак, воронежская диалектная лексема *погода* в пословице *видишь в поле погоду – не езди* имеет значение «плохая погода с осадками, ненастье; дождь, снег, метель или буря», ср. с известным и в воронежских говорах словом *чи́чер* – «*тул., орл., тамб., ряз.* резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом» [2, т. 4, с. 627].

В пословице *дела́ – как лутошки* употребляется диалектное слово *лутошка.* Эта лексема зафиксирована в «Словаре русских народных говоров», имеет двенадцать значений, во втором значении слово известно в воронежских говорах: *лутóшка* – «ободранная липа; липовая палка, палочка без коры» [8, т. 17, с. 207]. Лутошка – «палка; палочка» [12, т. 2, с. 393]. В словаре В.И. Даля *лутóха, лутóшка* – «липка, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет» [2, т. 2, с. 279].

Буквальное значение пословицы *дела́ – как лутошки* – «дела как у ободранной липы; у липы, с которой снята кора; у липы, которая сохнет и чернеет», т. е. очень плохо, крайне плохо (множественное число существительного *лутошки* усиливает отрицательную оценку ситуации: много лип). В пословице дела сравниваются с лутошками (ободранными липами), и в результате метонимического переноса (человек (целое), дела (часть жизни человека)) липа символически ассоциируется с человеком. Если не знать значение слова *лутошки*, то можно и не понять, насколько плохи дела у человека, который отвечает на вопрос «Как дела?» указанным изречением.

Синонимична пословице *дела́ – как лутошки* и известная в Воронежском крае пословица *дела как сажа бела* (в материалах А.В. Кольцова не содержится). В этой фольклорной единице также подчеркивается, что дела очень плохи: фактически «дела, как сажа»: сажа – «копоть, горелая чернь, нагар; черное, мучнистое вещество, осадок дыма» [2, т. 4, с. 129].

Авторы фразеологических словарей дают толкование пословицы *дела как сажа бела*, указывая на высокую степень признака, отрицательной оценки: «Шутл. Плохи, никуда не годятся» [11, с. 406]; «Разг. Шутл. Очень плохи, никуда не годятся» [10, с. 590]. Поскольку сажа никогда не может быть белой, иронически в пословице передается имплицитная мысль о том, что и надежды нет на хорошие дела, и это усилива-

ет отрицательную оценку ситуации. Однако, несмотря на близость семантики, пословицы *делá – как лутошки* и *дела как сажа бела* различаются экспрессией, имеют различные экспрессивные коннотации. Пословица *дела как сажа бела* содержит некую положительную экспрессию, выражающуюся через самоиронию, которая передает слабую надежду на то, что очень плохую жизненную ситуацию говорящий все же может преодолеть, т. к. не отчаялся. Пословица же *делá – как лутошки* содержит дополнительную имплицитную коннотацию отчаяния, не связанную с надеждой на лучшее, поэтому поговорка *делá – как лутошки* имеет дополнительную отрицательную экспрессию.

В пословице *плохая рыбка – поганая юшка* употребляется диалектное слово *ю́шка* – «юж., зап. всякий взвар, особ. рыбий» [2, т. 4, с. 691]. Очевидно, что *юшка* в пословице – именно рыбный бульон, навар. В воронежских говорах лексема *юшка* употребляется также в значениях «кровь из носа»; «жидкость, оставшаяся после приготовления творога» – в этом значении в Воронежском крае также употребляется литературное слово *сы́воротка*.

Юшка – это очень жидкий (низкой плотности, насыщенности) продукт, оставшийся после приготовления творога, ср.: жидкость, оставшуюся после сбивания сметаны, характеризующуюся бóльшей плотностью, насыщенностью, жирностью, в воронежских говорах называют *юрáга (юрáжка), сколóтина*, а также *пахтá*.

В пословице *плохая рыбка – поганая юшка* отрицательная характеристика полученного после приготовления плохой рыбы продукта подчеркивается дважды: с помощью семантики диалектного слова (юшка – жидкий продукт (ср. с имплицитной семантикой антропонима в рассказе А. Платонова «Юшка»)) и с помощью оценочного прилагательного *поганый* (здесь: плохого качества, дрянной [1, с. 855]).

Пословица *сеял мужик репу, вышел пусторнак* включает лексему *пусторнак* (ср.: северо-западное *пустоквет* (пустоцвет), забайк., костром., арх. *пустокорм,* арх. *пустокормок* [8, т. 33, с. 148–149]). Видимо, слово *пусторнак* представляет собой диалектную модификацию лексемы *пастернак* («огородное и дикорастущее растение сем. зонтичных, корень которого употребляется как пряность и как корм» [1, с. 785]). Включение в состав слова корня *пуст-* связано с построением оппозиции *репа – пусторнак*, компоненты которой в данной фольклорной единице являются антонимами: *репа* (овощ – плод – еда) – *пусторнак* (пряность – пустота (пустое) – не еда), ср.: пу(а)стернак – «снедное, огородное растение Pastinaca sativa; *ярс.* человек пустельга; вздор, чушь, пустяки» [2, т. 4, с. 561]. Лексема *пусторнак* не зафиксирована в «Словаре русских народных говоров».

Интересна по содержанию поговорка *зашел Макар в кут, где телят пасут.* Диалектное *кут* – «юж. угол, зауголок, закоулок, тупик; вершина или конец глухого захода, залива, заводи, мыса и пр.» [2, т. 2, с. 231]; «угол крестьянской избы» [2, т. 2, с. 231]; *кут, куть, кутник* – «твр., пск, ряз., тул., пен, влд., ярс., кстр., ниж., вят. придверный угол и прилавок, коник» [2, т. 2, с. 231], «вор., кур., кал., влгд., прм., арх., сиб., сар. бабий угол, середа, шелнуша, стряпная за перегородкою, за занавескою» [2, т. 2, с. 231]. Кут, кутóк – «юж. угол, уголок; глазной лузг, уголок в носу» [2, т. 2, с. 231], ср.: воронежское *закýток (закýта)*– сарай; *котýх* – сарай для овец, коров и телят; *котух* – «помещение для домашних животных, хлев» [12, т. 2, с. 298].

Интегральной семой большинства приведенных семем слова *кут (кутóк)* является ‘угол’, т. е. маленькая часть чего-либо (какого-либо помещения). Указанная семантика лексемы *кут* не допускает возможности сочетаться с глаголами *зайти* (внутрь) и *пасти*, т. к. пасут телят не в сарае, каком-либо уголке, а на лугу, значительном пространстве. В поговорке ироническое осмысление окружающей действительности, подтрунивание над человеком (пастухом), видимо, нерадивым, передается с помощью семантики диалектной лексемы *кут*. Ассоциативно данная фольклорная единица связана с поговоркой *где Макар телят не пас / куда Макар телят не гонял* (очень далеко) – в пого-

ворке *зашел Макар в кут, где телят пасут* (в уголок, небольшое место, близко). Сопоставление двух ситуаций передается и с помощью глагольных форм: *пасут – не пас (не гонял),* однако если первое выражение связано с характеристикой локуса (очень далеко), то второе выражение эксплицитно указывает на близкое место, а имплицитно характеризует самого Макара, субъекта действия, его леность (гнать телят далеко лень); также, возможно, речь в поговорке идет о тупиковой ситуации.

Пословица *тращеная кобыла пня боится* (вариант: пуганая ворона куста боится) содержит диалектную лексему *тращáть* – «*тамб.* старащать» [2, т. 4, с. 437]; воронежским говорам данное диалектное слово также известно. Здесь речь идет о качестве человека (возможно, и животного), который всего боится.

Лексема *гостинка*, которая присутствует в пословице *хорош гость в гостинку,* в воронежских говорах обозначает «гостинец, подарок; лакомство» [8, т. 7, с. 93]; выражение *в гости́нку быть где-либо*, зафиксированное в СРНГ, имеет значение «быть, появляться редко где-либо. Хорош гость в гостинку, а то и в зубах настрянет. Ворон.» [8, т. 7, с. 94]. Ср.: гости́нка – «*моск.* гостинец, в знач. подарочка, лакомства» [2, т. 1, с. 397]. Буквальное значение поговорки: хорош гость, если он приходит редко (является подарком, – ему рады хозяева).

Анализ семантики диалектных слов и фольклорных единиц позволяет выделить следующие разновидности высказываний: конструкции с модальным значением нецелесообразности (*в лесу бирюка не блюдут*); конструкции с условно-следственным значением: *(видишь в поле погоду – не езди*, *плохая рыбка – поганая юшка*); конструкции с сопоставительной семантикой *(сеял мужик репу, вышел пусторнак*); конструкции с эмоционально-оценочным значением: характеристика обстоятельств, ситуации (*дела́ – как лутошки*), характеристика субъекта (человека), его качеств *(борода с ворота, а ум с прикалиток; зашел Макар в кут, где телят пасут; тращеная кобыла пня боится; хорош гость в гостинку*).

Материал исследования показывает, что изучение семантики диалектных лексем является важной составляющей анализа пословиц и поговорок. Диалектные слова с их семантической спецификой транслируют экспрессивную оценку обстоятельств или качеств человека, передают образное восприятие действительности русским народом, создают уникальность фольклорных единиц Воронежского края.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб. М., 1880–1882.
3. Кольцов А.В. Русские пословицы, собранные А.В. Кольцовым // Воронежская беседа на 1861-й год. СПб., 1861. С. 1–20.
4. Михалевич В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Воронежская губерния. СПб., 1862.
5. Путинцев А.М. А.В. Кольцов как собиратель русских народных пословиц // Афанасьевский сборник. Выпуск VIII. Песни, пословицы и поговорки, собранные А.В. Кольцовым. Воронеж, 2009. С. 160–166.
6. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта – 6 августа 1816 г. С. Красное. Лл. 716–915 // Государственный архив Воронежской области, ф. И-18, оп. 1, д. 205.
7. Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004. Вып. 1.
8. Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1968–1999.
9. Телефонный справочник. Воронежская область. Борисоглебск и Борисоглебский район. Тверь, 2007.
10. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. М., 2008.

11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1968.
12. Хитрова В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. / под общ. ред. И.Г. Добродомова. М., 2022.

* * *

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb., 2000.
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4-h t. SPb. M., 1880–1882.
3. Kol'cov A.V. Russkie poslovicy, sobrannye A.V. Kol'covym // Voronezhskaya beseda na 1861-j god. SPb., 1861. S. 1–20.
4. Mihalevich V. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Voronezhskaya guberniya. SPb., 1862.
5. Putincev A.M. A.V. Kol'cov kak sobiratel' russkih narodnyh poslovic // Afanas'evskij sbornik. Vypusk VIII. Pesni, poslovicy i pogovorki, sobrannye A.V. Kol'covym. Voronezh, 2009. S. 160–166.
6. Revizskie skazki po g. Novohopersku i Novohoperskomu uezdu Voronezhskoj gubernii 10 marta – 6 avgusta 1816 g. S. Krasnoe. Ll. 716–915 // Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti, f. I-18, op. 1, d. 205.
7. Slovar' voronezhskih govorov / nauch. red. G.F. Kovalev. Voronezh, 2004. Vyp. 1.
8. Slovar' russkih narodnyh govorov. L., SPb., 1968–1999.
9. Telefonnyj spravochnik. Voronezhskaya oblast'. Borisoglebsk i Borisoglebskij rajon. Tver', 2007.
10. Fyodorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskih edinic. M., 2008.
11. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. A.I. Molotkova. M., 1968.
12. Hitrova V.I. Slovar' voronezhskoj delovoj pis'mennosti XVII–XVIII vv. / pod obshch. red. I.G. Dobrodomova. M., 2022.

The Voronezh sayings and proverbs through the prism of the semantics of the dialectal word

The article deals with the study of the Voronezh sayings and proverbs from the perspectives of the semantics of the dialectal words, included in the content of the folk utterances. There are considered the meanings of the following linguistic units: бирюк, прикали́ток, погода́, ку́т, луто́шка, пусторнак, ю́шка, гости́нка, тращать. The author concludes that the study of the semantics of the dialectal words, included in the structure of sayings and proverbs, allows to understand the meanings of the folklore units more precisely.

Key words: *Voronezh subdialects, semantics of dialectal word, sayings, proverbs, the Voronezh region.*

(Статья поступила в редакцию 31.10.2023)

А.В. НИКИТИНА
Волгоград

ПОЙМИ МЕНЯ: ДЕТСКАЯ РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Посвящена анализу особенностей речи детей на фонетическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Рассматриваются причины и факторы, влияющие на становление и развитие детской речи.

Ключевые слова: *возрастная коммуникация, маркированность коммуникации, детская речь, речевой портрет, принцип контрастивности.*

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом научного проекта «Возрастная маркированность коммуникации в современной России», целью которого является системный анализ коммуникации людей различных возрастов. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу проанализировать речь детей и выявить особенности, которые присущи данной возрастной категории в контексте современного российского общества. Материалом для исследования послужили скрипты устной речи, примеры из русскоязычной сети Интернета, данные анонимного анкетирования, проведенного в рамках данного проекта. В процессе анализа использовалась совокупность методов дискурс-анализа, контент-анализа, включенного и невключенного наблюдения, интроспекции (подробное описание методологии см.: [2]).

Изучение языка и речи ребенка неразрывно связано с психолингвистикой и возрастной психологией, что составляет методологическую основу исследования речи детей (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев). Ученые активно интересуются проблемами становления и развития детской речи (К.Ф. Седов, Н.И. Лепская, О.С. Ушакова, С.Н. Цейтлин), детской языковой картиной мира (Н.Л. Тухарели, О.И. Колесникова, В.В. Сальникова), коммуникативным поведением ребенка (И.А. Стернин, Е.Б. Чернышева, Н.А. Лемяскина).

По мнению Н.Л. Тухарели, «ребенок – это особенной тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире» [7, с. 5], что объясняется его своеобразным мышлением, мироощущением и мировосприятием. Это, в свою очередь, находит отражение в закономерностях использования языка и определенном коммуникативном поведении. В своем исследовании К.В. Солнцева вводит понятие «детский субъязык», определяя его как «подсистему языка, характеризуемая наличием в ней абсолютно специфических, относительно специфических и неспецифических единиц, встречающихся в речи детей» [5, с. 4]. А детская речь, в свою очередь, является материальным воплощением детского субъязыка в различных ситуациях общения. Таким образом, можно говорить о том, что детская речь маркирована определенными специфическими чертами, которые составляют речевой портрет ребенка.

Кроме того, необходимо понимать, что исследования детской речи проводятся с учетом возрастной периодизации. Так, Л.С. Выготский отмечает, что «к началу каждого возрастного периода складывается своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью» [1, с. 258]. Нам известно, что лексикографические источники по психологии, педагогике, социологии и юриспруденции выделяют следующие периоды детства: младенческий – до 1 года, преддошкольный (ясельный) – от 1 года до 3 лет, дошкольный – от 3 до 7 лет, младший школьный – от 7 до 12 лет, средний школь-

© Никитина А.В., 2023

ный – от 12 до 14 лет, старший школьный – от 14 до 17 лет. Но для целей нашего исследования нам представляется релевантным возрастной период от 4 до 17 лет, условно разделим его на младший детский возраст (от 4 до 10 лет) и старший детский возраст (от 10 до 17 лет). Каждый из этих периодов детерминирован рядом социальных факторов, оказывающих воздействие на коммуникативное поведение ребенка. В младшем детском возрасте это влияние оказывает семья, в старшем возрасте ребенок включается в более активную социальную жизнь (школа, сверстники, социальные сети).

И.А. Стернин утверждает, что анализ коммуникативного поведения любой группы должен быть основан на двух принципах: принцип системности и принцип контрастивности. Принцип системности подразумевает полный комплексный анализ той или иной группы или лица, а принцип контрастивности понимает под собой систематическое рассмотрение релевантных факторов, присущих данной группе, в сопоставлении с другими группами [6]. Мы отдаем себе отчет, что маркеры детской речи на различных уровнях будут отличаться и некоторые особенности будут наиболее видны в раннем или более взрослом детском возрасте. Поэтому мы ставим перед собой цель описать наиболее явные особенности детской речи именно на том этапе взросления, на котором они наиболее заметны.

Анализ языкового материала позволяет выделить набор маркеров, присущих детской речи на фонетическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях.

1. Фонетический уровень:

1) слоговая элизия (пропуск безударных слогов): *цесса* – принцесса, *сранча* – саранча, *сахница* – сахарница;

2) метатеза (перестановка букв или слогов внутри слова): *скоровода* – сковорода, *дубте бобры* – будьте добры, *капетик* – пакетик, *ведмедь* – медведь, *миреналка* – минералка;

3) добавление звуков к словам: чуть в *морморок* не упал, *пиндюк* – индюк, *пиНтомец* – питомец; *тряМпочка* – тряпочка, *надуванчик* – одуванчик;

4) субституция звуков (замена звуков в слове): *эвакуадр* – эвакуатор, *ЫропорТ* – аэропорт, *напугай* – попугай.

По мере взросления ребенка и развития его речевых умений фонетические особенности нивелируются, и перечисленные фонетические маркеры перестают прослеживаться в речи уже к школьному возрасту. Среди фонетических особенностей спонтанной речи детей старшего возраста исследователи выделяют более быстрый темп речи и использование вокализации как способ заполнения пауз.

2. Лексико-семантический уровень:

1) генерализация значения слов: «*набухли почки и* ***вылупились*** *листочки»*, *«(показывая на елочную мишуру в магазине) Мама, смотри,* ***шерсть*** *от елки!»*, *«Пришли с сыном на китайский рынок, когда вошли, он оглянулся вокруг и громко говорит: “Мама! Сколько* ***американцев****”»*;

2) непонимание семантики отдельного слова или фразеологической единицы:

«Бабушка часто говорила детям если они ленились: “Вы что ***лоботряски****?” Дочка потом спрашивала: «Мама, а почему нельзя* ***лбами трясти****? Что от этого будет?»*, *«Я боюсь холодильник открывать, папа сказал – там* ***мышь повесилась****»*;

3) словотворчество. Феномен детского словотворчества является одним из самых популярных среди исследователей детской речи. Причинами активного словосочинительства лингвисты называют существующие различия «между наличным лексическим запасом языка и ограниченным объемом лексикона ребенка» [8, с. 188], необходимость наименований для узнаваемых предметов и явлений действительности по мере освоения ребенком окружающего мира [5, с. 9], лакунарность, т. е. отсутствие наименования для какого-либо явления в языке ребенка. Принципы, лежащие в основе образования но-

вых слов, подробно описаны в работе С.Н. Цейтлин [8]. Словотворчество реализуется в речи ребенка с помощью следующих языковых явлений:

- различные способы аффиксации: «*немский*» – немецкий, «*яблище*» – большое яблоко, «*просвещаться*» – включать свет, «*слон со слонихой, медведь с* ***медведихой****, волк с* ***волчихой****, лебедь с* ***лебедихой****, тигр с* ***тигрихой****, жираф с* ***жирафиной***», «*А если мама – сноха, то папа кто?* ***Снох****?*», *«Тебе же эти сандалии жмут. Ничего, я люблю* ***жмятые****», «Раньше я был маленький ничего не умел, а теперь вырос и* ***наумелся****», «Зачем вы меня* ***проснули****? Мне сон интересный снился*», «*Прямо* ***жаркостью*** *запахло*»;
- сложение слов, основ: *«(в саду) Я нашел* ***травоядного*** *паука!! Откуда ты знаешь, что он травоядный? Видишь, какой он страшный, значит* ***ядом травит****!», «тараконожка»* – таракан и сороконожка, *«он что делает?.. у него аж глаза покосоглазились»;*
- подмена этимологии слова: мировой суд – «*суд над мирами*», «*дедушка, утопись!*» – ныряй, «*готовница*» – повариха, «*едовитая*» – съедобная, *«У дочки день рождения весной. Услышала слово "несовершеннолетняя" и говорит: А я тоже несовершеннолетняя, но и* ***несовершеннозимняя****»;*

4) иноязычные заимствования. Т.А. Милехина и А.Н. Байкулова говорят о том, что городская среда переполнена англоязычными эргонимами: «одежда, игрушки, еда зачастую снабжены завлекательными иностранными ярлыками, которые ребенок учится произносить уже в раннем детстве» [4, с. 30]. В своей работе они выделяют следующие группы заимствований из других языков:

- имена собственные героев мультипликационных фильмов: *Скай, Пеппа, Рокки, Пинки Пай, Шиммер*;
- номинации детских игрушек: *слайм, снайперс, стикерсы*;
- настольные игры: *уно, активити, алиас, лава лэнд*; компьютерные игры: *Роблокс, Майнкрафт, CS:GO*;
- конфеты, кондитерские изделия: *Чупа-чупс, мамба, скителс*;
- междометия: *вау!, кул, ухх!*;

5) сленг. В количественном соотношении сленг является наиболее значимым пластом слов-маркеров, характеризующих тот или иной возрастной период. В речи детей можно выделить следующие группы сленга:

- школьный сленг (слова, имеющие отношение к сфере учебы): *домашка, училка, пердоклашка, шпоры, ботан, халява, дноклы* (одноклассники), *матеша*;
- компьютерный сленг (слова, связанные с информационными технологиями, с интернет-пространством, компьютерно-игровой сленг): *ава, бан, стримиться, лайк, репост, глючить, катка, троллить, Эль Примо!* (персонаж компьютерной игры, слово используется, когда неожиданно получается какой-то сложный трюк), *бафнуть* (прокачать), *имба* (очень круто, лучше, чем у других), *спавниться* (появиться);
- оценочные суждения: *топовый, хайповый, забивной, красава, краш* (позитивная оценка), *кринж* (и производные от него*: кринге, кринжатина*), *криповый, отстой, трэш, днище* (негативная оценка);
- бытовой сленг (слова, которые используются детьми в ситуациях бытового общения): *хейтить, агриться, вайб, крейзи, токсик, фидбэк*;
- новые устойчивые выражения. Некоторые новые слова активно фиксируются в речи в виде устойчивых словосочетаний, имеющих закрепленное значение: *Словить хайп!, Ну, как варик, Не душни, Ну ты и токсик!, Залить на ютуб, Залипать в интернете, Сечешь тему?, Пилить контент, Не тильтуй (не расстраивайся).*

Новые слова появляются в речи и сменяют друг друга, таким образом, этот пласт лексики находится в постоянном движении и постоянно обновляется. Так, недавно появившееся в лексиконе слово «*трэш*» было заменено на слово «*кринж*», которое активно используется представителями современного поколения подростков. Также своеобраз-

ным тестом на возраст стал смеющийся смайлик со слезами. Младшее поколение объясняет это тем, что такие смайлики уже «не модные»:

(переписка с младшей сестрой)

– 😂

– ой не надо так смеяться
надо так
хахаххаха
или
АХХАХАХАХХА
или
ХВХАЭАХАЖЫХХСЗВЭЖСХВХАЖЭС
– Почему не надо?
– ну так не надо
это по старому

Сленг становится своего рода языковым кодом при общении представителей одного поколения, а также является частой причиной возникновения трудностей в межпоколенческом взаимодействии. Это лежит в основе создания юмористического эффекта в следующем диалоге папы и сына:

(Сын): Йоу, старый, гоу флексить!
(Папа): Чего?
(С): Есть варик, на вайбе почилить!
(П): Это ты сейчас с кем?
(С): Ля, ты кринжовый! Зашквар!
(П): Мать, звони экзористу! У нас сын на латыни заговорил!
(С): Вау, капец, ты токсик! Нормас я тебя сбайтил!
(П): Я щас тебе по попе сбайтю!
(С): Да я же просто рофлю, Мэн! Че так крипово!

3. Синтаксический уровень:

Многие ученые подчеркивают идею, что социальное окружение ребенка играет ключевую роль в его овладении языком. Так, например, К.В. Солнцева придерживается мнения, что синтаксические модели детской речи схожи или даже полностью совпадают с конструкциями взрослого разговорного синтаксиса, что объясняется влиянием разговорной речи на детскую речь [5, с. 10]. Предполагается, что к началу школьного возраста все основные законы языка усвоены ребенком и дальше происходит их совершенствование и закрепление. Однако проведенные исследования в области синтаксиса детской речи позволяют выделить некоторые ее особенности:

1) эллипсис. Разговорная речь детей, так же как и взрослых, имеет стремление к экономии речевых усилий. В речи детей эллиптические конструкции используются в ситуациях диалога, при ответе на вопросы.

– *Мне красный* (при ответе на вопрос: Какой цвет карандаша нужен?).

Принцип эллиптичных конструкций лежит в такой особенности детского общения, как «ситуативная речь», т. е. коммуникативная ситуация будет понятна и адресанту, и адресату только в случае наличия у обоих фоновых знаний о предмете разговора. Если же собеседнику не понятно, о чем идет речь, то в разговоре будут присутствовать уточняющие вопросы. В речи ребенка ситуативная речь проявляется через опущение некоторых элементов высказывания, а также через использование местоимений и выражений «там», «тогда», «такой»:

– Она утащила, кот за ней, но никак не догнал.
– Кто утащила?
– Ну, лиса.

2) речевые повторы. В устной речи детей младшего возраста часто присутствуют повторы одной фразы вопросительного или повествовательного содержания с целью привлечения внимания собеседника:

– Мама, смотри, какой маленький котенок! Смотри, маленький котенок!;

3) простые нераспространенные предложения. Вероятной причиной наполненности речи детей простыми предложениями является влияние письменного онлайн-общения на устную речь. Быстрая смена деятельности, быстрота в общении приводят к упрощению синтаксических моделей. Кроме того, С.В. Мамаева и Л.С. Шмульская в своем исследовании синтаксического строя речи учащихся отмечают, что характерным его признаком является обилие односоставных предложений [3, с. 90].

– В общем | сегодня как всегда физра | в субботу мы вместе с 8 классом | ты ж помнишь | иии | нас отправили в парк | там блин эта эстафета | короче бежишь 300 м | это пол круга | и передаешь другому | на скорость | люто топить надо | и вот представь | так надо 2 раза сделать.

Таким образом, анализ речи детей на различных языковых уровнях показал как наличие типизированных конструкций, так и индивидуальное, творческое, ассоциативное использование языка. Кроме того, речь ребенка живая, динамичная, гибкая и детерминирована рядом социальных факторов, среди которых семья, школа, увлечения детей, социальные сети.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. М., 1984. Т. 4.
2. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.
3. Мамаева С.В., Шмульская Л.С. Характеристика синтаксических особенностей речевого портрета школьников-подростков // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 2. С. 89–92.
4. Милехина Т.А., Байкулова А.Н. Речевые предпочтения современных детей: влияние интернета, чужих языков и культур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 29–35.
5. Солнцева К.В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. … канд филол. наук. М., 2008.
6. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.
7. Тухарели Н.Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2001. С. 5–10. Т. 17.
8. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

* * *

1. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij v 6 t. M., 1984. T. 4.
2. Leontovich O.A. Metody kommunikativnyh issledovanij. M., 2011.
3. Mamaeva S.V., Shmul'skaya L.S. Harakteristika sintaksicheskih osobennostej rechevogo portreta shkol'nikov-podrostkov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. S. 89–92.
4. Milekhina T.A., Bajkulova A.N. Rechevye predpochteniya sovremennyh detej: vliyanie interneta, chuzhih yazykov i kul'tur // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2023. № 1. S. 29–35.
5. Solnceva K.V. Yazykovye markery rechevoj harakteristiki detskogo personazha v angloyazychnoj hudozhestvennoj proze: avtoref. dis. … kand filol. nauk. M., 2008.
6. Sternin I.A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. Voronezh, 2000.
7. Tuhareli N.L. Detskaya yazykovaya kartina mira kak predmet lingvisticheskogo izucheniya // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M., 2001. S. 5–10. T. 17.
8. Cejtlin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M., 2009.

Understand me: the child speech in the modern Russian context

The article deals with the analysis of the specific features of the child speech at the phonetic, lexical-semantic and syntactic levels. There are considered the reasons and factors, having influence on the establishment and development of the child speech.

Key words: *age-specific communication, markedness of communication, child speech, speech portrait, principle of contrastiveness.*

(Статья поступила в редакцию 16.09.2023)

Е.О. АЛЕКСЕНЦЕВА
Волгоград

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ЛИРИКЕ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО, Е.А. ЕВТУШЕНКО, Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Анализируются следующие морфологические показатели диалогичности: личные или притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица, императивы, глагольные словоформы 1-го и 2-го лица. Демонстрируются особенности их функционирования в поэзии А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского.

Ключевые слова: *диалогичность, адресат, адресант, коммуникация, идиостиль, язык поэзии, лирика.*

Поэзия второй половины XX в., в особенности творчество А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского, характеризуется «не только высокой гражданственностью звучания, но ярко выраженной диалогичностью, обращенностью к широкой аудитории» [8, с. 39]. Вслед за М.Н. Кожиной под диалогичностью мы понимаем «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [7, с. 36]. Необходимо заметить, что М.Н. Кожина признает полевую структуру категории диалогичности и определяет ее статус – «особая функциональная семантико-стилистическая категория (весьма широкого объема)» [7, с. 88]. Л.Р. Дускаева в структуре функционального семантико-стилистического поля диалогичности выделяет четыре микрополя: 1) адресации; 2) авторизации; 3) оппонента (3-х лиц); 4) оценки [3, с. 185]. По мнению ученого, именно указанные микрополя формируют описываемую категорию.

© Алексенцева Е.О., 2023

К основным средствам выражения категории диалогичности на морфологическом уровне исследователи, как правило, относят: глагольные формы 1-го и 2-го лица, личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица, императивы и др. [3, с. 167, 174–177; 6, с. 182; 8, с. 47]. Рассмотрим особенности функционирования морфологических показателей диалогичности в поэтических текстах А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского.

Материалом для анализа послужили лирические произведения А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского, написанные в разное время, входящие в разные поэтические циклы, относящиеся к разным тематическим группам. Выбор текстов обусловливался стоящей перед нами исследовательской задачей – выявить морфологические средства создания диалогичности и проанализировать их.

Так, диалогичность в произведении «Тайгой» А.А. Вознесенского получает яркое воплощение именно на морфологическом уровне (***Твои*** *зубы смелы / в них усмешка ножа / и гудят как шмели / золотые глаза! //* ***мы бредем*** *от избушки /* ***нам*** *трава до ушей /* ***ты пророчишь мне*** *взбучку / от родных и друзей.*) [1, с. 37]. В данном примере читатели становятся свидетелями романтической беседы: лирический герой восхищается внешностью прекрасной девушки, выбирая для этого достаточно необычные сравнения. Коммуникация здесь поддерживается на протяжении всего поэтического текста (семь строф) благодаря местоимениям *мы, ты*, *твои,* глагольным формам 1-го и 2-го лица (*бредем, пророчишь, не знаю, дрожишь*) [1, с. 37–38].

В стихотворении Е.А. Евтушенко «Как ты женщинам врешь обаятельно!» лирический герой упрекает адресата в лицемерии по отношению к женщинам (*Как* ***ты*** *женщинам* ***врешь*** *обаятельно! / Сколько в жестах* ***твоих*** *красоты! / Как внимательно и обнимательно, / как снимательно* ***действуешь ты****! //* ***Произносишь ты*** *речи чуть странные, /* ***напускаешь*** *дурманящий дым. / Нежность – это оружие страшное. /* ***Побеждаешь ты*** *именно им.*) [4, с. 27]. Произведение состоит из одиннадцати строф. Личное местоимение 2-го лица ед. ч. повторяется в этом тексте тринадцать раз: в финальной строфе *ты* встречается трижды, таким образом автор усиливает эмоциональность сообщения адресанта (***Ты*** *к себе преисполнен презрения. /* ***Ты*** *в осаде тех глаз.* ***Ты*** *в кольце. / И угрюмая тень преступления / на твоем одиноком лице.*) [4, с. 28]. Подобный повтор свойственен коммуникативным актам обвинительного характера. Кроме того, для создания диалогичности Е.А. Евтушенко использует притяжательные местоимения (*твоих глаз; твоего жизнелюбия; на твоем одиноком лице*), глаголы в форме 2-го лица (*действуешь, произносишь, напускаешь, побеждаешь, погладишь, влюбляешься, вживаешься, бахвалишься, поясняешь, запираешься, собираешься*) [4, с. 27–28].

Морфологические средства создания диалогичности также представлены в лирическом тексте «Творчество» Р.И. Рождественского. Произведение адресовано известному скульптору Эрнсту Неизвестному, на что указывает посвящение. Поэт восхищается мастерством художника, в руках которого камень оживает. В один миг читатели становятся свидетелями чуда (*Но вот уже / грудным, просящим криком / вся мастерская / до краев полна: / «Скорей! / Скорей, художник! / Что ж* ***ты медлишь?*** */* ***Ты не имеешь*** *права / не спешить! /* ***Ты дашь мне*** *жизнь! /* ***Ты должен.*** */* ***Ты сумеешь.*** */ Я жить* ***хочу!*** */* ***Я начинаю*** */* ***жить.*** */* ***Поверь*** *в* ***меня*** *светло и одержимо. /* ***Узнай!*** */ Как почку майскую,* ***раскрой.*** */* ***Узнай меня!*** */ Чтоб по гранитным жилам / пошла / толчками / каменная кровь. /* ***Поверь в меня!..*** */ Высокая, / живая, / по скошенной щеке / течет слеза… /* ***Смотри!*** */ Скорей* ***смотри!*** */* ***Я открываю*** */ печальные / гранитные глаза. /* ***Смотри:*** */* ***я жду*** *взаправдашнего ветра. // В меня уже вошла / твоя весна!..» / А человек, / который создал / это, /* ***стоит*** *и* ***курит*** *около окна.*) [10, с. 110–111]. Повторяясь, местоимения 1-го и 2-го лица в начале предложений создают атмосферу общения между скульптором и его творением. Многословное и эмоциональное сообщение адресанта помогает Р.И. Рождественскому сформировать образ юного, еще совсем неопытного су-

щества. Именно такой характер общения чаще всего присущ детям и подросткам. Поначалу может показаться, что художник остается безучастным, не удостоив своего молодого собеседника ответом. Однако можно заметить невербальные сигналы, с помощью которых скульптор все-таки поддерживает коммуникативный акт (*стоит и курит около окна*) [10, с. 111]. Многозначительное молчание подчеркивает мудрость художника.

Знакомясь со стихотворением А.А. Вознесенского «Лунная Нерль», читатели перемещаются на берег реки Нерль к знаменитому храму Покрова на Нерли, который автор считал «самой женственной кувшинкой русской архитектуры» [2, с. 390]. Восхищаясь прозрачной водой реки и белоснежным собором, лирический герой обращается к России, на что указывает риторическое обращение в третьей строфе (***Меня*** *пронизывают волны / высокой, голубой воды. /* ***Твои***, ***Россия****, сны и войны / и дикой девочки черты.*) [1, с. 352]. Для создания микрополей адресанта и адресата автор использует такие морфологические показатели диалогичности, как личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица (*я, меня, твои, тебя, ты, тебе, твоя*) на протяжении всего текста, а также риторические вопросы в четвертой строфе (***Кто жег тебя в татарских станах? / Чьих стай маячили крыла? / Ты*** *рано женщиною стала / и свет нелегкий обрела.*) [1, с. 352].

В качестве адресата для лирического героя в стихотворении «Трусливым добрякам» Е.А. Евтушенко выбирает собирательный образ (*Не может добрый быть трусливым. / Кто трусит – тот не так уж добр. / Не стыдно ль за себя трястись* ***вам*** */ и забывать, что смелость – долг?! // «Добро должно быть с кулаками!..» / А где же* ***ваши*** *кулаки? /* ***Вы,*** *кто зоветесь добряками, /* ***вы*** *подлецы – не добряки. // Когда друзей напрасно били, / кастетом головы дробя, /* ***вы*** *их любили? Да, любили. / Но* ***вы*** *любили… про себя.*) [4, с. 23]. Отдельного внимания заслуживает местоимение *вы* (и его падежные формы *вам, вас*) в этом произведении. Повторяясь девять раз, местоимение помогает автору сохранить эффект живого общения на протяжении всего текста, объем которого составляет шесть строф.

Глаголы в форме 2-го лица, императив в первой строфе стихотворения «Хочешь – милуй…» помогают Р.И. Рождественскому погрузить аудиторию в атмосферу непринужденного диалога (***Хочешь – милуй,*** */* ***хочешь – казни.*** */ Только будут слова / просты: /* ***дай*** *взаймы из твоей казны /хоть немножечко / доброты.*) [10, с. 283]. Личность адресата в данном случае неоднозначна: можно предположить, что адресант обращается к своему давнему другу – читателю – с просьбой решить его судьбу. Постепенно лирического героя охватывают философские мысли о доброте и ее роли в жизни людей. Казалось бы, незримый собеседник должен постепенно раствориться в сознании, а ситуация общения должна трансформироваться в пространный монолог, однако местоимения *с тобою, мы, ты* помогают поддерживать коммуникацию между адресантом и адресатом.

Ярко представлена категория диалогичности в поэтическом тексте «Нет, мне ни в чем не надо половины» Е.А. Евтушенко (*Нет,* ***мне*** *ни в чем не надо половины! /* ***Мне – дай*** *все небо! Землю всю* ***положь!*** */ Моря и реки, горные лавины / мои –* ***не соглашаюсь*** *на дележ! // Нет, жизнь,* ***меня ты не заластишь*** *частью. / Все полностью!* ***Мне*** *это по плечу! /* ***Я не хочу*** *ни половины счастья, / ни половины горя* ***не хочу!***) [4, с. 49]. Для создания микрополей адресанта и адресата автор использует преимущественно личные местоимения 1-го и 2-го лица, глаголы в форме повелительного наклонения и в форме 1-го лица ед. ч.

В «Плаче по двум нерожденным поэмам» А.А. Вознесенского читатели становятся свидетелями нестандартной ситуации: лирический герой сообщает о смерти нерожденных поэм, призывая всех посторонних на похороны (*Хороним поэмы. Вход всем посторонним.*) [1, с. 186]. Адресант скорбит по поводу неосуществленного, неродившегося, потерянного, непроявленного: он недосчитался двух горячо задуманных поэм. Все это

боль. И этой болью переполнено его сердце. Следует обратить внимание на императив *встаньте*, который не только создает на протяжении всего текста определенный ритмический повтор (повторяется шестнадцать раз), свойственный жанру плача, но и характеризует эмоциональное состояние лирического героя (***Вы,*** *люди, /* ***вы,*** *звери, / пруды, где они зарождались / в Останкине, – //* ***в с т а н ь т е! // Вы****, липы ночные, / как лапы в ветвях хиромантии, – /* ***встаньте,*** */ дороги, убитые горем, / довольно валяться в асфальте, / как волосы дыбом над городом, /* ***вы встаньте. // Раскройтесь,*** *гробы, / как складные ножи гиганта, /* ***вы встаньте –*** */ Сервантес, Борис Леонидович, / Данте,* ***вы*** *б их полюбили, теперь они тоже останки, /* ***встаньте****.*) [1, с. 186–187]. Адресант буквально требует участия от всего живого и неживого, таким образом участниками коммуникации становятся *люди*, *звери*, *липы ночные, дороги, гробы, Сервантес, Борис Леонидович* (здесь А.А. Вознесенский обращается к Б.Л. Пастернаку), *Данте*, *Член Президиума Верховного Совета товарищ Гамзатов, мама, Ландау, Коперник* и др. На морфологическом уровне диалогичность произведения поддерживается личными местоимениями 2-го лица *вы, ты* [1, с. 186–187].

Для создания микрополей адресанта и адресата в поэтическом тексте «Интересуешься искусством?..» Р.И. Рождественский использует в равной степени как синтаксические, так и морфологические средства диалогичности (***Интересуешься*** *искусством? / Великим, / дерзостным, / нескучным? / Тогда /* ***поговорим*** *о нем – / о трепетном, / о неплакатном… / Да, кстати… / Кто там с музыкантом / сидит / за угловым столом?.. / Приятно быть все время в курсе / последних новостей искусства. / Нормального. / Без громких фраз… /* ***Ты*** *слышал? / Он недавно снялся / в кино. / И сразу же зазнался. / И женится / в четвертый раз…*) [10, с. 251]. После первого прочтения может показаться, что морфологические показатели в данном примере немногочисленны. Однако более тщательный анализ позволяет сделать вывод: именно глаголы в форме 1-го и 2-го лица (*интересуешься, поговорим, могу*), личное местоимение *ты*, императивы (*гляди, слушай, вытри, отдохни*) создают микрополе адресата [10, с. 251]. Примечательно, что отсутствие таких конкретизирующих элементов, как риторическое обращение или посвящение, дает возможность читателю примерить на себя роль собеседника лирического героя.

Стихотворение А.А. Вознесенского «Из ташкентского репортажа» посвящено катастрофическому землетрясению 1966 г., в результате которого около 300 тыс. человек остались без крова [9, с. 89]. Поэт не мог оставаться безучастным к трагедии, поэтому достаточно быстро прилетел в столицу Узбекистана. Свои впечатления от увиденного А.А. Вознесенский опубликовал в газете «Комсомольская правда» 3 мая 1966 г. под заголовком «Помогите Ташкенту». Тогда текст состоял из 212 поэтических строк и двух прозаических вставок. Итоговая редакция произведения вошла в собрание сочинений поэта 1983 г.: автор существенно сократил стихотворение (до 108 строк), исключил все элементы прозы, а также изменил название (в данной работе исследуется последняя редакция). Спустя несколько лет А.А. Вознесенский писал: «Хотелось хоть как-то помочь» [1, с. 473]. Крик о помощи буквально пронизывает все стихотворение (***Помогите*** *Ташкенту! // Озверевшим штакетником / вмята женщина в стенку. //* ***Помогите*** *Ташкенту! // Если лес –* ***помоги,*** *если хлеб –* ***помоги,*** */ если есть –* ***помоги,*** */ если нет –* ***помоги!***) [1, с. 212]. Следует сказать, что императив *помогите* (*помоги*), повторяясь 18 раз на протяжении всего текста, создает основной эмоциональный тон произведения: поэт призывает своих современников помочь городу в такой тяжелый момент. Глагол в форме 1-го лица мн. ч., который использует автор в сообщении, адресованном Земле, транслирует широкой аудитории внутреннее состояние сопричастности адресанта к случившейся трагедии (***Я,*** *Земля,* ***твое*** *семя, / часть* ***твоя*** *– как рука или глаз. / В сейсмоопасное время /* ***наша*** *кровь убивает* ***нас!*** */ С материнской любовью /* ***лупишь*** *шкафом дубовым. /* ***Не хотим*** *быть паштетом. /* ***Помогите*** *Ташкенту!..*) [1, с. 212]. Диалогичность

в данном примере также представлена на морфологическом уровне личными местоимения 1-го и 2-го лица (*я, ты, мы*), притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица (*твое, твоя, наша*), глагольными формами 1-го и 2-го лица (*рожаешь, лупишь, выживаем, вызволишь, дрожишь, читаю, станешь*), императивами (*не будите, спи, погодите, будьте, напишите*) [1, с. 212–213].

В стихотворении «Карликовые березы» Е.А. Евтушенко в качестве лирического героя выступают карликовые березы, которые, вопреки всему, растут в условиях сильнейших морозов (***Мы*** *– карликовые березы. /* ***Мы*** *крепко* ***сидим,*** *как занозы / у* ***вас*** *под ногтями, морозы. // И вечномерзлотное ханство / идет на различные хамства, / чтоб* ***нас*** *пригнуть еще ниже. /* ***Вам*** *странно, каштаны в Париже? //* ***Вам*** *больно, надменные пальмы, /как вроде бы низко* ***мы пали?*** */* ***Вам*** *грустно, блюстители моды, / какие* ***мы*** *все квазимоды?*) [5, с. 293]. Безусловно, в стихотворении звучит мощный политический подтекст, неслучайно оно посвящено В.Ф. Новокшенову, давнему другу поэта, директору Ангарского атомного комбината. Именно В.Ф. Новокшенов организовывал вечера Е.А. Евтушенко во Дворце культуры «Современник», вопреки запретам на выступления поэта. В.Ф. Новокшенов считал, что «люди должны знать своих выдающихся современников независимо от того, насколько они политкорректны» [11]. Можно предположить, что за образом карликовых берез в анализируемом произведении скрываются поэты, продолжающие творить в условиях запретов и цензуры. Деревья принимают свою нелегкую судьбу: в обращении к морозам использован фразеологизм *сидим, как занозы*, подчеркивающий эмоциональный настрой адресанта. Во второй и третьей строфах происходит смена адресатов: карликовые березы задают вопросы *каштанам в Париже* и *надменным пальмам* [5, с. 293]. В данном примере необходимо отметить особую роль личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица, а также глагольных словоформ 1-го и 2-го лица: морфологические средства создания диалогичности помогают поддержать коммуникативную связь между адресантом и адресатами, созданную поэтом в начале произведения, до самого финала.

Парни с поднятыми воротниками привлекают внимание лирического героя в одноименном стихотворении Р.И. Рождественского. Необходимо признать, что диалогичность в данном примере зарождается на синтаксическом уровне благодаря риторическому обращению (*парни с поднятыми воротниками*), однако сохраняется она главным образом на морфологическом уровне (*Что подать* ***вам?*** */* ***Я не знаю*** *сам. / Завлекают* ***вас*** */ ковбоями и твистами, – /* ***вам*** *давно уже / поднадоел твист. /* ***Вы покуриваете*** */ и* ***посвистываете,*** */ независимый* ***делаете*** *вид. / Может, / девочек* ***ждете?*** */ Да навряд ли! Вон их сколько – / целые стада.*) [10, с. 253]. Так, местоимение *вы* (в том числе его формы *вам, вас*) повторяется на протяжении всего текста четырнадцать раз. Следует также отметить глаголы в форме 2-го лица (*не знаете, не хотите знать, стоите, покуриваете, посвистываете, ждете, ожидаете*), императив *постойте* [10, с. 253]. Указанные средства помогают автору воссоздать ситуацию живого общения.

Читая стихотворение «Шафер» А.А. Вознесенского, становишься свидетелем личной драмы: лирический герой замечает печальное настроение, предположительно, шафера, на это указывает название произведения (*Сосед, в* ***тебе*** *все сметено / отчаянно-чудным значеньем. /* ***Ты*** *счастлив до дьявола, но / слагается слово: плачевно. // Допрыгался, дорогой. /* ***Наяривай*** *вина и закусь. / Вчера, познакомясь с четой, /* ***ты*** *был им свидетелем в загсе.*) [1, с. 221]. Здесь диалогичность получает яркое воплощение на морфологическом уровне: именно повторяющееся местоимение *ты* (*тебя*) позволяет автору сохранить микрополе адресанта в сознании читателя практически до самого финала. Кроме того, коммуникацию между лирическим героем и *соседом* поддерживают глагольные словоформы *не сможешь*, *выйдешь* (третья и четвертая строфа), а также императив *наяривай* [1, с. 221].

Проведенный анализ показал, что морфологические средства создания диалогичности используются в поэзии А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского довольно активно и являются важным компонентом идиостилей авторов. Анализируемая категория в поэзии шестидесятников получает яркое выражение на морфологическом уровне, прежде всего, через местоимения 1-го и 2-го лица (личные или притяжательные), императивы, а также глагольные словоформы 1-го и 2-го лица.

Список литературы

1. Вознесенский А.А. Собрание сочинений. В 3-х т. М., 1983. Т. 1.
2. Вознесенский А.А. Стихи. Поэмы. Переводы. Эссе. Екатеринбург, 1999.
3. Дускаева Л.Р. Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь, 1998. С. 166–186. Т. 2. Ч. 2.
4. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений. В 9 т. М., 2015. Т. 4.
5. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений. В 9 т. М., 2016. Т. 5.
6. Кожина М.Н. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н. Кожиной. Пермь, 1998. Т. 2. Ч. 2.
7. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
8. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в лирических произведениях (На материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского) // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 46–50.
9. Лекманов О. «Помогите Ташкенту» Андрея Вознесенского: от отрывков к конспекту // Знамя. 2023. № 2. С. 189–194.
10. Рождественский Р.И. Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе. М., 2018.
11. Сергеева И. НАШ ЕВТУШЕНКО. Ангарск стал городом, который первым принимал запрещенного поэта [Электронный ресурс] // Ангарские ведомости. 2017. URL: http://ангарскиеведомости.рф/news/v-svezhem-nomere/617-наш-евтушенко-ангарск-стал-городом,-который-первым-принимал-запрещённого-поэта (дата обращения: 04.08.2023).

* * *

1. Voznesenskij A.A. Sobranie sochinenij. V 3-h t. M., 1983. T. 1.
2. Voznesenskij A.A. Stihi. Poemy. Perevody. Esse. Ekaterinburg, 1999.
3. Duskaeva L.R. Dialogichnost' kak funkcional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya // Ocherki nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka HVIII–HH vv. Perm', 1998. S. 166–186. T. 2. Ch. 2.
4. Evtushenko E.A. Sobranie sochinenij. V 9 t. M., 2015. T. 4.
5. Evtushenko E.A. Sobranie sochinenij. V 9 t. M., 2016. T. 5.
6. Kozhina M.N. Kategorii nauchnogo teksta: funkcional'no-stilisticheskij aspekt // Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka HVIII–XX vv. / pod red. M.N. Kozhinoj. Perm', 1998. T. 2. Ch. 2.
7. Kozhina M.N. O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi. Perm', 1986.
8. Kolokol'ceva T.N. Dialogichnost' v liricheskih proizvedeniyah (Na materiale poezii A. Voznesenskogo, E. Evtushenko, B. Okudzhavy, R. Rozhdestvenskogo) // Russkij yazyk v shkole. 2017. № 11. S. 46–50.
9. Lekmanov O. «Pomogite Tashkentu» Andreya Voznesenskogo: ot otryvkov k konspektu // Znamya. 2023. № 2. S. 189–194.
10. Rozhdestvenskij R.I. Sobranie stihotvorenij, pesen i poem v odnom tome. M., 2018.
11. Sergeeva I. NASh EVTUShENKO. Angarsk stal gorodom, kotoryj pervym prinimal zapreshchyonnogo poeta [Elektronnyj resurs] // Angarskie vedomosti. 2017. URL: http://angarskievedomosti.rf/news/v-svezhem-nomere/617-nash-evtushenko-angarsk-stal-gorodom,-kotoryj-pervym-prinimal-zapreshchyonnogo-poeta (data obrashcheniya: 04.08.2023).

The morphological means of the creation of the dialogueness in the lyric poetry by A.A. Voznesensky, E.A. Evtushenko and R.I. Rozhdestvensky

The article deals with the analysis of the following morphological indicators of the dialogueness: the personal and possessive pronouns of the first and second person. The specific features of their functioning in the poetry by A.A. Voznesensky, E.A. Evtushenko and R.I. Rozhdestvensky are demonstrated.

Key words: *dialogueness, addressee, addressant, communication, individual style, poetic language, lyric poetry.*

(Статья поступила в редакцию 01.09.2023)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.Е. ЗАВЬЯЛОВА
Астрахань

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РАССКАЗА А.В. КОРОЛЁВА «ЛЕСЕНКА В НЕБО»

Выявляются особенности рассказа А.В. Королёва «Лесенка в небо» (1981 г.), позволяющие писателю утвердить мысль об уникальности антропологического пространства: авторские стратегии, нарративная структура, художественная специфика моделей топоса, стилистические приемы и средства выразительности.

Ключевые слова: *антропологическое пространство, проблематика, поэтика, топос, эвристика.*

Рассказ А.В. Королёва «Лесенка в небо» впервые опубликован в сборнике серии приключений и фантастики уральских издательств «Поиск» в 1981 г. [6], адресованном в первую очередь юношеской аудитории. Изящная, ироничная, добрая миниатюра заключает мощный философский потенциал. Ее проблематика, художественные особенности, объем, наконец, позволяют эффективно использовать материал в школьной программе.

Кратко передадим содержание произведения. Инопланетный корабль теряет управление и приземляется; пилот умер. Ракета наделена искусственным интеллектом, она принимается искать мыслящее существо: с его помощью можно построить «лесенку в небо». Генератор умеет преобразовывать ток мыслей (сила поддается измерению: «фэн – единица мощности воображения» [3, с. 346]). Если представить взмывающий высоко вверх предмет, усиленный специальным устройством, образ «пробьет Туннель через Вечность» [3, с. 343], по которому космический корабль сможет вернуться обратно. Руководствуясь приемами научно-фантастической прозы, А.В. Королёв последовательно развертывает почти стертую метафору «полет фантазии» [3, с. 343].

Первым разумным существом, встреченным «пришельцем» на планете, оказывается четвероклассник Негодник (так именует его бабушка, к которой тот приехал на каникулы, примечательно, что настоящего имени мы не узнаем). Мальчик наделен качествами среднестатистического школьника того времени: хитрит, грезит о приключениях, робеет перед учительницей, враждует с местным хулиганом, тайно любит девочку из параллельного класса. Содержание его карманов являет собой стандартный набор ребячьих драгоценностей начала 1980-х: «коробок с гусеницей, монетка, металлический шарик, значок “Ну, погоди!”, перочинный ножик» [3, с. 343–344].

О том, что автор симпатизирует своему герою, свидетельствует большое количество уменьшительно-ласкательных суффиксов, использованных в характеристиках (ладошка [3, с. 339, 344], кармашек [3, с. 344], курточка [3, с. 344] и т. п.). Робота, представившегося Фантомасом, мальчик называет то Фантиком, то Чучелом, лестницу – лесенкой.

Негодник легко идет на контакт с инопланетянином, но начинает использовать аппарат в своих целях, поскольку воспринимает все происходящее как игру. Интуитив-

© Завьялова Е.Е., 2023

но почувствовав, что устройство способно материализовать фантазии, ребенок включает воображение на полную мощность. Сначала дом бабушки начинают осаждать кровожадные пираты во главе с давним врагом – двоечником Лёхой Шиной. Ракета отключает генератор – мир обретает реальные контуры. Потом мальчик приводит Фантомаса со связанными нейлоновым шнуром манипуляторами к подъезду своей дамы сердца. Здесь начинают воплощаться «фантазии обоих соперников» [3, с. 344], и четвероклассники сражаются, превращая себя в легионеров, ковбоев, снайперов. Появление на балконе Таньки Полухиной прекращает битву, позволяет Чучелу высвободиться и заглушить генератор. По закону троекратного повтора запуском заканчивается следующая попытка, перед которой инопланетянин помогает мальчику осознать действенность, эффективность своих мыслительных операций.

Перед развязкой Негодник вершит добрые дела: силой воображения чинит часы с кукушкой, швейную машинку и бабушкины очки (снова троекратный повтор). После этого Чучело решается открыть правду: «Мой товарищ погиб, генератор мне не подчиняется, запас энергии на исходе… Только ты мне можешь помочь» [3, с. 348]. Мальчик легко представляет «лесенку в небо»; пока бортовой генератор продолжает действовать на расстоянии, творит еще несколько чудес: переносит и укладывает стопкой высохшее белье с чердака, доращивает на грядках овощи, помогает доспеть фруктам… Чучело улетает, сетуя на судьбу: «Дети даны далеко не всем мирам, и я остро позавидовал Земле, где есть дети» [3, с. 348].

Несмотря на кажущуюся простоту, рассказ представляет весьма сложный нарратив: повествование ведется от лица ракеты, способной читать чужие мысли. Столкнувшийся с Негодником Чучело доверчиво воспринимает весь тот набор «знаний», который содержится в голове четвероклассника: «…на земле есть муравейники, мухоморы, футбольные мячи, государства, двойки, ковбои, йоги, шпионы, хунты, кеды, веснушки, битлы, револьверы, лазеры, бомбы, джинсы, наглядные пособия, следы космических пришельцев и снежный человек» [3, с. 338]. Просканировав мозг, робот легко может перейти на язык аборигенов, учитывает психологические нюансы: «Хелло, чувак, – сказал я на мальчишеском жаргоне, стараясь придать своему голосу мужественную хрипловатость стреляного ковбоя» [3, с. 339]. Временами интонации ракеты явно напоминают манеру землянина-взрослого («“Молодец”, – похвалил я…» [3, с. 339]; «“Ты молодец”, – фальшиво сказал я, стараясь перехватить инициативу» [3, с. 343]; «“Вот видишь, стоит только по-настоящему захотеть”, – нравоучительным тоном сказал я» [3, с. 347]). В ряде случаев вводится несобственно-прямая речь других героев-детей, бабушки. Все это образует причудливый сплав.

Нарратор-персонаж обладает высочайшим потенциалом электронного разума. И описание увиденного им в диком лесу слабо соотносится с представлениями о системном мышлении машины начала 1980-х гг.: «Древние сладкие запахи поднимались с земли. В них мерещилось близкое море. В небе лучилась тихая желтая звезда. Ветер нес запах лесной смолы. В голове стоял пустой ноющий звон. Я летел наугад над чужим миром, который, как и тысячи других, не отмечен разумом. Молчит. Испуганные моим полетом, пернатые взмывали из зарослей исполинской травы» [3, с. 337]. Автор заставляет читателя поверить, что эти переживания испытывает живое существо. Он употребляет нехарактерные для вычислительного мышления глаголы «мерещиться» (т. е. казаться, возникать в воображении [1, с. 467–471]), «догадаться» (напасть на правильную мысль), наречие «наугад» (не знать заранее о правильности своих действий). В чем-то А.В. Королёв предвосхищает достижения XXI в.: сегодня AI-комплекс способен различать запахи и имитировать работу обонятельной системы человека [5], поэтому сладость моря, терпкость лесной смолы нейроморфный процессор имеет возможность распознать. С помощью рекурентной нейросети и вживленных электродов ученые научились улавливать нервные сигналы в головном мозге человека и транслировать их в по-

нятные слова [5]. Способность «пришельца» читать мысли уже не представляется настолько фантастической.

Но даже новейшая нейросеть не в состоянии сгенерировать художественный текст, содержащий густой экстракт из литературных книжных слов («взмывать», «лучиться», «исполинский»), удачных синестетических эпитетов («древние… запахи», «тихая… звезда», «пустой… звон» [3, с. 337], «спелый… смысл» [3, с. 338], «душная темнота» [3, с. 339], «вязкое тепло» [3, с. 339]), смелых сравнений. Указание на ощущения «в голове стоял… звон» [3, с. 337], «вздрогнул» [3, с. 340], «мое бронированное тело стало наполняться вязким теплом» [3, с. 340], а также фразы «изумленно оглядел меня с ног до головы» [3, с. 338], «на груди» [3, с. 344] подкрепляют представление об антропоморфностидиегетическом повествователе. Сама «мыслящая ракета» соотносит себя с умудренным опытом взрослым: «“Ай-яй-яй, Негодник! – сказал я. – Неужели можно провести меня – старое мудрое Чучело по прозвищу Фантомас!”» [3, с. 344]. Временами летательный аппарат настолько явно выделяется своей интеллектуальной инаковостью, что начинает напоминать противостоящего толпе романтического героя.

Сначала робот напуган, ему кажется, что на планете нет разумных существ. Он сканирует муравейник – тишина. Улавливает нечленораздельные волны панического ужаса схваченной хищником мыши. Изображение животного мира далеко от идиллического: «В суете загадочной жизни не шевелилось ни одной мысли, все заглушал стук коготков, писк жадных глоток, скрип челюстей» [3, с. 337]. Описание содержит аллюзию на стихотворение Н.А. Заболоцкого «Лодейников в саду»: «Жук ел траву, жука клевала птица, / Хорек пил мозг из птичьей головы, / И страхом перекошенные лица / Ночных существ смотрели из травы…» [2, с. 169]*.

Передавая впечатление, производимое на Чучело Негодником, А.В. Королёв уравнивает характеристики разного порядка. Этот прием демонстрирует, с одной стороны, неосведомленность пришельца, с другой – равновеликость далеких понятий в детском сознании: «Оказывается, у него были не только кеды, брюки, карманы, глаза, царапины, велик в сарае, но еще и насморк» [3, с. 340]. Как отмечают Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева, «в общей системе антропологических топосов, дифференцируемых по возрастному признаку, наиболее универсальным и одновременно нейтральным является “срединное” пространство – пространство зрелого возраста, а художественно маркированными выступают пограничные топосы детства и старости» [8, с. 188]. Симптоматично, что на топос детства в рассказе накладывается топос старости, возникает своеобразное стереоскопическое восприятие набегающего пространства, наделенного функциями оберега [7, с. 51]: «В доме были пол, потолок, половицы, половики, подпол, кровать, самовар, мышеловка, мясной пирог, икона, кошка-копилка, телевизор» [3, с. 337]. Эффект усиливается с помощью звуковых повторов («*пол*, *по*т*ол*ок, *поло*вицы, *поло*вики, *под*п*ол*», «*ико*на, *ко*шка-*ко*пилка»).

Детские фантазии воссоздаются ярко, динамично, А.В. Королёв обращается к приемам сюрреалистической поэтики. Приведем два показательных примера. «Лица пиратов бурлили, как кипящий бульон, с головокружительной быстротой меняя один облик на следующий. На глазах злобная рожа продиралась сквозь сотню других, застывала на миг в жутком оскале, пока не сменялась новой, еще более зловещей физиономией» [3, с. 341]. «В сражении как с той, так и с другой стороны приняли участие полупрозрачные и невесомые, озвученные и нет, твердые и текучие гладиаторы, красноармейцы, хоккеисты, мушкетеры, скелеты с пистолетами, гоплиты, снайперы, легионеры, летчики на самолетах и прочие… Фигуры возникали из воздуха, целились, стреляли, натягивали лук, бросали бомбы, рубились туманными мечами, толкались, разбивались, как стекляшки, разваливались, как кубики, спорили, кто “жив”, а кто “убит”, дразнились, показывали

* Подтверждением цитации служит отрывок из позднего романа А.В. Королёва «Хохот», в котором автор комически переиначивает тот же фрагмент [4, с. 49].

друг другу “фигушки”» [3, с. 345]. Значимая деталь: ни Негодник, ни Шина «не знают, что такое смерть» [3, с. 342], поэтому их сражения носят вполне безобидный характер, пули разбиваются, «как капли дождя» [3, с. 342].

Особый юмористический колорит придают рассказу стилистические диссонансы – следствие смешения нескольких лексических пластов – школьного сленга, уличного жаргона, терминологии эпохи Великой Отечественной войны, цитат из приключенческой и детективной литературы. Этот эклектизм точно, достоверно воссоздает мир детских интересов. Наивность, непосредственность ребенка передается в его фантазиях: когда, например, пираты начинают скандировать голосом учительницы физкультуры или толпой скачут на одной ножке, твердя дразнилку.

Образ роботизированного зондирования помогает писателю утвердить мысль об уникальности антропологического пространства. Мыслящая ракета покидает планету, потрясенная тем, что дар воображения здесь расхожая монета. Идея произведения очевидна: А.В. Королёв восхищается неистощимой фантазией ребенка, говорит о неповторимости природы человека, способного осуществлять прорыв в области неизведанного, о хрупкости земного мира.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.

2. Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. Е. Заболоцкая, Н. Заболоцкий. М., 1983. Т. I.

3. Королёв А.В. Лесенка в небо // А.В. Королёв. Блюстители неба. Пермь, 1992. С. 336–350.

4. Королёв А.В. Хохот: роман. М., 2018.

5. Левин М. Итоги 2020 года: самые интересные AI-решения и проекты [Электронный ресурс]. URL: http://orion-int.ru/novaya-statya-itogi-2020-goda-samye-interesnye-ai-resheniya-i-proekty/ (дата обращения: 21.03.2023).

6. Поиск-81. Приключения. Фантастика. Сборник: повести и рассказы / сост. А.М. Домнин. Пермь, 1981.

7. Савина Л.Н. Формирование у учащихся понятия о категории художественного пространства в процессе школьного изучения литературы // Грани познания. 2022. № 1(78). С. 50–52.

8. Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Топос детства в поэзии Веры Павловой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9–10(104). С. 188–192.

* * *

1. Apresyan Yu.D. Novyj ob”yasnitel’nyj slovar’ sinonimov russkogo yazyka. M., 1997.

2. Zabolockij N.A. Sobranie sochinenij: v 3 t. / sost. E. Zabolockaya, N. Zabolockij. M., 1983. T. I.

3. Korolyov A.V. Lesenka v nebo // A.V. Korolyov. Blyustiteli neba. Perm', 1992. S. 336–350.

4. Korolyov A.V. Hohot: roman. M., 2018.

5. Levin M. Itogi 2020 goda: samye interesnye AI-resheniya i proekty [Elektronnyj resurs]. URL: http://orion-int.ru/novaya-statya-itogi-2020-goda-samye-interesnye-ai-resheniya-i-proekty/ (data obrashcheniya: 21.03.2023).

6. Poisk-81. Priklyucheniya. Fantastika. Sbornik: povesti i rasskazy / sost. A.M. Domnin. Perm', 1981.

7. Savina L.N. Formirovanie u uchashchihsya ponyatiya o kategorii hudozhestvennogo prostranstva v processe shkol'nogo izucheniya literatury // Grani poznaniya. 2022. № 1(78). S. 50–52.

8. Tropkina N.E., Ryabceva N.E. Topos detstva v poezii Very Pavlovoj // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 9–10(104). S. 188–192.

The heuristic potential of the anthropologic space: problematics and poetics of the story "A Ladder to the Sky" by A.V. Korolev

The article deals with the peculiarities of the story "A Ladder to the Sky" by A.V. Korolev (1981), that allowed the writer to confirm the idea of the uniqueness of the anthropologic space: the author's strategies, the narrative structure, the fictional specifics of the topos' model, the stylistic devices and means of the expressiveness.

Key words: *anthropologic space, problematics, poetics, topos, heuristics.*

(Статья поступила в редакцию 19.11.2023)

Р.М. ХАНИНОВА
Элиста

СОМНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КАЛМЫЦКОЙ ЛИРИКЕ XX – НАЧАЛА XXI в.*

Актуальность и новизна статьи определены неизученностью онейрической тематики в калмыцкой лирике XX – начала XXI в. Рассмотрено сомническое пространство калмыцкой лирики XX – начала XXI в. на репрезентативных примерах в аспекте поэтики, семантики, символики сновидения.

Ключевые слова: *калмыцкая лирика, сомническое пространство, сюжет, семантика, символика.*

Онейрический аспект в калмыцкой лирике XX – начала XXI в. не был объектом и предметом исследования. Отдельные наблюдения над сновидческими сюжетами в басне Гари Шалбурова «Өтнә зүүдн болн занин инәдн» («Сон червяка и слоновий смех», 1939) [35, х. 2], в колыбельной песне калмыцких поэтов, в стихотворении Давида Кугультинова «Зүүдн» («Сновидение», 1974) [24, х. 104–106], в русском переводе под названием «Сон в замке» с жанровым определением «баллада» [4, с. 14], в легенде Николая Хатуева «Зүүдн» («Сновидение») [30, х. 52–53], в стихотворении Алексея Балакаева «Нөөрсәд унтсн саамла (Зүүдн)» («Во время сна (Сновидение)», 1944) [16, х. 3] пред-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (№ госрегистрации: 123021300198-4).

The reported study was funded by government subsidy – project "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China" (state registration number: 123021300198-4).

© Ханинова Р.М., 2023

ставлены в наших недавних статьях [7, с. 185–189; 8, с. 393–408; 9, с. 187–203; 10, с. 296–303; 11, с. 320–333].

В жанровой парадигме у калмыцких поэтов онейрический дискурс прослеживается в балладе, басне, колыбельной песне, легенде, чаще в лирических жанрах малой формы. Есть репрезентативные тексты, в названиях которых заявлены распространенные сомнические маркеры: «Зүүдн» («Сновидение»), «Зүүдндән» («Во сне»), а также маркеры с уточняющими деталями: *кто приснился* («Зүүдндм орсн үүрм» = «Друг во сне явился» Д. Кугультинова), *кому снится* («Өтнә зуудн болн занин инәдн» = «Сон червяка и слоновий смех» Г. Шалбурова), *когда снится* («Би өрлә зүүд үзүв» = «Увидел утром сон» Аксена Сусеева), *какой сон* («Әәмшгтә зүүдн» = «Страшный сон» Д. Кугультинова), *сколько сновидений с их толкованием* («Мини hурвн зүүдн; Зүүднә хәрүлц» = «Мои три сна. Толкование сна» Андрея Джимбиева), *сон с посвящением* («Зүүдндән: М.Ю. Лермонтовд» = «Во сне: М.Ю. Лермонтову» Тимофея Бембеева). Кроме того, встречаются стихи с названиями, в которых не отражена тема сна и сновидения, но есть также сновидческий сюжет. Например, у Михаила Хонинова: «Зүркнә зев» = «Сердечная ржавчина», «Әдл юмб» = «Как похожи…», «Алдр нер көөшгов» = «Не гонюсь за славой», «Зун занин чидл» = «Сила ста слонов».

В тематическом плане сновидческие сюжеты имеют различные ракурсы: исторический, политический, сатирический, семейный, любовный, дружеский, мистический, страшный, литературный и др.

Так, историческая тематика представлена в стихах 1940-х гг. Басанга Дорджиева и Алексея Балакаева, отразивших сон о родине в сибирской ссылке. В первом случае сомническое пространство – город Элиста, столица Калмыкии, которого уже нет на географической карте из-за упразднения и переименования в период сталинских репрессий: «Зүүдндән» («Во сне», 1942–1944) [20, х. 40–43]. Воспоминания об Элисте прерывает утреннее пробуждение сновидца, характеризующего свой сон как щемящий, гнетущий: «шарклата зүүдиг тоолув» [20, х. 42]. Он спешит зафиксировать сновидение в своем стихотворении, в котором признается, что Элиста никогда не забудется, вопрошает, когда он ее увидит. Поскольку рама стихотворения включает разное время (1942 и 1944 гг.) и топос (Астрахань и п. Сарала в Хакасии), т. е. время пребывания в госпитале после боевого ранения и сибирскую ссылку, то в контексте сновидение можно отнести к типу повторяющихся снов. Кроме того, это метатекст.

Во втором случае сомническое пространство построено на антитезе сибирская деревня – калмыцкая степь. Подростку снится осенней ночью жаркая родина, он мечтает вернуться домой, а пробуждение возвращает его в суровую реальность: «Нөөрсәд унтсн саамла (Зүүдн)» («Во время сна» («Сон»), 1944) [16, х. 3]. Стихотворение начинается с экспозиции, конкретизирующей дату сна – 12 ноября («ноябрин арвн хойрт»), само сновидение определяется как особенное («соньн»), которое автор поясняет, пересказывая его содержание. Граница между сном и явью детализируется физически: юноша, внезапно вздрогнув, проснулся («генткн чочад серхләм»), лежа под одеялом; темпорально: в доме темно; географически: в холодном сибирском краю; эмоционально: заболело сердце; заплакал горючими слезами, вспомнив калмыцкую степь; переживал, вспоминая радостный сон. Рама стихотворения во втором варианте включает место и дату написания: д. Красный Яр, 1944 ж.

К этой группе примыкает стихотворение Раисы Шургановой «Мукукен» (2013), в котором воспроизводится повторяющийся сон ее отца об умершей в сибирской ссылке маленькой сестренке по имени Мукукен [14, с. 50]. Топос сновидения – сибирская тайга, в которой навеки остались умершие в ссылке калмыки, взрослые и дети. Белое платье девочки – символ ее невинности и чистоты, а также снега в сибирской ссылке.

В стихотворении Анатолия Кукаева «Зүүдн» («Сон», 1975) мальчику снится погибший на войне отец, топос сновидения охватывает Украину, где воевал отец, и родной

край [27, х. 103]. Текст начинается с конкретизации времени сновидения (под утро), его характеристики как особенного сна («Өвәрц зүүдн»). Во сне пришедший отец говорит сыну о том, что погиб на войне, захоронен в украинской земле, призывает людей не забывать о войне, тут же в подтверждение его слов слышатся разрывы снарядов, видятся улицы с плачущими, кричащими людьми. Вместе с ними бежит, спотыкаясь, сновидец, зовет на помощь отца. Возвращение в реальность происходит через прикосновение материнской руки, мать, жалея сына, говорит, что он зовет отца, как будто тот может вернуться. Она, показывая ему пожелтевшее извещение, вновь читая при свете лампы, подтверждает, что отец погиб. Лирический субъект задается вопросом: почему через тридцать лет ему снятся погибший отец и плачущая мать, что означают эти сны. И приходит к выводу, что увиденное и пережитое в детстве особенно запоминается, и то, что приходит во сне, нежит сердце. Ср. в переводе В. Стрелкова: «Отцов погибших / Будут их сыны / Во снах встречать, / В сердцах носить / Навеки!» [6, с. 9]. Ср. этот сюжет с другим сюжетом в одноименном кукаевском стихотворении (1982), в котором лирическому субъекту снится детство, когда он, босоногий мальчик, держит маму за руку, бежит рядом. Обласканный матерью, он собирает в степи цветы и дарит ей. Интересна авторская интенция: когда сновидец, чувствуя, что сон заканчивается, еще крепче держится за материнскую руку, надрывно плача: «Зүүдн намаг орндм хаяд, / Зулад һарч йовх саамла, / Экән һартаснь чаңһар атхад, / Экрәд уульҗ би дахнав» [26, х. 21]. Но ему не удается продлить сон, видится только удаляющийся материнский любящий взгляд. И тогда ему хочется, как ребенку, остановить мать, ухватившись за ее подол. Он встает с кровати, ищет мать, глубоко вздыхая. Сомническое пространство здесь – возвращение взрослого человека в детство к молодой тогда матери, личная память.

С этим сновидческим сюжетом перекликается стихотворение Егора Буджалова «Зүүдн» (1999), в котором размышления лирического субъекта связаны с тем, что ему часто снится мать, и он пытается понять, проснувшись, почему она приходит ему в снах, что хочет этим сказать, совершает ли он ошибки или правильно поступает. Это повторяющийся сон: «Давсн зүүдн / орвад ирнә» [19, х. 41], в котором мать смотрит на сына любящим взглядом.

Политические сюжеты стихотворений «Би өрлә зүүд үзүв» = «Увидел утром сон» (1963) А. Сусеева, «Зун занин чидл» = «Сила ста слонов» (1964) М. Хонинова определены современной им действительностью 1960-х гг. У А. Сусеева – это кубинская революция, ее вождь Фидель Кастро, Куба как младшая сестра советской страны, противостояние кубинцев американцам [29, х. 20]. Соответственно, топос сновидения в контексте – остров Куба, США, СССР. Утренний сон, в котором на калмыцком коне мчится Ф. Кастро в дагестанской бурке рядом с Окой Городовиковым по калмыцкой степи под ленинским знаменем, после пробуждения сновидца становится продолжением диалог с сердцем, говорящим, что, несмотря на дальнее расстояние, Фидель – любимый близкий друг: «Хол болвчн Фидель / Хәәртә өөрхн иньг!» [29, х. 20].

У М. Хонинова – это Третья Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 г., с планом построения коммунизма в СССР на 1961–1980-е гг., поэтому сновидческое пространство определяется темой: Москва, советская страна, чаемая страна Бумба из калмыцкого эпоса «Джангар», в вещественном выражении – книга с партийной программой, ведущая разговор со сновидцем, обещающая ему силу ста слонов [33, х. 74–78]. После пробуждения сновидец в избытке чувств целует эту книгу, радуясь тому, что это не сон: «Зүүдн биш» [33, х. 78], повторил это сто раз. Смысл стихотворения обусловлен, с одной стороны, тем, что автор – коммунист, с другой – верой советских людей в строительство нового общества: книга-программа как побуждение к действию.

Сатирическая амплитуда сновидческих сюжетов касается как военно-политических, так и трудовых, семейных тем. Так, червяк из басни Г. Шалбурова заснул в мусоре, и при-

снился ему сладкий сон: «Нөөртнь / *Әмтәхн зүүдн* орж», настоящий рай: «зүүдн / Йоста *таралң* болна!» [35, х. 2]. Определение *сладкого сна-рая* обусловлено тем, что червяку приснилась богатая страна слона, этот изобильный, большой край понравился сновидцу. Под впечатлением сна червяк сразу отправился в слоновью страну. Его бахвальство перед слоном (объединить земли, стать защитником, иначе великан погибнет) закончилось тем, что в ответ слон расхохотался, от этого хохота сотряслась земля, а червяк лопнул. Несмотря на то что басенный топос обычно не имеет конкретного обозначения, время создания произведения – 1939 г., предвоенный период, басенная мораль в конце текста: предостережение врагам родины. Символика персонажей очевидна. Любопытно, что автор задался вопросами: в чем смысл сна червяка, если перевести с языка насекомого его содержание и передать людям на калмыцком языке. Если читатели согласны, то он пояснит мысли червяка, т. е. перед нами метатекст, передающий создание произведения.

Сатирическая направленность стихотворения Т. Бембеева «Зүүндән» (1962) касается тех, кто отваживается критиковать начальство только во сне [17, х. 24], сновидческое пространство ограничивается трудовым собранием коллектива на рабочем месте.

Семейная проблематика в стихотворении М. Хонинова «Зүркнә зев» («Сердечная ржавчина», 1975) касается отношений мужа и жены [34, х. 4]. Поэт сравнил эту ситуацию с тем, когда верблюдица отказывается от своего верблюжонка. Друг толкует сновидение о семейной женской деспотии как позорное и стыдное для мужчины, не способного сохранить семью и детей.

К мистической тематике можно отнести стихи Д. Кугультинова «Зүүндм орсн үүрм» («Друг во сне явился», 1945) и «Зүүдн» (1974). В первом сюжете появление покойного друга во сне определяет сомническое пространство бытия-небытия, жизни-смерти, творчества как рождение произведения из небытия. При этом само сновидение не воспроизводится, а констатируется: «Зүүндм орсн үүрм / Зүркнәм чивһс көндәв» [25, х. 58], т. е. приснившийся друг затронул струны сердца сновидца. Ср. в переводе Н. Матвеевой: «Мне нынче друг во сне / явился снова; / Он тронул сердце, / ушел назад» [3, с. 109]. У автора – это единичное, а не повторяющееся сновидение. Ср. мотив вины перед другом в стихотворении-сновидении «Зүүдн» (1969) Владимира Нурова, в котором есть слезы покаяния: мокрая подушка при пробуждении [28, х. 115]. Здесь нет локализации сомнического пространства в конкретизации места событий (друг прошел мимо, не глядя, не здороваясь), причин размолвки, но есть временная протяженность (в течение дня). Во втором кугультиновском сюжете посещение средневекового замка в Словакии, ночевка в нем вызывают у гостя сновидение о призраке рыцаря, с которым сновидец вступает в диалог философского плана [24, х. 104–106], пространство сновидения, таким образом, захватывает столетние события, локализуясь в спальне замка (см. подробнее в нашей статье: [11]).

У Т. Бембеева мистическая встреча во сне с М.Ю. Лермонтовым, радушно принимающим в ряды полка калмыцкого поэта, являет литературную перекличку в диалоге культур («Зүүндән» = «Во сне», 1969). Хотя сомническое пространство не имеет конкретного географического обозначения, скорее всего, это Северный Кавказ, где служил, находясь в южной ссылке, русский поэт, т. к. завершение сна сопровождалось звуками выстрелов, от чего сновидец, вздрогнув, проснулся в холодном поту: «Хард-таш болад эргнд, / Хар көлстә өсрәд серҗәнәв» [18, х. 4].

Стихотворение Николая Хатуева «Зүүдн» (2013) основано на калмыцкой легенде о том, как неверное толкование сновидения влечет за собой непредвиденные последствия, опасные для сновидца, рассказавшего сон несведущим людям [30, х. 52–53]. Этот сон нельзя отнести к типологии вещего сновидения, т. к. молодой замужней женщине приснилось, что ее груди кусают волчата, а ученики в хуруле растолковали ей сон как трагический: на обратной дороге ее съедят волки, что и случилось. На самом деле, как сказал буддийский священник-гелюнг, узнав об этом сновидении и прочитав в соответствующей книге толкование, это означало, что в следующем году у женщины должны были

родиться два мальчика-близнеца. Так магия неверного толкования сновидения обернулась бедой. В начале стихотворения сон подробно не передан, обозначен как *кошмар*, который захотела прояснить женщина, для чего пошла в хурул: «*Хар дарсн сөөнәк зүүдән* / Хәрүһинь хурлд медүлхәр одна» [30, х. 52]. Повествование завершается народным предостережением о том, что сон нельзя всем рассказывать, спрашивать его смысл у всех, поскольку сновидение надо в себе сохранять, помолившись, трижды сплюнуть. Вероятно, для того, чтобы кошмар не сбылся. В сюжете – мирское и религиозное понимание символики сна.

К типологии «страшного сна» относятся стихотворения для детей Д. Кугультинова: «Әәмшгтә зүүдн» («Страшный сон», 1970), в котором сомническое пространство связано с домом и школой для шестиклассника Бориса, забывшего во сне свое имя и пытающего узнать, как его зовут [23, х. 4]; «Сон Санджи» (1988) являет сновидение, в котором мальчику снятся листы порванной его братом книги, типографские свинцовые буквы, ведущие с ним разговор о том, как создается книга, которую надо беречь [5, с. 289–295]. В «Әәмшгтә зүүдн» мальчик вскрикнул во сне, мама, тронув его за плечо, разбудила, сочувственно спросив: «Хар дарву?» [23, х. 4], т. е. «Кошмар?». Мальчику снится странный, удивительный сон («акад зүүдн») о потерянном им имени, над чем смеются одноклассники, а гром угрожает, что такой человек не должен жить на свете. В беспокойстве мальчик проснулся, понял смысл сна, который разъясняет и поэт в обращении к читателям. «Соньн зүүд үзв: ө-шуһу моднд намаг…» («Приснились нынче джунгли мне во сне…») посвящено балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву [22, х. 161]. Здесь два сновидения: в первом человеку снится смеющаяся над ним обезьянья стая, которой кажется странным отсутствие у него хвоста, одна обезьяна предлагает ему хвост, чтобы он мог вилять им, ловко лазить наверх, во втором («Дәкәд зүүдн орв») – свирепые львы насмехаются над человеком, потому что у него нет клыков, один из хищников, глубоко вздыхая, предлагает ему свои клыки, чтобы он мог рвать добычу. Но человек отказывает тем и другим, пожелав остаться самим собой: «Но отказался я от этих прав, / Остаться человеком пожелав» [2, с. 12]. В переводе Ю. Нейман это одно сновидение. У автора сон характеризуется в значении необыкновенного, странного («соньн»), сновидец каждый раз отказывается от предложенного и тут же просыпается. Но если после первого сна он просто просыпается, то после второго – радуется пробуждению: «Байрта, дарунь серв» [22, х. 161]. Эта морально-нравственная эмоциональная доминанта отсутствует в переводе. Символика животного мира наглядна.

Страшный сон о слепоте в стихотворении Эрдни Эльдышева «Зүүдн» (1996) метафорически прочитывается как символическая антитеза зрения-слепоты, мрака–света в постижении мира. Пространство сновидения охватывает ночь и обрывается утром, когда друг осторожно будит сновидца. Во сне слепцу сочувствуют люди, а он в смятении: «Нар үзшго! О-о, / Әәмшгтә эн санан / Әәлһҗ седклим тәвхш» [36, х. 10], т. е. «Не увижу солнца! О-о, эта страшная мысль, пугая, не отпускает мое сердце» (Смысловой перевод наш. – *Р.Х.*). Он пытается крикнуть, но горло пересохло. Здесь нет локализации сновидения, но выход из сна происходит с помощью друга, которого видит проснувшийся человек.

Интересны сновидческие сюжеты на литературные темы, к которым можно отнести стихи М. Хонинова «Әдл юмб» («Как похожи», 1977) и «Алдр нер көөшгов» («Не гонюсь за славой», 1978). В первом из них картины далекого детства: мальчик ночью слышит за кибиткой, как что-то гремит, трется, что ли, лошадь о стену; пискнула голодная мышь, пробежав по траве; мать укрывает детей шубой; слышится удаляющийся звон недоуздка, видимо, отец пошел поить коня; шумит озерный камыш под ветром; надо бы укрепить кибитку, иначе астраханский ветер уронит ее. Как похожи цаганнурский ветер с пильковским, сосны так же зелены, как камыши. Оказывается, это сновидение после чтения книги белорусского поэта Максима Танка, чья книга выпала из рук

сновидца, и он проснулся: «Танкин дегтр / һарасм унв» [32, х. 32] («Книга Танка упала из моих рук»). Приближается рассвет, и лирический субъект, подняв с пола книжку, вновь ее читает: «Өр цәәҗ / йовна. Полас / өргҗ авад / дәкн умшув» [32, х. 32]. Пространство сна переносит человека в далекое детство, в родительскую кибитку, к отцу и матери, пробуждение возвращает в городскую квартиру, во взрослую жизнь, к книге друга. В переводе В. Сорокина указанная сновидческая картина поясняется в последних строках: «Стихи Максима Танка / я читаю дома, на рассвете…» [12, с. 10].

Таким же приемом структурировано и второе сновидение, в котором поэту видится прекрасный конь, напоминающий эпического скакуна хана Джангара, дразнящий своей доступностью. Но поэт говорит ему, что не погонится за ним, недаром калмыки знают, что овес за конем не бегает. В заключительном катрене поясняется сцена с конем: «“Алдр нер көөшгов”, – гисн / амн үгим соңссн мөрн, / сөөднь – зүүндм үзгддән уурна, / сәәхн кевәр цогцм амрна» [31, х. 36] («“Не гонюсь за славой”, – услышав мои слова, конь перестал показываться в моих сновидениях, теперь тело мое хорошо отдыхает во сне»). В переводе С. Липкина мотива сновидения нет. Переводчик сразу поясняет: «Словно резвый, красивый скакун, / Предо мной эта слава несется. <…> И осанкой, и храпом он звал / За собою, мол, если неслабый, / То в пути бы его догонял, / Как другие любители славы» [13, с. 22]. Поэтому заключает: «Слава-конь! – за тобою я вскачь / Не помчусь, ведь призванье не в этом. / Знаю я – как скакун не горяч, / Но овес не торопится следом» [13, с. 22]. У переводчика метафора СЛАВА – это КОНЬ созвучна авторской мысли о назначении поэта и поэзии, но в оригинальном тексте эта мысль не столь прямолинейна благодаря сновидческому сюжету. Ментальный характер сновидения проявляется в замещении европейского Пегаса эпическим скакуном-аранзалом.

К распространенным сновидениям с любовным сюжетом относятся сны, в которых юноше снится возлюбленная: например, «Зүүдн» Константина Эрендженова [37, х. 3], Егора Буджалова [1, с. 96], Санжары Байдыева [15, х. 68–69] с вариантами проявления чувств – от зарождающейся любви до неразделенной любви. Так, в эрендженовском «Зүүдн» (1965) персонажи (Бата и Занда) отсылают к героям автобиографического романа писателя «Һалан хадһл» («Береги огонь», 1963–1965). В первом катрене сразу заявляется мотив сновидения (Бате снится Занда), в следующих катренах он развивается, в пятом катрене юноша пытается поцеловать девушку, но хватает лишь марлевый полог, повернувшись, видит ее за надоем. Шестой катрен в кольцевой композиции возвращает к мотиву сновидения: «Захин һанц модыг / Задын салькн саатулна. / Заһлма болсн Батаг / Занда күүкн зүүдлнә» [37, х. 3] («Одинокое дерево на краю баюкает ненастный ветер. Бате снится девушка Занда»).

Стихотворение С. Байдыева («Зүүдн», 1959) построено как свидание юноши с девушкой, когда ветер мешает ему хорошо разглядеть ее лицо под платком, а заключительное четверостишие поясняет, что это только обманувший его сон, заставляющий юношу грустить: «Зүркпм тиигҗ меклсн / Зүүдм нама һундана» [15, х. 69]. Это типологические сны-обманы.

Итак, подводя предварительные итоги краткого обзора сновидческих сюжетов в калмыцкой лирике XX – начала XXI в., отметим следующее. Большинство стихотворений имеет заглавный маркер, указывающий на сновидение или дополненный пояснением, когда, кому и что снится. Ряд стихотворений озаглавлен по первой строчке. Тексты имеют различный объем, в основном структурированы катренами, реже с использованием лесенки. Два текста с посвящениями поэтам – М.Ю. Лермонтову и К. Кулиеву. В жанровом плане сновидение присутствует в басне, балладе, легенде, колыбельной песне, чаще в лирических жанрах малых форм. Гендерный вектор определен преимущественно, с одной стороны, авторством поэтов-мужчин, с другой – мужскими персонажами, которым принадлежит активная роль в сюжете. В стихотворении Р. Шургановой воспроизводится отцовский сон. Проблемно-тематический диапазон сновидче-

ских сюжетов характеризуется разнообразием: исторический, политический, сатирический, мистический, литературный, любовный, дружеский, семейный, страшный и др. В основном показаны одиночные сновидения, реже – повторяющиеся. Время сновидения приходится либо на ночь, либо на утро. Сомническое пространство обозначается поразному: географическое (Сибирь, Хакасия, Калмыкия, город Элиста, деревня Красный Яр, Словакия, Куба, США, Украина, Цаган Нур, Пильковщина), с конкретизацией локуса (кибитка, дом, замок, хурул, школа, библиотека, офис). Действие во сне происходит в калмыцкой степи, в джунглях, в горах, на озере, а также в басенных владениях червяка и слона. Персонажи сновидения отличаются возрастом, национальностью, профессией, должностью. В некоторых сновидениях фигурируют представители зоологического мира: червяк, слон, обезьяны, львы, волки, кони, верблюды, овцы и др. Вещественный мир представлен кроватью, одеялом, подушкой, платком, тетрадью, книгой, похоронным извещением, знаменем, типографским шрифтом (буквами). Рамка сновидения представлена в начале стихотворения или поясняется в конце текста. Выход из сна сопровождается физическим прикосновением (матери, друга и др.), голосовым сопровождением (просыпайся), испугом, радостью, слезами, потом.

Не все тексты переведены на русский язык. Сравнение оригинала и перевода выявляет иногда разночтения в передаче онейрического дискурса, заглавия произведения.

Вне нашего исследования осталась калмыцкая русскоязычная лирика XX – начала XXI в., в которой также представлены сновидческие сюжеты.

Таким образом, в калмыцкой лирике XX – начала XXI в. онейрический аспект представлен в разнообразии жанрового, типологического, проблемно-тематического, сомнического пространств.

Список литературы

1. Буджалов Е. Сон // Теегин герл. 1988. № 4. С. 96.
2. Кугультинов Д. «Приснились нынче джунгли мне во сне…» // Д.Н. Кугультинов. Стихи. Элиста, 1977. С. 12.
3. Кугультинов Д. Друг во сне явился // Теегин герл. 1962. № 1–2. С. 109.
4. Кугультинов Д. Сон в замке // Лит. Россия. 1975. 10 января. С. 14.
5. Кугультинов Д. Сон Санджи // Д.Н. Кугультинов. Собр. соч. В 3-х т. М., 1988. С. 289–295. Т. 3.
6. Кукаев А. Сновидение // А.М. Кукаев. Стихи. Элиста, 1977. С. 7–9.
7. Ханинова Р.М. «Стихи, созданные в Сибири» Алексея Балакаева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сб. материалов международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. Вып. 12. Барнаул, 2023. С. 185–189. Т. 2.
8. Ханинова Р.М. Зоопоэтика текста в калмыцкой басне XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 2. С. 393–408.
9. Ханинова Р.М. Колыбельная песня в калмыцкой лирике XX–XXI вв. // Новый филологический вестник. 2020. № 1(52). С. 187–203.
10. Ханинова Р.М. Мотив толкования сна в стихотворении Николая Хатуева «Зүүдн» («Сновидение») // Интеграционный потенциал гуманитарной науки как фактор укрепления общероссийской идентичности. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–23 октября 2022 г. Черкесск, 2022. С. 296–303.
11. Ханинова Р.М. Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов) // Oriental Studies. 2019. № 2. С. 320–333.
12. Хонинов М. Как похожи пильковский ветер с цаганнурским // М.В. Хонинов. Орлы над степью: стихи. М., 1974. С. 10.
13. Хонинов М. Нет, не гонюсь я за славой // М.В. Хонинов. Исповедь: стихи и поэмы. М., 1981. С. 22.
14. Шурганова Р. Глоток степного воздуха: стихи на калм. и рус. яз. Элиста, 2013.
15. Байдын С. Зүүдн // Теегин герл. 1959. № 5. Х. 68–69.
16. Балакан А. Нөөрсәд унтсн саамла (Зүүдн) // Хальмг үнн. 1993. Бар сарин 5. Х. 3.
17. Бембин Т. Зүүдндән // Теегин герл. 1962. № 1–2. Х. 24.

18. Бембин Т. Зүүндән: М.Ю. Лермонтовд // Хальмг үнн. 1978. Октябрин 13. Х. 4.
19. Буджала Е. Зүүдн // Теегин герл. 1999. № 8. Х. 40–41.
20. Дорҗин Б. Зүүндән // Б. Дорҗин. Өргсн теегин өр дундан: шүлгүд болн поэмс. Элст, 1959. Х. 40–43.
21. Җимбин А. Мини һурвн зүүдн; Зүүднә хәрүлц // Теегин герл. 1993. № 8. Х. 65–66.
22. Көглтин Д. «Соньн зүүд үзв: ө-шуһу моднд намаг…» // Д. Көглтин. Үүдәврмүдин хураңһу. Һурвн ботьта. Элст, 1982. 2-гч боть. Х. 161.
23. Көглтин Д. Әәмшгтә зүүдн // Хальмг үнн. 1970. Ноябрин 11. Х. 4.
24. Көглтин Д. Зүүдн // Д. Көглтин. Үүдәврмүдин хураңһу. Һурвн ботьта. 3-гч боть. Элст, 1982. Х. 104–106.
25. Көглтин Д. Зүүндм орсн үүрм // Д. Көглтин. Үүдәврмүдин хураңһу. Һурвн ботьта. 1-гч боть. Элст, 1981. Х. 58.
26. Куукан А. Зүүдн // А. Куукан. Хаалһ: шүлгүд болн поэм. Элст, 1982. Х. 20–21.
27. Куукан А. Зүүдн // Теегин герл. 1975. № 1. Х. 103.
28. Нуура В. Зүүдн // Теегин герл. 1969. № 2. Х. 115.
29. Сусен А. Би өрлә зүүд үзүв // Теегин герл. 1963. № 1. Х. 20.
30. Хатуһа Н. Зүүдн // Н. Хатуһа. Аршан булг: шүлгүд, келврмүд, домгуд, йөрәлмүд, үлгүрмүд, авъясмуд. Элст, 2021. Х. 52–53.
31. Хоньна М. Алдр нер көөшгов // М. Хоньна. Төрскнүрм бичә хатн: шүлгүд болн шүлгәр бичсн түүк. Элст, 1978. Х. 35–36.
32. Хоньна М. Әдл юмб // М. Хоньна. Теегин шовун – тоһрун: шүлгүд болн поэмс. Элст, 1977. Х. 30–32.
33. Хоньна М. Зун занин чидл // М. Хоньна. Мини домбр күңкнхлә: шүлгүд. Элст, 1964. Х. 74–78.
34. Хоньна М. Зүркнә зев // Хальмг үнн. 1975. Июлин 16. Х. 4.
35. Шалврa Һ. Өтнә зүүдн болн занин инәдн // Улан хальмг. 1939. Апрелин 14. Х. 2.
36. Эльдшә Э. Зүүдн // Э. Эльдшә. Эңкр һулмт: Шүлгүд. Поэмс. Орчуллһс. Элст, 1996. Х. 10.
37. Эрнҗәнә К. Зүүдн // Хальмг үнн. 1965. Декабрин 14. Х. 3.

* * *

1. Budzhalov E. Son // Teegin gerl. 1988. № 4. S. 96.
2. Kugul'tinov D. «Prisnilis' nynche dzhungli mne vo sne…» // D.N. Kugul'tinov. Stihi. Elista, 1977. S. 12.
3. Kugul'tinov D. Drug vo sne yavilsya // Teegin gerl. 1962. № 1–2. S. 109.
4. Kugul'tinov D. Son v zamke // Lit. Rossiya. 1975. 10 yanvarya. S. 14.
5. Kugul'tinov D. Son Sandzhi // D.N. Kugul'tinov. Sobr. soch. V 3-h t. M., 1988. S. 289–295. T. 3.
6. Kukaev A. Snovidenie // A.M. Kukaev. Stihi. Elista, 1977. S. 7–9.
7. Haninova R.M. «Stihi, sozdannye v Sibiri» Alekseya Balakaeva // Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve: sb. materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. S.G. Maksimova. Vyp. 12. Barnaul, 2023. S. 185–189. T. 2.
8. Haninova R.M. Zoopoetika teksta v kalmyckoj basne HH v. // Oriental Studies. 2021. T. 14. № 2. S. 393–408.
9. Haninova R.M. Kolybel'naya pesnya v kalmyckoj lirike XX–XXI vv. // Novyj filologicheskij vestnik. 2020. № 1(52). S. 187–203.
10. Haninova R.M. Motiv tolkovaniya sna v stihotvorenii Nikolaya Hatueva «Zүүdn» («Snovidenie») // Integracionnyj potencial gumanitarnoj nauki kak faktor ukrepleniya obshcherossijskoj identichnosti. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 20–23 oktyabrya 2022 g. Cherkessk, 2022. S. 296–303.
11. Haninova R.M. Poetika ballady v kalmyckoj poezii XX v. (D. Kugul'tinov, M. Honinov) // Oriental Studies. 2019. № 2. S. 320–333.
12. Honinov M. Kak pohozhi pil'kovskij veter s cagannurskim // M.V. Honinov. Orly nad step'yu: stihi. M., 1974. S. 10.
13. Honinov M. Net, ne gonyus' ya za slavoj // M.V. Honinov. Ispoved': stihi i poemy. M., 1981. S. 22.
14. Shurganova R. Glotok stepnogo vozduha: stihi na kalm. i rus. yaz. Elista, 2013.

The dream space in the Kalmyk lyrics of the XXth – the beginning of the XXIst centuries

The urgency and the originality of the article are defined by the unstudied oneiric theme in the Kalmyk lyrics of the XXth – the beginning of the XXIst centuries. There is considered the dream space of the Kalmyk lyrics of the XXth – the beginning of the XXIst centuries at the representative examples in the aspects of the poetics, semantics and symbolism of dreaming.

Key words: *Kalmyk lyrics, dream space, plot, semantics, symbolics.*

(Статья поступила в редакцию 19.11.2023)

М.А. ШЕЛЕНОК
Санкт-Петербург

«ЛЕВАЯ ГРУДЬ АФРОДИТЫ»: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПЕРВОЙ ПЬЕСЫ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА

Исследуется жанровое своеобразие первой оригинальной пьесы Ю.М. Полякова «Левая грудь Афродиты, или Отель “Медовый месяц”» (1997). Определяются доминанты драматургического действия и векторная направленность обновления традиционной формы водевиля. Раскрывается социальный подтекст произведения.

Ключевые слова: *Ю.М. Поляков, жанровая поэтика, водевиль, комическое, литературная традиция.*

На сегодняшний день Ю.М. Поляков имеет заслуженный статус одного из ведущих современных отечественных комедиографов, чьи пьесы не обделены вниманием русских и зарубежных режиссеров. Первым его драматургическим опытом является легкая комедия «Левая грудь Афродиты», написанная в 1997 г. К театральной публике произведение вышло только в XXI в.: премьера состоялась в марте 2003 г. в Днепропетровском русском драматическом театре им. М. Горького. Дальнейшая сценическая судьба пьесы связана с различными столичными и провинциальными театрами стран СНГ. Впервые опубликован текст «Левой груди» был в четвертом номере «Московского вестника» за 2000 г., после чего входил практически во все сборники комедий и драм Полякова.

Пробуя себя в качестве драматурга, писатель делает ставку на массового зрителя, который к концу 90-х заметно устал от жестокости социальных драм нового формата, потому выбирает в качестве жанра водевиль.

© Шеленок М.А., 2023

Автор отталкивается от традиционного «свадебного» сюжета, предлагая при этом посмотреть не на само торжество, а на то, что ожидает новобрачных после (т. е. на «медовый месяц»).

Основное действие двухактной пьесы развивается в одной локации (отель на берегу моря). Всего действующих лиц – 7, однако двое из них появятся лишь в финальной сцене. Центральные персонажи – молодожены Петровы (Андрей и Нина) и Сидоровы (Олег и Даша), которым хозяин отеля Паркинсон предлагает прикоснуться к артефакту (осколок статуи Афродиты в форме груди). Касание оказывается судьбоносным, поскольку после него начинается испытание любви:

«В этот миг гаснет свет. В темноте раздаются голоса. <...>
Даша. Олег, что ты делаешь? Перестань сейчас же!
Андрей (тихо). А говорила, что можешь узнать меня по одному прикосновению…
Олег. Ничего я такого особенного не делаю. А почему у тебя мокрые волосы?
Нина. Странный вопрос. Я же купалась... Что у тебя с голосом?
Загорается свет. / Олег обнимает вернувшуюся с моря Нину, Андрей – Дашу» [2, с. 63–64].

В дальнейшем выясняется, что между номерами Петровых и Сидоровых есть смежная дверь. Усугубляет положение тот факт, что Нина – бывшая жена Олега, а Андрей – первая любовь Даши и отец ее сына. Пары пытались начать новую семейную жизнь, но водевильный случай столкнул их снова, после чего герои практически теряют свои маски (за исключением антагонистки Нины). В ходе перипетий, построенных на путанице и адюльтере, выясняется, что Даша все еще любит Андрея, а он искренне рад новости о сыне и решает жить с той, кто сохранила свои светлые чувства, несмотря на все обиды.

Если Даша претендует на статус относительно положительной героини (брошенная возлюбленная, которая в финале обретает долгожданное счастье), то остальные – персонажи двойственные. Так, Андрей – бизнесмен, имеющий непосредственную связь с криминалом. Изначально он производит впечатление сильного и волевого мужчины, однако постепенно обнаруживается его полная зависимость от авторитета Волчатова. Последний контролирует не только дела «фирмы», но и личную жизнь Андрея. Именно Волчатов посоветовал своему подельнику жениться на Нине, которая по субботам тайно от мужа будет спать с настоящим боссом. В финале Андрей Петров признает свои ошибки, объявляет о желании исправиться не только в семейной сфере, но и в социальном плане: он «готов жить бедно, но честно», вернувшись в спортивную школу в качестве тренера, чтобы там «набрать *хороших* пацанов и научить их *честно* драться» (Курсив наш. – *М.Ш.*) [2, с. 97]. Таким образом, любовный конфликт для Даши и Андрея имеет сугубо позитивную развязку.

В качестве ведущего антагониста выступает меркантильная потаскушка Нина, готовая ради материальных благ на любые манипуляции. Она подставила Андрея: «<...> я вела в фирме бухгалтерию и когда записывала приход, иногда теряла ноль. Всего один ноль. На шпильки. Ты же знаешь, я не люблю просить деньги» [2, с. 83]; после мнимой гибели собственного мужа пытается настроить Олега против его новой жены; по раскрытии путаницы шантажирует внезапно «воскресшего» супруга, подавая на развод: «Все совместно нажитое имущество принадлежит супругам в равных долях. <...> Сам отдашь или будем судиться? <...> Кроме того, за нанесенный моральный ущерб я хочу получить компенсацию. <...> хочешь, чтобы в отделе по борьбе с оргпреступностью узнали, что Волчатова убил ты?» [2, с. 100–102]. В итоге «злодейка» получает заслуженное наказание: ее арестовывают с отобранным у Андрея волчатовским чемоданчиком: «Паркинсон включает радио. / Голос диктора. ...Сегодня в аэропорту при попытке вывезти за границу крупную сумму фальшивых долларов арестована молодая женщина» [2, с. 104].

Отметим, именно в репликах Нины прослеживаются преклонение перед мнимыми ценностями и возвеличивание нравственных пороков: «Нынешние мужчины берут

только те крепости, в которых ворота открыты. Настежь. Ворота, милая моя, надо запирать не до, а после...» [2, с. 80]; «Мужик – как автомобиль: если начинает барахлить, от него нужно сразу избавляться» [2, с. 85]; «У женщин особое отношение к шубам. Когда мне дарят что-нибудь меховое, у меня возникает чувство, будто это не шуба, а шкура, которую мужчина содрал с себя заживо и сложил к моим ногам!» [2, с. 87]; «Самое большое наслаждение в воскресенье идти по улице под руку с благоверным и незаметно кивать тем, с кем ты ему мстила, мстила, мстила...» [2, с. 87]; «Поздравляю, муженек! Я жалею только об одном... <...> О том, что не успела прописаться в твою квартиру» [2, с. 100]; «Зачем ты мне нужен? Теперь я все буду покупать себе только в дорогих магазинах. Очень дорогих!» [2, с. 102]. Таким образом, ее можно рассматривать не только как антагонистку водевиля (неверную супругу, интриганку и разрушительницу чужого счастья), но и как сатирического персонажа с потребительским отношением к окружающим людям.

Наиболее отчетливо двуличность Нины раскрывается в диалогах с экс-супругом. Так, негативные характеристики, которые она постоянно давала Олегу при совместной жизни, подаются при новых обстоятельствах как заблуждения, навеянные мнением лучшей подруги:

«Олег. Ну, знаешь. От тебя, когда мы жили вместе, я вообще не слышал доброго слова. Кто говорил, что я графоман? <...> Кто говорил, что я себе на носки не зарабатываю? <...> Кто говорил, что в постели от меня пользы меньше, чем от большой резиновой грелки?» [2, с. 92];

«Нина. Сама не знаю... Это все Лерка: “брось его – он неудачник, брось его – он павлин без хвоста”. А когда она узнала, что я залетела, все уши мне прожужжала: “не смей рожать! Это тебя привяжет навсегда!” Я теперь думаю: она просто мне завидовала...

Олег. Догадалась, наконец-то! Ладно, дело прошлое: она мне даже в любви объяснялась. Сама.

Нина. Вот гадина! Ты с ней спал?

Олег. Только один раз.

Нина. Когда я легла на аборт?

Олег. Да» [2, с. 95].

В образе Олега Сидорова соединяются черты разных водевильных масок: наивный влюбленный, герой-простак, мечтающий о славе беллетрист. О его писательском таланте мы можем судить по репликам Нины и Даши, а также по излишне велеречивым и содержательно пустым монологам самого персонажа. Например: «Олег (задумчиво). Идиотское выражение – “личность убитого”. Какая у убитого может быть личность? Смерть – это конец личности. Надо говорить – безличность убитого устанавливается... (Даше.) А почему ты не записываешь? // Даша. А почему я должна записывать разную чепуху?» [2, с. 86]. Вместо того чтобы совершенствовать литературное мастерство, Сидоров выбирает более легкий и коммерчески успешный путь – пишет под женским псевдонимом бульварные романы, содержание которых можно определить по названиям («Оргазм взаймы», «Свидетели соблазна», «Фаллическая рулетка»). Так Поляков иронизирует не только над авторами подобного чтива, но и над потребителями продукта, т. е. над новыми читателями, недвусмысленно намекая на ориентацию книжного рынка 90-х и на падение культурного уровня в целом:

«Андрей. Что-о?! Ольга Чибисова? Это – вы? Не может быть! У меня все девицы на фирме зачитываются вашими книжками!

Нина. Оригинальный псевдоним. Но он вам подходит. Ольга Чибисова мне действительно попадалась. Такие маленькие книжонки, а на обложках яркие рисунки, как на презервативах. <...> я все думала, кто же мог написать такую хреновину? Но самое смешное – покупают. И платят, наверное, хорошо?

Даша. Очень хорошо. Мы даже дачу в Переделкино покупаем...» [2, с. 75–76].

При этом сам создатель «Левой груди...» явно угождает потенциальной публике: использует незамысловатые сюжетные ходы и упрощенную лексику для речевых партий персонажей (вплоть до вульгаризмов). Присутствуют ли в том следы самоиронии – определить сложно. Поляков затрагивает серьезные проблемы «лихого» десятилетия. Например, криминальные разборки:

«Голос диктора. Сегодня утром в центре города выстрелами из машины убит мужчина средних лет спортивного телосложения. Личность погибшего устанавливается. Температура воздуха – 22 градуса. Море – 23.

Паркинсон. Не волнуйтесь, это не он. Ваш муж жив и здоров. Он вернется. В городе каждый день стреляют – делят сферы влияния. Скорей бы уж поделили!» [2, с. 84].

Отметим, в данном эпизоде информация о перестрелке в одном ряду с прогнозом погоды и замечанием хозяина отеля о криминальной обыденности хоть и обостряет конфликт, однако не утяжеляет атмосферу (что отличает пьесу от комедийных текстов, написанных в рамках «черного» реализма). Так же преподносится рассказ о событиях и в диалоге Паркинсона с «воскресшим» Андреем:

«Паркинсон. “Разборка”. Так это, кажется, называется? Знаете, у меня довольно старомодные представления о таких вещах. Вот помнится, Ахилл забил стрелку Гектору под стенами Трои...

Андрей. Сам толком не знаю, как это случилось. Волчатов приехал кого-то разводить. Дал мне чемодан – подержать. И пошел. И все. Из автоматов – в лохмотья» [2, с. 88].

Комическая отсылка к гомеровской «Илиаде» очевидно рассчитана на массового зрителя/читателя. Как и другие псевдо-интертекстуальные шутки. Так, фамилия хозяина отеля, ассоциирующаяся с фамилией врача и названием болезни, построена на каламбуре: «<...> я не англичанин, не швед и даже не еврей... <...> Парка – богиня судьбы. А “сон” означает “сын”. Получается “сын богини Парки”» [2, с. 57]. Другой пример – эпизод, в котором Олег и Нина, застигнутые врасплох внезапно вернувшимся Андреем, принимают последнего за местное легендарное привидение:

«Андрей встает, отпирает боковую дверь и входит в полутемный номер. Шарит.
Андрей. Где же мой чемодан?
Нина (в ужасе). Маршал Трухачевский!
Олег. Не может быть!
Нина. Он! Чемодан ищет!
Олег. Да ты что? (Ищет очки.) Погоди, я должен увидеть. Никогда не видел призраков!
Нина. Надо отдернуть штору – призраки боятся дневного света!
Нагишом вскакивает, отдергивает. В номере становится светло и очевидно.
Андрей (увидев их). Не понял...
Нина. Ты?
Андрей. Я.
Нина. Живой?
Андрей. Нет, вернулся с того света спросить, чем вы тут занимаетесь?
Олег снимает очки и прячется под одеялом» [2, с. 97–98].

Используя водевильные штампы, автор пародирует клише, свойственные жанрам мистической литературы (сюжет о призраках). В то же время драматург обыгрывает сюжетный ход с «воскрешением» мнимого покойника (пусть и не так эффектно, как это делали Эрдман, Дыховичный и Слободской).

На наш взгляд, в тексте Полякова не только проявляется «память жанра», но и прослеживается четко выраженная традиция: «Левую грудь...» справедливо назвать «внучкой» катаевской «Квадратуры круга», где молодожены постепенно разочаровываются в совместной жизни и обретают счастье после адюльтера с соседями по коммуналке (в пьесе в качестве основных действующих лиц так же выступают две пары). Данную ги-

потезу подтверждает уважительное отношение Полякова к Катаеву-драматургу, о чем писатель прямо указывает в предисловии к собственному сборнику (см.: [1, с. 45]).

В поляковской пьесе присутствуют и традиционные вокальные номера (Паркинсон развлекает гостей песнями о судьбоносной неотвратимости любви), и элементы «театра в театре» (Сидоровы и Петровы поочередно разыгрывают сцены первого знакомства перед собеседниками). В целом, текст по форме и содержанию близок к классическому образцу водевиля, где обновление идет за счет злободневных характеристик эпохи 90-х. При этом автор берет на себя смелость и привносит в водевильный жанр эротическую доминанту. Женские персонажи появляются полу- или абсолютно обнаженные; постельные сцены показаны откровенно (а не путем намеков); подавляющее большинство шуток посвящено сексуальным проблемам. Даже в заключительном эпизоде, когда в отеле появляются новые посетители (та самая подруга Нины – Лера – вместе с супругом – врачом Тараканушкиным) и Паркинсон предлагает им коснуться груди Афродиты, маммолог начинает пальпировать осколок статуи:

«Тараканушкин. Хм, левая грудь...

Паркинсон. Левая? Вы уверены? Вы археолог? <...>

Тараканушкин. Нет, я врач-маммолог и левую грудь от правой отличу с закрытыми глазами. Та-ак... Молочная железа явно не кормившей женщины. <...> Уплотнений, новообразований, узелков не наблюдается. Идеальная грудь! Божественная!» [2, с. 105–106].

Таким образом, Поляков выступает в качестве создателя «эротического» водевиля. В XXI в. драматург обратится к таким жанрам, как мелодрама, бытовая комедия с элементами сатиры, социально-психологическая драма, при этом он продолжит использовать водевильные приемы в качестве основных комедийных стратегий (яркие примеры: «Чемоданчик», 2015; «Золото партии», 2016). Причины обращения к водевилю видятся нам не только в эстетическом поиске, но и в коммерческой заинтересованности. Поляков, будучи сценаристом и театральным драматургом, чувствует и удовлетворяет зрительский запрос на легкие комедии и мелодрамы, привлекающие массовую публику куда больше, нежели артхаусные постановки для театра и кино.

Список литературы

1. Поляков Ю. Драмы прозаика. Эссе // Ю. Поляков. В ожидании сердца: сборник. М., 2021. С. 5–52.

2. Поляков Ю. Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц» // Ю. Поляков. В ожидании сердца: сборник. М., 2021. С. 55–106.

* * *

1. Polyakov Yu. Dramy prozaika. Esse // Yu. Polyakov. V ozhidanii serdca: sbornik. M., 2021. S. 5–52.

2. Polyakov Yu. Levaya grud' Afrodity, ili Otel' «Medovyj mesyac» // Yu. Polyakov. V ozhidanii serdca: sbornik. M., 2021. S. 55–106.

“Aphrodite’s left breast”: problematics and poetics of the first play by Yuriy Polyakov

The article deals with the study of the genre identity of the first original play “Aphrodite’s left breast or Honeymoon hotel” (1997) by Yu.M. Polyakov. The dominating ideas of the dramaturgical activities and the vector focus of the renovation of the traditional forms of vaudeville are defined. There is revealed the social subtext of the work.

Key words: *Yu.M. Polyakov, genre poetics, vaudeville, comic, literary tradition.*

(Статья поступила в редакцию 15.09.2023)

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

И.В. КРЮКОВА
Волгоград

«ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ – XXI»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

3–5 октября 2023 г. в г. Рязани состоялась XXI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». У этой конференции давняя история и необычный формат. В 1967 г. известный ученый-ономатолог, популяризатор науки об именах собственных В.А. Никонов провел в своем родном городе Ульяновске первую конференцию «Ономастика Поволжья». На этой конференции определились задачи дальнейшего исследования имен собственных и наметились традиции проведения конференций «Ономастика Поволжья» [1]. По инициативе Н.А. Никонова конференция стала проводиться в разных городах Поволжья, переезжая каждый раз в новый город. За 56 лет своего существования «Ономастика Поволжья» побывала в Нижнем Новгороде, Уфе, Пензе, Саранске, Волгограде, Йошкар-Оле, Казани, Ярославле, Твери, Арзамасе, Ульяновске, Великом Новгороде, Костроме, Элисте.

По сложившейся традиции выбор города определяется, во-первых, его географическим положением, расположенностью на берегах Волги или ее притоков, во-вторых, наличием в этом городе ученых, давно и плодотворно занимающихся изучением собственных имен. Выбор Рязани в качестве места проведения «Ономастики Поволжья – XXI» не случаен: Рязань расположена в Волжском речном бассейне, здесь имеется солидная топонимическая школа. Многое сделано для развития топонимических исследований Г.П. Смолицкой и ее учениками.

Другая традиция «Ономастики Поволжья» – двойной состав оргкомитета: местный (меняющийся) и внешний (постоянно действующий). Внешний оргкомитет первых конференций возглавлял В.А. Никонов (Институт этнологии и антропологии РАН), а с 90-х гг. XX в. и по настоящее время бессменный председатель внешнего оргкомитета «Ономастики Поволжья» – В.И. Супрун (Волгоградский государственный социально-педагогический университет). В этом году участников конференции принимал Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, местный оргкомитет возглавил заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания профессор В.А. Лаврентьев.

В различных формах работы конференции приняли участие 107 исследователей из 34 регионов России (Арзамас, Астрахань, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Кострома, Краснодар, Липецк, Махачкала, Москва, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Петрозаводск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Славянск-на-Кубани, Смоленск, Тверь, Торжок, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Элиста, Якутск, Ярославль) и 6 зарубежных стран (Беларусь, Казахстан, Сербия, Турция, Азербайджан, Армения). Материалы всех докладов опубликованы в сборнике, вышедшем к началу конференции [2].

Кратко остановимся на основных вопросах, которые обсуждались на пленарных и секционных заседаниях.

В 8 планарных докладах было рассмотрено три круга вопросов. Во-первых, были представлены результаты топонимических исследований, это, пожалуй, основное на-

© Крюкова И.В., 2023

правление работы всех поволжских ономастических конференций. Этимологии топонимов Рязанского края был посвящен коллективный пленарный доклад ученых кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ И.Н. Хрусталёва, В.А. Лаврентьева, А.Г. Гладышева (Рязань). Было убедительно доказано, что сопоставление вариантных названий одного и того же объекта в диахроническом аспекте позволяет более точно этимологизировать географические названия. О топонимическом ландшафте Северо-Казахстанской области шла речь в докладе Е.В. Сабиевой и М.Е. Какимовой (Петропавловск, Казахстан). В докладе Ю.А. Гордовой был обобщен опыт создания региональных топонимических атласов как составных частей Топонимического атласа России и намечены перспективы дальнейших исследований в рамках этого проекта (Москва).

Во-вторых, большое внимание было уделено проблемам литературной ономастики. Они освещались в пленарных докладах В.М. Калинкина (Донецк), он остановился на истории формирования термина «поэтоним» и рассмотрел механизмы превращения онима в поэтоним; и В.И. Супруна (Волгоград), он посвятил свой доклад именам собственным в драматургических произведениях А.Н. Островского, 200-летие со дня рождения драматурга было отмечено в этом году. Топонимы как средство создания литературного образа города были рассмотрены в докладе Н.И. Данилиной (Саратов).

Третья проблема, тоже традиционная для всех поволжских конференций, – развитие терминосистемы современной ономастической науки – была представлена в докладе Н.В. Васильевой (Москва). В нем шла речь о метафорических (образных) терминах в метаязыке ономастики. И хотя число подобных терминов невелико, они вносят существенный вклад в способы описания и представления ономастических объектов, выполняя важную для термина инструментальную функцию.

Социолингвистическая проблема образования имен собственных в контексте языковых контактов рассматривалась в докладе С.А. Мызникова (Москва) на примере прозвищных этнонимов. С опорой на полевые данные, собранные на территории Северо-Запада, автор доклада сделал вывод о наличии значительного карельско-вепсского вклада в ономастическую систему русских северо-западных говоров.

Проблемы, рассмотренные в пленарных докладах, были поддержаны работой 7 секций. При этом топонимические исследования были самыми многочисленными и разнообразными: от анализа микротопонимов – названий заводей в докладе Е.В. Цветковой (Кострома) и названий исчезнувших населенных пунктов, оставивших свой след в микротопонимии, в докладе Э.О. Пархоц (Воронеж), до выявления топонимических связей больших регионов, Поочья и Поднестровья, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, в докладе А.А. Герцена (Москва). О ценностном потенциале топонимики для воспитания и развития личности обучающихся средствами родного языка речь шла в докладе О.А. Скрябиной (Рязань).

В конференциях последних лет большое внимание уделяется внутригородским названиям – урбанонимам. Участники конференции познакомились с новыми результатами исследования урбанонимов Москвы (Т.П. Соколова), Санкт-Петербурга (М.В. Боброва), Воронежа (С.А. Попов), Ульяновска (А.П. Рассадин, В.Н. Ильин), Великого Новгорода (Е.О. Орлова). Обобщающее исследование урбанонимов-посвящений политическим деятелям в разных городах России представил Р.В. Разумов (Ярославль).

Проблема этнонимических исследований, обозначенная на пленарном заседании, была продолжена в докладе О.В. Никитина (Москва), в нем был проведен содержательный анализ первого в советский период лексикографического описания этномимов в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940 гг.). Этнонимам Рязанского края был посвящен доклад Е.П. Осиповой (Рязань), она показала связь местных микроэтнонимов с особенностями колонизационных и историко-культурных процессов, протекавших на данной территории в течение длительного времени.

Среди результатов антропонимических исследований хочется особо отметить научную новизну докладов, посвященных неофициальной антропонимии и прозвищной номинации: о разноплановости коннотаций неофициальных антропонимов рассказала Л.А. Климкова (Арзамас), о прозвищах жителей средневековой Твери – И.М. Ганжина и М.Ю. Черенок (Тверь), о современных прозвищах русских и американцев – А.В. Цепкова (Новосибирск).

На секционных заседаниях продолжалось обсуждение проблем функционирования имени собственного в тексте, прежде всего, на примере художественных произведений разных авторов: как отечественных, так и зарубежных: Бориса Васильева – в докладе А.А. Бурченковой (Смоленск), Василия Белова – в докладе Н.В. Комлевой (Вологда), Дины Рубиной – в докладе М.В. Ланге (Смоленск), Льюиса Кэрролла – в докладе Э.Н. Шехтман (Оренбург). Исследования последних лет показали, что проблемы функционирования имен собственных выходят за рамки художественной прозы, контекстуальная семантика онимов разнообразна. Это было продемонстрировано в нескольких докладах: имя собственное в текстах современной массовой коммуникации – в докладе И.В. Крюковой (Волгоград), в рекламных текстах – в докладе О.В. Салыновой (Элиста), в кинотексте – в докладе М.В. Ахметовой (Москва), в электронном ресурсе «Армянский текст русской поэзии» – в докладе Н.В. Бубновой (Смоленск).

Наименее исследованным именам собственным был посвящен доклад Т.П. Романовой (Самара), в нем речь шла о названиях видов и марок оружия, для которых автор предложил новый термин – армоним; а также доклад М.В. Сомовой (Рязань) о каронимах – названиях русских кораблей, их семантике и структуре.

Два доклада было связано с зоонимической тематикой. Е.Н. Варникова (Вологда) подняла проблему унификации зоонимической терминологии. А.А. Гарькуша (Волгоград) поделилась опытом анализа иппонимов в динамическом аспекте, она показала, как изменялись мотивы присвоения кличек породистым лошадям за последние 70 лет.

В двух докладах были освещены вопросы орфографии имен собственных: проблемы орфографической нестабильности астрономических названий и перспективы кодификации астронимов были затронуты в докладе Е.В. Арутюновой (Москва), а в докладе И.А. Дамбуева (Улан-Удэ) были представлены результаты нормализации топонимов в России, отраженные в Государственном каталоге географических названий в 2022 г., и показаны явления, нуждающиеся в дополнительной кодификации.

Таким образом, круг рассматриваемых вопросов на «Ономастике Поволжья – XXI» необычайно широк: этимология имени, структурно-семантические типы имен собственных разных разрядов, в том числе новых разрядов онимов, сферы функционирования имени в разножанровых текстах, орфография имени, методика сбора и систематизации полевого материала, методика ономастического картографирования, систематизация ономастической терминологии.

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции, затем состоялась презентация Международной конференции «Ономастика Поволжья–XXII». Символическое знамя поволжских ономастических конференций было передано в г. Саратов.

Список литературы

1. Ономастика Поволжья: из истории конференции / под ред. В.И. Супруна, С.В. Рябушкиной, Е.В. Захаровой, Р.В. Разумова. Ульяновск, 2017.

2. Ономастика Поволжья: материалы XXI международной научной конференции Рязань, 3–5 октября, 2023 г. Рязань, 2023.

* * *

1. Onomastika Povolzh'ya: iz istorii konferencii / pod red. V.I. Supruna, S.V. Ryabushkinoj, E.V. Zaharovoj, R.V. Razumova. Ul'yanovsk, 2017.
2. Onomastika Povolzh'ya: materialy XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Ryazan', 3–5 oktyabrya, 2023 g. Ryazan', 2023.

"Onomastics of the Volga region – XXI": the issues and perspectives of the research of the proper nouns

(Статья поступила в редакцию 27.10.2023)

Д.Ю. ГУЛИНОВ
Волгоград

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОМАНИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

С 16 по 17 ноября 2023 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете прошла III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация», на которой были рассмотрены актуальные проблемы современной романистики и методики преподавания романских языков.

В работе конференции приняли участие более ста специалистов в области романского языкознания и методики преподавания романских языков из России, представленной городами Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижневартовск, Краснодар, Ростов-на-Дону, Воронеж, Вологда, Волгоград, а также из ряда зарубежных стран Европы (Франции и Испании).

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором выступила доктор филологических наук, профессор Ю.В. Богоявленская с докладом, посвященным использованию предложного падежа в речи несбалансированных билингвов второго поколения эмиграции, отличающейся рядом устойчивых черт от речи других региональных разновидностей русского языка. Вслед за коллегой из Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) слово взял доктор филологических наук, профессор Кубанского технологического университета С.Г. Воркачев, посвятивший свой доклад описанию геральдического языка ряда стран Франкофонии.

В рамках пленарной части конференции доктором филологических наук, профессором Московского городского педагогического университета Л.Г. Викуловой и доктором филологических наук, профессором Нижневартовского государственного университета Э.М. Рянской рассмотрены особенности формирования языковой политики

© Гулинов Д.Ю., 2023

Франции на примере законодательных документов, датируемых VIII–XVIII вв. Доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета С.М. Кравцов посвятил свой доклад изучению фразеологических единиц французского языка, содержащих в своем компонентом составе и семантической структуре национально-культурные элементы. Исследование доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета, главного научного сотрудника Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности государственного института русского языка им. А.С. Пушкина О.А. Леонтович позволило определить механизмы бесконфликтного публичного общения в России и испаноязычных странах. В выступлении В.И. Карасика, доктора филологических наук, профессора государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, рассмотрены модели лингвокультурного символообразования. В докладе доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Н.А. Фененко объектом анализа выступила стратегия межъязыковой реноминации художественного реаликона, интерпретируемого как совокупность реалий, которые функционируют в художественном тексте как единый системно-организованный идейно-эстетический и культурнозначимый комплекс. Представленные Э.А. Китаниной, доктором филологических наук, профессором государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, национальные ценности в речи Маунтаги Талла позволили выявить и обосновать ценностные предпочтения малийского политика в ходе предвыборной кампании. В докладе доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета О.А. Дмитриевой представлены результаты изучения системообразующих признаков обрядового письма на русском и французском языках. Завершил пленарную часть конференции доклад доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Д.Ю. Гулинова, в котором были типологизированы предпринимаемые на государственном уровне меры по защите французского языка от англоязычного влияния. Построение данной типологии мер языковой политики Франции позволило автору установить зоны наивысшей резистентности «экспансии» английского языка.

Работа конференции продолжилась в формате секционных заседаний.

На заседании секции № 1 «Теоретические аспекты изучения романских языков» участники рассуждали на следующие темы. Доклад А.С. Бухонкиной был посвящен особенностям регионального французского языка. Э.Э. Гайбалиевой рассмотрен феномен языковой личности в национально-специфическом ракурсе. Исследование В.А. Даниловой раскрыло проблему ретрансляции культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе. В докладе Т.А. Корнейчук проанализирована проблема прагмалингвистических особенностей наименования латиноамериканских фильмов. В.В. Кузнецова свое сообщение посвятила специфике медийно-развлекательного дискурса. Проблематика исследования А.В. Кулешовой заключалась в описании явления прагматикализации как одного из способов образования дискурсивных маркеров во французском языке. А.В. Минибаева посвятила свой доклад дискурсивным особенностям жанра благодарности во французском языке. Инструменты реализации языковой политики в Парагвае рассмотрены в работе Р.Г. Нуриджанян. А.О. Оганесян рассуждала в своем докладе о дуализме испанского праздника. В.А. Райскина рассмотрела фигуру Другого как отражение антропоцентричности рефлексивного дискурса М. Монтеня. Н.В. Титаренко проанализировала грамматические особенности категории рода в современном испанском языке в условиях политкорректности. Доклад Ю.А. Филипацци был посвящен проблеме единой орфоэпической модели итальянского языка. Э.В. Шулятева говорила в своем докладе об особенностях языковой политики Испании.

В работе секции № 2 «Современное состояние и особенности функционирования романских языков» принимали участие исследователи из России и Испании. Подобное

географическое разнообразие, несомненно, послужило развитию регионального и международного научного сотрудничества, обмену опытом и результатами исследований в области современного состояния романистики.

На секции детально рассмотрен широкий круг актуальных вопросов, посвященных исследованиям в области функционирования романских языков с точки зрения комплексного междисциплинарного подхода.

Так, А.А. Штеба посвятил свой доклад способам объективации эмотивной нечеткости в аспекте перевода. Совместный доклад Е.И. Черкашиной и Т.В. Сластниковой касался проблемы функционирования интернациональной терминологии в международной профессиональной коммуникации. Г.В. Барышникова рассказала о семантико-коннотативных трансформациях этнонима во французском языке. Лингвокультурологический анализ эвфемизмов в испаноязычном медийном тексте представлен в совместном докладе В.А. Буряковской и В.Д. Богомоловой. Е.В. Закирова в докладе рассмотрела речевые стратегии и тактики испаноязычного футбольного журналиста на предматчевой пресс-конференции. В.Ю. Кабак посвятила свое выступление особенностям словообразования в морском социолекте испанского языка. Субдукция при формировании старофранцузского предложения представлена в докладе С.А. Кузичева. Проблеме прагматической адаптации при переводе песен Zecchino d'oro с итальянского языка на русский язык был посвящен доклад А.Г. Никитюка, проблеме создания экспрессивности художественного текста – доклад Н.Н. Остринской. М.А. Попова рассказала о лингвориторических параметрах медийного текста. Совместный доклад Ю.Г. Ткаченко и О.И. Короленко посвятили изучению языковой личности Маргерит Юрсенар. В докладе А.И. Томиловой речь шла о функционировании межъязыковых псевдоэквивалентов в политическом медиатексте на примере русского, английского, французского и испанского языков. Ф.Д. Федоров рассмотрел стратегии завершения конфликтной ситуации в испаноязычном политическом дискурсе. Коллега из Испании, Хорхе Мартин Перибаньес (Jorge Martín Peribañez), посвятил свой доклад особенностям иноязычного образования с применением современных технологий.

В рамках секции № 3 «Актуальные вопросы преподавания романских языков» практическим опытом с участниками конференции поделились учителя, представляющие образовательные учреждения Москвы и Волгограда. На секции были также представлены доклады коллег из Франции.

Предметной областью исследований докладчиков явился ряд актуальных на сегодняшний день вопросов, а также поиск новых форм, методов и приемов работы, используемых в учебной деятельности и во внеаудиторное время. Помимо преподавателей живой интерес эта секция вызвала у студентов – будущих учителей, которые смогли погрузиться в реалии современной школы, задать интересующие вопросы практикующим специалистам, перенять необходимый для будущей профессиональной деятельности педагогический опыт.

В своем докладе Л.Е. Бабушкина рассказала о функциональных возможностях ресурсных онлайн-платформ в обучении иностранным языкам студентов неязыковых направлений подготовки. Доклад Л.И. Дец был посвящен развивающим упражнениям на уроках французского языка в контексте требований ФГОС. В своем выступлении К.А. Захарова рассмотрела основные средства формирования социолингвистической компетенции, а Е.С. Зайцева посвятила свое выступление осмыслению существующих практик применения юмора на уроках иностранного языка. В совместном докладе М.С. Калининой, М.А. Эстерман, М.Э. Маргарян представлен принцип метапредметности на примере цифровой страноведческой квест-игры по теме «Париж». О приемах коммуникативного обучения грамматике на уроках французского языка в основной школе рассказала О.С. Климова. Совместный доклад Е.В. Костиной и В.С. Цвиркуновой касался проблемы индивидуализации обучения с применением искусственного

интеллекта на уроках иностранного языка. В докладе Н.И. Панютиной речь шла о формировании глобальных компетенций как компонента функциональной грамотности на уроках французского языка в старшей школе. Доклад Е.А. Песчанской был посвящен формированию личностных и метапредметных результатов обучения в ходе организации внеурочной деятельности по французскому языку в МОУ «Лицей № 9 Дзержинского района Волгограда». В совместном докладе И.И. Скрябина и Е.В. Зимина рассмотрели особенности работы с инфографическими документами в контексте подготовки обучающихся к ЕГЭ по французскому языку. Доклад О.Ю. Скрябиной касался вопроса применения сквозных технологий в обучении иностранному языку студентов педвуза, а О.А. Соловьева и А.А. Иваненко посвятили свое выступление использованию формата «Целевое обучение» как одного из трендов современного образования. Коллега из Франции, Фэто Мишель (Faitot Michel), проанализировал современное состояние преподавания иностранных языков во Франции.

Секция № 4 «Взгляд молодых исследователей на проблемы романистики» и секция № 5 «Взгляд молодых исследователей на проблемы преподавания романских языков» объединили студентов и магистрантов Московского городского педагогического университета и Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Тематика прозвучавших докладов отражает различные сферы лингвистики и методики преподавания французского и испанского языков. Участники данных секций продемонстрировали знание теоретической базы исследований, владение терминологическим аппаратом и методологическим аспектом проведенных исследований.

Во второй день конференции были организованы мастер-классы.

В рамках мастер-класса И.И. Скрябиной и Е.В. Зиминой рассмотрены структурные особенности и критерии оценивания задания 38 (письменного высказывания с элементами рассуждения на основе таблицы/диаграммы) в разделе «Письмо» экзаменационных работ участников ЕГЭ по французскому языку, приемы работы с инфографическими документами (графиками, таблицами, диаграммами). Мастер-класс Л.В. Хриченко был посвящен дидактическим возможностям кружковой работы по французскому языку как одной из форм организации внеурочной деятельности в рамках реализации обновленных ФГОС НОО, обоснованию проекта по теме «Чемоданчик сказок». М.С. Калининой и М.А. Эстерман рассмотрены преимущества использования коммуникативной игры на уроках французского языка в школе и вузе, функции коммуникативной игры, типы коммуникативных игр, правила проведения коммуникативной игры, примеры коммуникативных игр на французском языке. В рамках своего мастер-класса В.Ю. Кабак рассмотрела особенности культуры Мексики, предложила интерактивные формы работы с аудиторией: квиз, викторину с использованием ИКТ. На мастер-классе, организованном М.А. Поповой, были рассмотрены виды результатов обучения по ФГОС, специфика метапредметных результатов обучения в контексте реализации обновленных ФГОС НОО и ООО, технология организации и алгоритм проведения ролевых игр на уроках испанского языка в средней и высшей школе, а также примеры ролевых игр на испанском языке.

III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация» прошла на высоком уровне. В ходе всех заседаний был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов современной романистики и преподавания романских языков, способствующих развитию регионального и международного научного сотрудничества.

The topical issues of the Romance philology in the context of the modern challenges and self-identification

(Статья поступила в редакцию 22.11.2023)

Т.В. ЧЕРНИЦЫНА
Волгоград

О ЧЕМ ГОВОРЯТ УЛИЦЫ (рецензия на книгу: Разумов Р.В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография / Р.В. Разумов; под научной ред. В.И. Супруна. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.).

Рецензируемая научная работа Р.В. Разумова предназначена ученым-лингвистам, преподавателям вузов, студентам, аспирантам, а также всем тем, кому интересны городское урбанонимическое пространство, вопросы классификации и функционирования терминов *урбаноним, микротопоним, эргоним, ойкононим, хрононим* и т. д. Этим обусловлен выбор автором цели исследования – определение полевой организации и принципов социоономастического исследования русской урбанонимии в синхроническом и диахроническом аспектах (с. 14). Объектом исследования монографии является урбанонимия Российской Федерации, а предметом – социоономастические факторы, определившие общие и специфические особенности урбанонимических систем регионов РФ, ее полевого устройства, описание факторов, влиявших на изменение онимической ситуации в городах страны со Средневековья до настоящего времени (с. 15–16).

Отметим тщательно продуманную структуру монографии, которая включает следующие разделы: введение, 4 главы, заключение и библиографический список, включающий около 500 источников, в том числе словари, нормативно-правовые документы, тексты СМИ и материалы интернет-ресурсов.

Во введении исследователь подробно рассматривает этапы урбанонимичеких исследований: **доономастичекий**, связанный с появлением первых исторических описаний городов; **первый собственно ономастический этап** (1960–1970-е гг.), заложивший основной принцип исследования урбанонимов (синхронический анализ способов номинации или структурных особенностей названий отдельного города); **второй ономастический этап**, датируемый 1980–1990-ми гг. и связанный с теоретическим осмыслением особенностей развития урбанонимических систем населенных пунктов СССР, которые отразились в коллективном сборнике «Географические названия в Москве» 1985 г., а также в первых монографических исследованиях, таких как: «Урбанонимия Белоруссии» А.М. Мезенко [6] и «Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей» М.В. Горбаневского [3]; **третий этап урбанонимических исследований** (первые два десятилетия XXI в.) характеризуется количественным ростом исследований особенностей внутригородской номинации, но, как отмечает автор монографии, качество этих работ снизилось, т. к. *урбанонимы* стали привлекать внимание представителей «чистой лингвистики», произошел своеобразный откат к исходным позициям, т. е. к анализу общих закономерностей развития систем (с. 8–12).

Характерной чертой современного этапа изучения урбанонимического пространства автор называет обращение ученых к исследованию топографических терминов, употребляемых в урбанонимии, но не изученных в отечественной ономастике. Данный факт заставляет признать актуальность и научную новизну настоящей монографии, поскольку остро стоит вопрос о необходимости перехода к комплексному изучению полевого устройства урбанонимии Российской Федерации, особенностей ее функционирования и развития как в настоящее время, так и в течение многовековой истории ее формирования.

В первой главе «Городское урбанонимическое пространство как предмет научного исследования» рассмотрена социоономастика как новое направление ономастиче-

© Черницына Т.В., 2023

ских исследований. Как отмечает автор, соединение ономастики и социолингвистики «привело к выделению нового подраздела *социальной ономастики* в 1970 г. в работе В.Д. Бондалетова «Ономастика и социолингвистика» [1]. Р.В. Разумов с сожалением отмечает, что намеченная тогда автором одного из первых в стране учебников по социолингвистике [2] краткая программа по определению социальных функций ономастической лексики, выяснению особенностей антропонимии, топонимии и др. ономастических разрядов, сравнительно-типологическому изучению ономастического материала разных языков с учетом как интралингвистических, так и экстралингвистических показателей не была реализована (с. 22).

В завершение размышлений о социоономастике, опираясь на два основных подхода в ономастических исследованиях [4]: макросоциолингвистический и микросоциолингвистический – автор монографии выделяет направления социоономастических исследований в указанных аспектах, среди которых принципы создания, развития онимических систем в отдельные территориальные образования, их изменение; принципы описания онимических ситуаций, их типология, разработка возможных подходов к системному анализу компонентов онимической системы в конкретный исторический период; проблемы нормализации и упорядочения существующих онимических систем; восприятие и оценка имен собственных представителями различных социальных групп; правила выбора вариантов имен собственных в различных речевых ситуациях и др. (с. 27–28).

Анализируя многочисленные работы по ономастикону города, автор приходит к выводу: главной особенностью исследований, выполненных в рамках традиционной лингвистики, является слабое знакомство представителей последней с соответствующими ономастическими работами, что приводит к некорректному использованию урбанонимической терминологии, спорным принципам классификации (с. 33). Выход из сложившейся ситуации автора видит в упорядочении существующей ономастической терминологии и подробном социолингвистическом описании городских онимических систем, периферийных разрядов городских онимов, анализе отдельных онимических разрядов и их комплексном изучении; выявлении системных связей онимов, функционирующих в современном городском пространстве, региональных особенностей урбанонимических систем, а также изучении роли городских онимов в текстах разных стилей и жанров (с. 35–38).

Рассматривая ономастическую терминологию, автор критически отмечает важную деталь: на рубеже веков, в 1990–2000 гг., происходило активное создание множества параллельных терминов, что связано с распадом СССР и временным прекращением систематических научных контактов между учеными. Так, термин *трапезоним*, предложенный Т.В. Шмелевой [11] для обозначения кафе и ресторанов, дублирует уже известный термин *эргоним* и нарушает традицию образования ономастической терминологии от греческих и латинских корней (с. 41). Результатом работы Международного совета ономастических наук (International Council of Onomastic Scienes – ICOS) по унификации ономастической терминологии стал «Список ключевых ономастических терминов», состоящий из 19 единиц, перечень которых есть на английском, немецком, французском, польском языках. Недостатком толкования некоторых урбанонимических терминов в «Списке» Р.В. Разумов видит исключительно западноевропейский взгляд на ономастическую терминологию (с. 43). Так, автор констатирует, что в список базовых ономастических терминов попал лишь урбанонимический термин *годоним*, а его толкование в ICOS отличается от принятого в российской и славянской ономастике, т. к. на лицо расширительное толкование: от собственного имени пути (линейного объекта) до отнесения к нему проселочных дорог, бродов, площадей как внутригородских объектов, т. е. объединение в рамках одного термина нескольких ономастических единиц. Поэтому автор говорит о необходимости коррекции толкования термина *годоним* либо замене существующим в славянской и русской ономастике термином *дромоним* (вид топо-

нима, собственного имени или любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного [7]) (с. 45).

Рассматривая *урбаноним* как разновидность топонимов, автор справедливо отмечет, что целый ряд внутригородских объектов требует специальных ономастических терминов: названия остановок и станций метро, фонтанов, парков и городских садов, памятников. Благодаря ученым-ономастам Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруну создан целый ряд урбанонимических терминов: *гефиронимы* (собственное имя моста), *пилонимы* (названия ворот); *порейурбанонимы* (названия остановок внутригородского транспорта) [5] (с. 49).

Одной из острейших проблем современной ономастики автор называет соотношение терминов *микротопоним* и *урбаноним* из-за недостаточной их изученности и считает спорным утверждение А.Г. Широкова о том, что урбанонимы должны рассматриваться в качестве микротопонимов [10] (с. 51). В работе представлено сопоставление свойств *микротопонимов* и *урбанонимов*, которое доказывает их типологическую несхожесть, позволяет их дифференцировать. Например, по признаку «диапазон функционирования» (одному из 6) *микротопонимы* функционируют на территории локальной микросистемы или ряда соседних микросистем, а *урбанонимы* – на различных территориях, в том числе за пределами того региона, в котором они созданы (с. 55). Для унификации терминологии автор предлагает вслед за принятой в ономастике параллелью *топонимия – микротопонимия* закрепить в том же соотношении термины *урбаноним* как официальное название объекта и *микроурбаноним* как неофициальное (с. 57).

В рецензируемой работе автор поднимает и решает проблемы соотношения терминов *урбаноним* и *эргоним* (с. 73). Анализируя позицию ученых и отрицая возможность отождествления названных терминов, Р.В. Разумов приходит к выводу, что они являются двумя самостоятельными разрядами имен собственных (с. 74).

К основным аспектам социоономастического исследования Р.В. Разумов относит понятия *онимической ситуации*, *онимического вкуса*, *онимического стереотипа*, *урбанонимического конфликта*. Так, интересным видится наблюдение автора над онимическими стереотипами нашего времени: стремление подчеркнуть престижность элитного здания, что достигается использованием в названиях традиционных для рекламных имен слов, подчеркивающих высокое качество: *золото* (ЖК *«Золотая гавань»*, Санкт-Петербург), *солнце* (ЖК *«Солнечный»*, Мытищи), либо применением коннотативной лексики с положительной окраской, часто имеющей оттенки устарелости: ЖК *«Воронцовский* ***посад»,*** Москва, ЖК *«Ярославские палаты»,* Ярославль (с. 89).

Поскольку понятие *урбанонимический конфликт* практически не изучен в отечественной ономастике, автор монографии предлагает собственное понимание данного термина: разногласия между социальными группами или их отдельными представителями относительно восприятия какого-либо урбанонима или группы *урбанонимов* из-за несходства во взглядах, мнениях, оценке (с. 92–93). Среди причин онимических конфликтов автор называет такие: неоднозначные оценки многих мемориальных и идеологических названий, созданных в советскую эпоху; предложения об увековечивании памяти о личностях, чья деятельность неоднозначно воспринимается в обществе; предложения о переименовании объекта или о возвращении ему исторического названия (Как очевидцы баталий о переименовании города Волгограда в Сталинград подтверждаем актуальность обозначенной причины онимических конфликтов. – Прим. *Т.Ч.*). Решение онимических конфликтов автор видит в изучении ониматологами причин появления противоречий и в выработке рекомендаций по их предотвращению (с. 99–104).

Вторая глава посвящена урбанонимическому полю русского языка: принципам его анализа, выделению онимических единиц ядра, околоядерного пространства и периферии.

Использование в ономастических исследованиях термина *поле*, как отмечает исследователь, стало возможным в 1973 г. после выхода в свет монографии А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» [8]. Новым основательным обращением к термину *поле* и полевому подходу в ономастике стала монография известного волгоградского ученого В.И. Супруна «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» [9]. Р.В. Разумов согласен с ученым в описании особенностей ядерно-периферийных отношений в ономастическом поле: ядро образуют антропонимы, а околоядерное пространство составляют *теонимы*, *мифонимы* и *зоонимы*, в то время как *топонимы* и *космонимы* имеют дисперсеную соотнесенность, в основе которой лежит величина именуемого объекта, степень известности *онима*, а также его расположение по шкале *язык – речь* [9] (с. 107).

Результаты глубокого сопоставительного диахронического анализа субразрядов *урбанонимов* в урбанононимическом поле отражены в таблицах. Данные последней из них, как отмечает автор, демонстрируют, что в начале XXI в. со сменой исторической эпохи произошло сокращение количества как символических и мемориальных названий, так и городских *хоронимов*, отражающих особенности объектов (с. 125).

В завершении анализа *хоронимов* автор подчеркивает, что их употребление не ограничено каким-либо стилем или формой речи, основной сферой их использования является официальный дискурс (с. 127). При этом автор называет особенностью настоящего времени одновременное функционирование в российских городах официально утвержденных названий районов и стихийно возникающих названий микрорайонов, число которых постоянно растет (с. 129).

Анализируя названия памятников, обелисков и др. мемориальных объектов, автор с досадой отмечает, что до сих пор подобный класс разряда имен собственных не выделен ни в одном из известных словарей ономастической терминологии, предлагает ввести в ономастику термин *монументонимы* (с. 148–149) и призывает к всестороннему и полноценному их изучению, в том числе орфографическому оформлению, т. к. действующие правила не позволяют определить их написание однозначно (с. 149–150).

Автор посвятил параграф *фонтионимам* (названиям фонтанов) как периферийному разряду имен собственных. Этот термин предлагает ввести автор монографии, т. к. данный тип онимов еще не получил описания в ономастике (с. 150). Р.В. Разумов выделил три типа онимов, называющих фонтаны: указывающие на какую-либо яркую особенность объекта («*Поющий журавль*», Москва); указывающие на местоположение объекта («*Театральный*», Москва / фонтан расположен на Театральной площади); символические названия фонтанов («*Дружба народов*», Москва / фонтан символизирует дружбу народов в СССР, в его центральной части установлены фигуры 16 девушек в национальных костюмах республик, входивших в состав СССР до 1956 г.) (с. 152–153).

В третьей главе «Русская урбанонимия в синхронии» автор монографии, анализируя типологию городских урбанонимических систем, констатирует, что до настоящего времени она не разработана, несмотря на то что имелись предпосылки к ее созданию (с. 154). Однако активные исследования особенностей языка отдельных регионов, зафиксированные в последние годы, позволили автору выделить 3 регулярные оппозиции урбанонимических систем на основе классификаций, принятых в социологии и географии: столичный город / провинциальный город; полилингвальный город / монолингвальный город; город-миллионник / большой город / средний город / малый город (с. 155–156). По всем оппозициям автором проведен масштабный анализ онимических систем больших, средних и малых городов ЦФО. Интересными представляются данные исследования, приведенные в таблице. Так, из шести топографических терминов (*улица, переулок, проезд, проспект, бульвар, площадь*) термин *улица* представлен не во всех малых городах, где среди адресных объектов не представлены линейные объекты, а термин *площадь* не является высокочастотным во всех типах населенных пунктов

(с. 172). На первом месте из 25 самых частотных урбанонимов в ЦФО находится *«Советская улица»* (с. 183). И это несмотря на то, что советский период страны уже в далеком прошлом.

Ценными, на наш взгляд, являются комментарии автора, основанные на наблюдениях в процессе исследования, о том, что в постсоветский период истории страны развитие систем урбанонимов полилингвальных городов базировалось на двух подходах: первый реализован в Казани, где не стали переименовывать существующие городские объекты, связанные с пропагандой советской идентичности, новая же национальная идентичность (татарская) создается с помощью новых урбанонимов, обозначающих строящиеся объекты; второй подход используется в республиках Кавказа, где для формирования региональной идентичности активно переименовываются внутригородские объекты (с. 190). Автором подробно описана типология принципов урбанонимической номинации, что, в свою очередь, позволит в дальнейшем исследователям названий городских объектов более полно описывать особенности онимических систем отдельных населенных пунктов.

В последней главе монографии Р.В. Разумов описывает особенности онимической ситуации в городах РФ (на материале урбанонимических систем городов Ярославской области и др. населенных пунктов) в диахронии, на четырех временных срезах: дорегулярный период населенных пунктов, конец XVIII – начало XX вв., 1920–1940-е гг. и 1950–1980-е гг. Урбанонимия начала XXI в. рассмотрена в отдельном параграфе. Лингвистический исторический экскурс к основам зарождения города как особого типа поселения, его строение и первые урбанонимы, возникшие в результате естественной номинации в процессе речевой практики горожан, изменение онимической ситуации, связанное с историческими, экономическими, политическими, социокультурными изменениями государства – все это держит внимание читателя, позволяет раскрыть особенности русской урбанонимии в разные периоды ее развития.

Нельзя не согласиться с автором, который пишет о том, что восстановление исторических названий, характерное для номинативной ситуации в урбанонимии в конце XX – начале XXI в., – важный и нужный процесс, который не должен политизироваться (с. 338).

Подводя итоги, подчеркнем теоретическую и практическую значимость рецензируемой работы: в ней впервые проводится комплексное описание полевого устройства урбанонимии РФ, формулируются основные направления ее социоономастического исследования, определяются общие специфические особенности названий внутригородских объектов, анализируется изменение ононимической ситуации в российских городах со Средневековья до настоящего времени, обозначены направления упорядочения ономастической терминологии. Материалы исследования могут быть полезны при подготовке новых справочников по топонимии населенных пунктов, для уточнения времени возникновения тех или иных. Результаты проведенного исследования направлены на развитие общей теории топонимики и ее особого раздела – урбанонимии. Обозначенные автором перспективы исследования обширны: изучение неядерных разрядов урбанонимии, анализ особенностей функционирования городских онимов в различных функциональных стилях, их трансформация в речи, роль в художественной литературе и многие другие. Без сомнения, стартом для любого из них станет рецензируемая монография.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М., 1970. С. 17–23.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М., 1987.
3. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М., 1996.

4. Крюкова И.В. Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2. С. 30–35.

5. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.

6. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии / под ред. П.П. Шубы. Минск, 1991.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988.

8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград, 2000.

10. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: Апеллятивно-онимические комплексы: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

11. Шмелева Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен, 2014.

* * *

1. Bondaletov V.D. Onomastika i sociolingvistika // Antroponimika. M., 1970. S. 17–23.

2. Bondaletov V.D. Social'naya lingvistika: uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskih institutov po special'nosti № 2101 «Russkij yazyk i literatura». M., 1987.

3. Gorbanevskij M.V. Russkaya gorodskaya toponimiya: metody istoriko-kul'turnogo izucheniya i sozdaniya komp'yuternyh slovarej. M., 1996.

4. Kryukova I.V. Sociolingvisticheskie aspekty onomasticheskih issledovanij: postanovka problemy // Voprosy filologii. 2014. № 2. S. 30–35.

5. Madieva G.B., Suprun V.I. Sistema sovremennoj russkoj urbanonimicheskoj terminologii / G.B. Madieva, V.I. Suprun // Voprosy onomastiki. 2017. T. 14. № 2. S. 115–125.

6. Mezenko A.M. Urbanonimiya Belorussii / pod red. P.P. Shuby. Minsk, 1991.

7. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii / otv. red. A.V. Superanskaya. M., 1988.

8. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M., 1973.

9. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial: monografiya. Volgograd, 2000.

10. Shirokov A.G. Russkaya urbanonimiya v diahronicheskom osveshchenii: Apellyativno-onimicheskie kompleksy: dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2002.

11. Shmeleva T.V. Onomastikon rossijskogo goroda. Saarbryukken, 2014.

What do the streets mean (the review of the book: Razumov R.V. The Russian urbanonymy: field organization, nomination models, sociolinguistic features of functioning: monograph / R.V. Razumov; scientific editing by V.I. Suprun. – Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after. K.D. Ushinsky, 2022. – 387 p.)

(Рецензия поступила в редакцию 31.10.2023)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексенцева Екатерина Олеговна – аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: e.aleksentseva@mail.ru

Бобырева Екатерина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: new_life@mail.ru

Верховых Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета. E-mail: lverhovyh@mail.ru

Волкова Яна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. E-mail: y.a.v@list.ru

Гулинов Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: satellite74@yandex.ru

Демкина Юлия Александровна – ассистент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail yuliyademkina@mail.ru

Завьялова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Иванкова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: irina-ivankova@yandex.ru

Кислякова Евгения Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Крюкова Ирина Васильевне – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kryukova-irina@ya.ru

Макарова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: olka1@inbox.ru

Мурзинова Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: imurzinova@yandex.ru

Нагорнов Михаил Игоревич – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. E-mail: 1142220072@rudn.ru

Никитина Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: meav@yandex.ru

Омельченко Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель английского языка, Волгоградский технический колледж. E-mail: novikova-ok@mail.ru

Писарская Тамара Радомировна – кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. E-mail: tamara.tamrad@gmail.com

Пром Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки», Волгоградский государственный технический университет. E-mail: natalyprom77@mail.ru

Сунь Ихань – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Донецкий государственный университет. E-mail: terkulov@rambler.ru

Толкачева Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: tolkana@mail.ru

Ханинова Тимма Михайловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом фольклора и литературы, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. E-mail: khaninova@bk.ru

Черницына Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

Шеленок Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов; доцент кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

Якименко Надежда Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: yak.nadega@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anna Nikitina – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: meav@yandex.ru

Dmitriy Gulinov – Advanced PhD (Philology), Head of the Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: satellite74@yandex.ru

Ekaterina Aleksentseva – Post Graduate Student, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail e.aleksentseva@mail.ru

Ekaterina Bobyreva – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru

Elena Zavyalova – Advanced PhD (Philology), Professor, Astrakhan State University, E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Evgeniya Kislyakova – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Irina Ivankova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: irina-ivankova@yandex.ru

Irina Kryukova – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kryukova-irina@ya.ru

Irina Murzinova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: imurzinova@yandex.ru

Lyudmila Verhovyh – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Social Disciplines and the Humanities, the Borisoglebsk branch of Voronezh State University, E-mail: lverhovyh@mail.ru

Mikhail Nagornov – Post Graduate Student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, E-mail: 1142220072@rudn.ru

Mikhail Shelenok – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philosophy and Culture Studies, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences; Associate Professor, Department of Russian Literature History, Saint-Petersburg State University, E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

Nadezhda Yakimenko – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Russian Language as a Foreign Language and its Teaching Methods, Saint-Petersburg State University, E-mail: yak.nadega@mail.ru

Natalya Prom – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, E-mail: natalyprom77@mail.ru

Natalya Tolkacheva – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: tolkana@mail.ru

Oksana Omelchenko – PhD (Philology), Lecturer of English Language, Volgograd Technical College, E-mail: novikova-ok@mail.ru

Olga Makarova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, E-mail: olka1@inbox.ru

Sun Yihan – Post Graduate Student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Tamara Pisarskaya – PhD (Philosophy), Senior Lecturer, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, E-mail: tamara.tamrad@gmail.com

Tatyana Chernitsyna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

Timma Khaninova – Advanced PhD (Philology), Leading Research Worker, Head of the Department of Folklore and Literature, Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, E-mail: khaninova@bk.ru

Vyacheslav Terkulov – Advanced PhD (Philology), Head of the Department of Russian Language, Donetsk State University, E-mail: terkulov@rambler.ru

Yana Volkova – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, E-mail: y.a.v@list.ru

Yuliya Demkina – Assistant, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail yuliyademkina@mail.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.
Зам. главного редактора:
К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.
С.Г. Воркачёв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)
В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф (Саратов)
А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.
Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.
В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)
А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)
Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)
М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)
О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.
Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)
В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.
С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.
Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.
В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.
Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.
А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)
Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)
Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.
Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.
М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии